

А.К. Виноградов

Морской биолог

Виноградов

Константин Александрович

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ

Карадагский природный заповедник

95 ЛЕТ КАРАДАГСКОЙ НАУЧНОЙ СТАНЦИИ.
30 ЛЕТ КАРАДАГСКОМУ ПРИРОДНОМУ ЗАПОВЕДНИКУ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ

А.К. Виноградов

**МОРСКОЙ БИОЛОГ
КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ
ВИНОГРАДОВ**

Севастополь - 2009

УДК 882 - 94(477)

Виноградов А.К. Морской биолог Константин Александрович Виноградов - Севастополь:

НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2009 - 105 стр.

ISBN 978-966-02-5281-3

Книга посвящена известному гидробиологу, ихтиологу, зоогеографу, историку гидробиологических исследований и организатору науки - профессору, доктору биологических наук Константину Александровичу Виноградову, прожившему большую, насыщенную историческими событиями жизнь. Он был одним из организаторов и руководителей Камчатской морской станции (1932 - 1936 гг.), возглавлял Карадагскую биологическую станцию в 1937 - 1941 гг., восстанавливал ее работу в 1944-1952 гг., организовывал и руководил Одесской биологической станцией (ОдОИИБЮМ и ОФИБЮМ) в 1952-1972 гг. Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся наукой о море и морской биологией.

УДК 882 - 94(477)

Книга посвящена відомому гідробіологу, іхтіологу, зоогеографу, історику гідробіологічних досліджень і організатору науки - професору, доктору біологічних наук Костянтину Олександровичу Виноградову, який прожив велике життя, насичене історичними подіями. Він був одним із організаторів та керівників Камчатської морської станції (1932-1936 рр.), очолював Карадазьку біологічну станцію у 1937-1941 рр., відроджував її роботу у 1944-1952 рр., організовував та керував Одеською біологічною станцією (ОдОІБПМ, ОФІБПМ) у 1952-1972 рр. Розрахована на широке коло читачів, які цікавляться наукою про море та морською біологією.

ISBN 978-966-02-5281-3

© Виноградов А.К., 2008

Оглавление

Предисловие автора	4
Глава 1.	
Детство. Юность. Военная служба	6
Глава 2.	
Студенческие годы. Аспирантура. Карадаг 1929 - 1932 гг.	17
Глава 3.	
Дальний Восток. Камчатка. Ленинград	22
Глава 4.	
Карадаг 1937 - 1941 гг. Арест. Эвакуация	34
Глава 5.	
Карадаг 1944 - 1952 гг.	42
Глава 6.	
Одесса 1952 - 1989 гг.	64
Список публикаций К.А. Виноградова	96

Пререкладисловие автора

Эта небольшая книга посвящена отцу, гидробиологу, ихтиологу, зоогеографу, историку гидробиологических исследований и организатору науки - профессору, доктору биологических наук Константину Александровичу Виноградову, прожившему большую, насыщенную историческими событиями жизнь (1902- 1989 гг.)

Сотрудники Одесской биологической станции между собой основателя станции и её первого директора называли шефом и К.А. Так по традиции в этой книге называть его буду и я.

К.А. был свидетелем Первой Мировой войны, Февральской и Октябрьской революций в России, участвовал в Гражданской войне. Судьба дала ему возможность встречаться и общаться со многими знаменитыми учеными, известными и выдающимися людьми, государственными деятелями. Ему довелось работать на Дальневосточных морях, на Черном, Азовском, Каспийском, в Мраморном, Эгейском и Средиземном морях. К.А. был одним из организаторов и руководителей Камчатской морской станции (КМС) в 1932 - 1936 гг. Ему довелось возглавлять Карадагскую биологическую станцию (КБС) в довоенные годы 1937 - 1941 гг. и восстанавливать ее работу в 1944 - 1952 гг. К.А. организовал и руководил Одесской биологической станцией (ОБС), позднее Одесское отделение Института биологии южных морей АН УССР (ОдО-ИнБЮМ) в 1954 - 1970 гг. и Одесский филиал Института биологии южных морей АН УССР (ОФИнБЮМ) с 1970 г. по 1972 г.

Хотя К.А. всегда считал себя русским человеком, большая часть его жизни оказалась связанной с Украиной. Здесь он

служил в армии в 20-х годах 20 в., в городе Харькове учился, научную работу начал на Карадаге в Крыму. Сюда он возвращался в 1937 г. и в 1944 г. В Одессе К.А. прожил с 1952 г. по 1989 г.

Научные интересы и подходы К.А. формировались под влиянием выдающихся отечественных ученых С.А. Зернова, Н.М. Книповича, Л.С. Берга, Ю.М. Шокальского, с которыми он был лично знаком. Главным и непосредственным своим учителем в области гидробиологии К.А. считал К.М. Дерюгина. Под его непосредственным руководством он проработал несколько лет.

Образцом преданности науке для К.А. были Н.Н. Миклухо-Маклай и О.Ю. Шмидт.

В своей жизни К.А. придерживался двух девизов, связанных с выдающимся ученым адмиралом С.О. Макаровым. Адмирал, любил цитировать штурмана Т.Т. Будрина, „Пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, не пишем" и его собственное высказывание „Обобщать никогда не преждевременно". Это обстоятельство позволяет с высокой степенью достоверности восстанавливать этапы работы самого К.А. и руководимых им научных учреждений и коллективов. Обобщение всегда предполагает определенный анализ и построение соответствующих гипотез, а это в научной работе полезно на всех этапах разработки темы.

К числу таких итоговых работ можно отнести: Обзор работ Карадагской биологической станции по фауне и флоре Черного моря за 30 лет (1917 - 1947). - Успехи современной биологии, 1948, т. 26, вып. 2, с. 733-788; Одесская биологическая станция Института гидробиологии АН УССР, история ее возникновения и

проводимые исследования „Океанология“, 1963, № 3, с. 554-558; Обзор работ, проведенных Одесским отделением ИнБЮМ (1954-1967 гг.) - В кн.: Биологические проблемы океанографии южных морей, 1969, с. 5-44 и др.

Фамилия Виноградов на территории России и Советского Союза довольно распространена. В литературе о море упоминаются многие крупные и известные ученые с этой фамилией: А.П. Виноградов, М.Е. Виноградов, Л.Г. Виноградов, Б.Г. Виноградов, Н.Г. Виноградова, Е.Г. Виноградова, Л.А. Виноградова и др. Родственные связи их с К.А. Виноградовым не прослеживаются. С большинством из них К.А. был лично знаком, но, свой путь в науке прокладывал сам.

В книге я использовал не только документальные сведения, но и свои собственные воспоминания о событиях, связанных с К.А., свидетелем или участником которых я был сам. Первые смутные воспоминания у меня связаны с победными салютами в г. Киеве в 1945 г. Отдельные эпизоды приходятся на 1946 - 1948 гг. Гораздо больше деталей, подробностей и лиц всплывает в памяти с 1949 - 1950 гг. Родители рассказывали, что в числе первых десяти слов, которые я начал произносить, были „салют“ и „диссертация“. Мне не хотелось, давать лишь сухие биографические факты о К.А. Я полагал, что сведения об условиях жизни, быте, окружении, людях с которыми он общался, дадут более полное представление о К.А., как о человеке и ученом.

Я не писал историю биологических станций, на которых работал К.А., но именно через их становление и научную деятельность в тот период можно более объективно оценить и личный вклад К.А. в развитие науки о море. Он считал, что функции директора состоят, прежде всего, в объединении усилий кол-

лектива ученых для выполнения поставленных научных задач и создании для этого необходимых условий.

Книга состоит из биографического очерка и библиографического указателя, в котором приведен список публикаций по разным темам.

Как сказал один известный поэт: „Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд“. К.А. был награжден медалью „За боевые заслуги“ и медалью „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.“. В 2009 году в истории морской гидробиологии на Украине произойдут два важных события - 95-я годовщина создания КБС и 55-я годовщина организации ОБС. На протяжении многих лет деятельность этих учреждений была связана с именем профессора К. А. Виноградова.

Большой вклад в науку о море К.А. и руководимых им научных коллективов стал признанным историческим фактом, закреплен в научной литературе и с прошествием времени проявляется все рельефнее.

Еще в Библиографическом указателе, посвященном Константину Александровичу Виноградову (Составители Л.И. Шекера, А.К. Виноградов; ОГНБ им. Горького, Одесса, 1984, - 59 с.) в списке литературы о К.А. приведен 221 источник. За прошедшие с того периода годы в печати появились еще десятки новых ссылок на его работы и появились новые статьи, освещающие его научную деятельность.

Автор благодарен всем коллегам и родственникам оказывавшим помощь и поддержку при сборе материалов к книге и особенно признателен К.А. Виноградову (внуку К.А.) и Р.В. Мигас за компьютерную обработку и подготовку текста.

Родился К.А., 1 февраля 1902 г. в г. Ревеле (Таллинн), отец - Александр Александрович Виноградов, мать - Мария Михайловна Виноградова (Саблина). Отец был химиком по образованию, окончил Московский университет, в г. Ревеле заведовал лабораторией на спиртзаводе. Крестили К.А. в портовой церкви покровителя моряков Николая Угодника. Видимо, тогда судьба и предопределила ему быть на всю жизнь связанным с морем.

Первые азы науки он получил в Ревеле в частной подготовительной школе Е. Подчертковой. Затем поступил в русскую гимназию, где учился до Первой Мировой войны. В одном опубликованном интервью, рассказывая о своем детстве в городе Ревеле, К.А. вспоминал: „Семья жила очень дружно, отец и мать любили музыку, пение, дома устраивались домашние концерты (ему доверяли перевертывать ноты на пианино), отец и его брат дядя Сережа пели. Приходили знакомые поиграть в шахматы с отцом. Он прекрасно рисовал и увлекался фотографией. Очень любил природу, принимал участие в российских и международных конкурсах фотолюбителей, был даже призером конкурса в Вене. Помнятся семейные торжества, традиционные праздники, особенно Новогодняя елка. Прогулки с отцом зимой на лыжах, выезды летом на дачу, хождение за грибами и ягодами, поступление в подготовительную школу. Никакой особой педагогики в доме отца не существовало. Воспитывали не нотациями, не поучениями, не наказаниями - воспитывала сама атмосфера дома, уклад жизни, характер общения бывавших в нем и живших в нем людей. Никаких выпивок

в доме не устраивали и это притом, что отец возглавлял лабораторию на спиртзаводе”.

У К.А. был младше его на два года брат Алеша и младшая на четыре года сестра Надя.

У отца К.А., Александра Александровича, были два брата (дяди К.А.), уже упоминавшийся Сергей Александрович и Николай Александрович. У Александра Александровича была и сестра (тетя К.А.) - Елена Александровна.

О рождении отца К.А., Александра Александровича есть любопытный документ, именуемый «Метрическая выпись», подписанный диаконом Воскресенской церкви г. Рязани Иоаном Никольским. В выписи указано: „Дана сия причтом города Рязани Воскресенской церкви в том, что по записям метрических книг нашей церкви за тысяча восемьсот семидесятый 1870 год под № 10 в графе мужского пола в 1-й части о родившемся у учителя Рязанской семинарии Александра Константиновича Виноградова и законной жены его Марии Васильевой сыне Александре значится рожденным месяца июня 11 числа, а крещен 13 числа того же месяца, что и удостоверяем своим подписом и приложением церковной печати”. Стиль и орфография полностью сохранены. Девичья фамилия бабушки К.А. по линии отца Марии Васильевны была Айдарова и происходила она из рязанских татар. Из этого документа следует, что деда К.А. звали Александр Константинович, а прадедушку, как и его Константином. Вообще, в семье Виноградовых по традиции старшего из сыновей называли либо Александром, либо Константином.

Дата рождения приведена по старому стилю.

Метрическая выписка о рождении А.А. Виноградова - отца К.А.

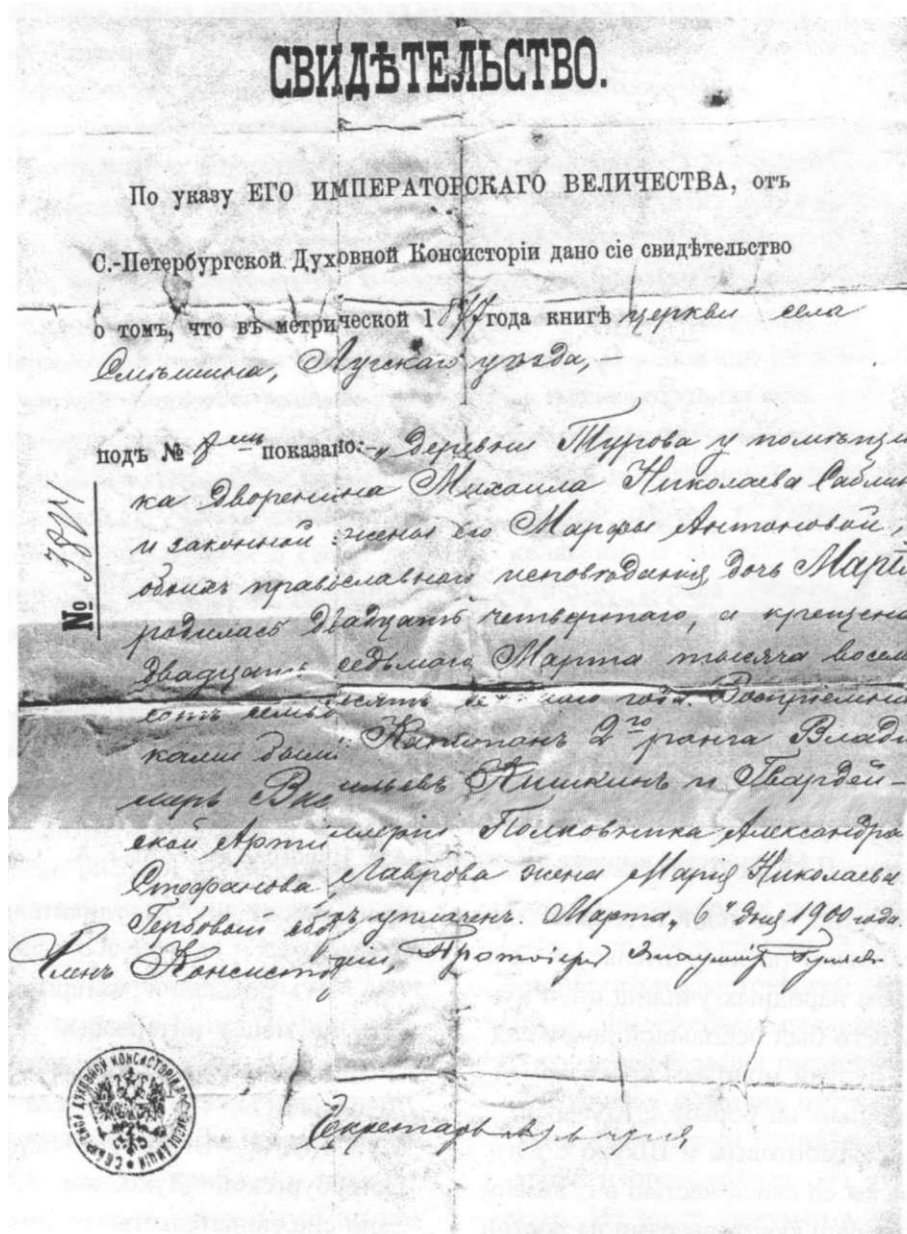
Известно, что дед К.А., Александр Константинович, после учительства был инспектором народных училищ в г. Рязани. Там у него был небольшой дом и сад. В 1919 г., будучи молодым красноармейцем, посланным на борьбу с Колчаком с Востока и Мамонтовым и Шкуро с Юга, К.А. оказался со своей частью в г. Рязани и был размещен квартирьерами на постой в одном из домов. Утром сердобольные хозяева стали допытываться: „Откуда ты, сынок? Кто родители? Как фамилия?“ Оказалось, что ночевал он в доме, когда-то принадлежавшем его деду. Судьба

преподносит иногда удивительные сюрпризы.

О рождении матери К.А. также есть не менее интересный документ на специальном бланке, называемый «СВИДЕТЕЛЬСТВО». По указу его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, от С.-Петербургской Духовной Консistorии дано сие свидетельство о том, что в метрической 1877 года книге церкви села Смешина, Лужского уезда, - под № 8 показано: - „деревни Турова помещика, дворянина Михаила Николаевича Саблина и законной жены его Марфы Антоно-

вой, обоих православного исповедания, дочь Мария родилась двадцать четвертого и крещена двадцать седьмого марта тысяча восемьсот семьдесят седьмого года. Восприемниками были: Капитан 2-го ранга Владимир Васильевич Кишкин и Гвардейской Артиллерии Полковника Алек-

сандра Стефанова Лаврова жена Мария Николаевна". Сохранены и орфография и стиль. Из свидетельства очевидно, что второго деда К.А. звали Михаил Николаевич Саблин, а вторую бабушку - Марфа Антоновна. Дата рождения приведена по старому стилю.

Свидетельство о рождении М.М. Виноградовой (Саблиной) - матери К.А.

Еще до Первой Мировой войны две сестры Марии Михайловны вышли замуж и оказались за границей. Гражданская война еще больше разбросала Саб-

линых по свету. По семейным рассказам среди родственников К.А. по линии Саблиных был и революционер - народник Николай Алексеевич Саблин, участво-

вавший в покушении на царя Александра II и застрелившийся при аресте в 1881 г.

В роду Саблиных было много военных. Как сухопутных, так и моряков. Говорят, были среди них даже генералы и адмиралы. Собственно, сама фамилия уже говорит о многом. Бывший Лужский уезд и современный г. Луга находятся на территории Ленинградской области, бывшей столичной губернии. В Ленинградской области есть железнодорожная станция Саблино. Имеет ли это название какое-либо отношение к предкам К.А., мне доподлинно не известно. Таким образом, корни К.А. по линии Виноградовых связаны с г. Рязанью, а по линии Саблиных с окрестностями Петербурга.

Детские годы в г. Ревеле сформировали из него романтика. Город с необычной для России архитектурой, старинными башнями, живописным Вышгородом, красивым историческим парком Кадриоргом конечно не могли оставить его равнодушным. В детстве в г. Ревеле, как и на протяжении последующей жизни, К.А. очень любил ходить смотреть на военные корабли, торговые пароходы, парусники. Сюда несколько раз в год, во время учений заходили русские военные эскадры. Бывали с визитами и иностранные военные корабли. Нравилось ему гулять и у памятника погибшему во время шторма при переходе из Ревеля в Гельсингфорс броненосцу „Русалка” эстонского скульптора А. Адамсона. В Вышгороде его тянуло в собор Александра Невского, побывать возле склепа знаменитого мореплавателя И.Ф. Крузенштерна, постоять у мраморных досок с именами героев. Он старался быть в курсе флотских дел. Его дядя Сергей Александрович был моряком. Среди родственников и знакомых, бывавших в гостях, также было много моряков. Естественно, уже в детские

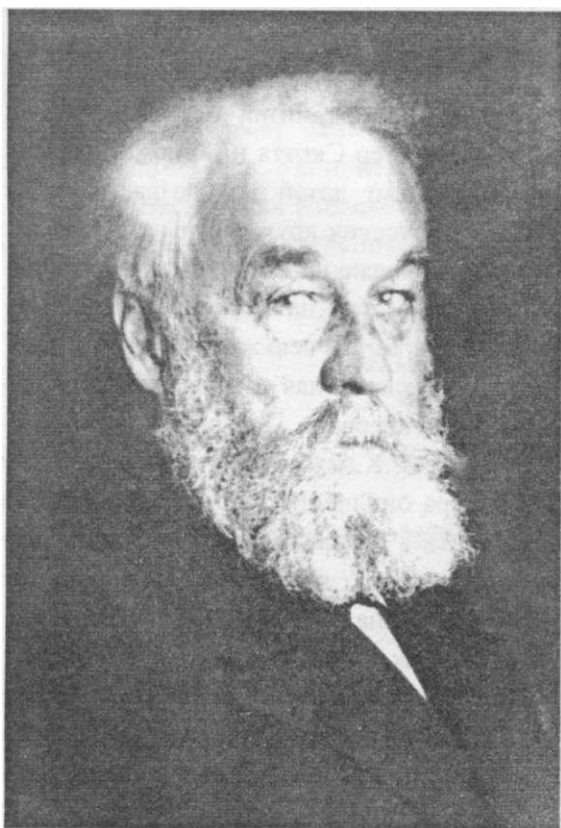
годы К.А. тоже мечтал иметь морскую профессию.

Будучи гимназистом, он с большим интересом читал не только Майн Рида, Вальтер Скотта и Жюль Верна, как большинство детей его возраста, но и книги о русских кругосветных плаваниях, морских сражениях, географическую литературу. Книги на эти темы К.А. в дальнейшем собирал всю жизнь.

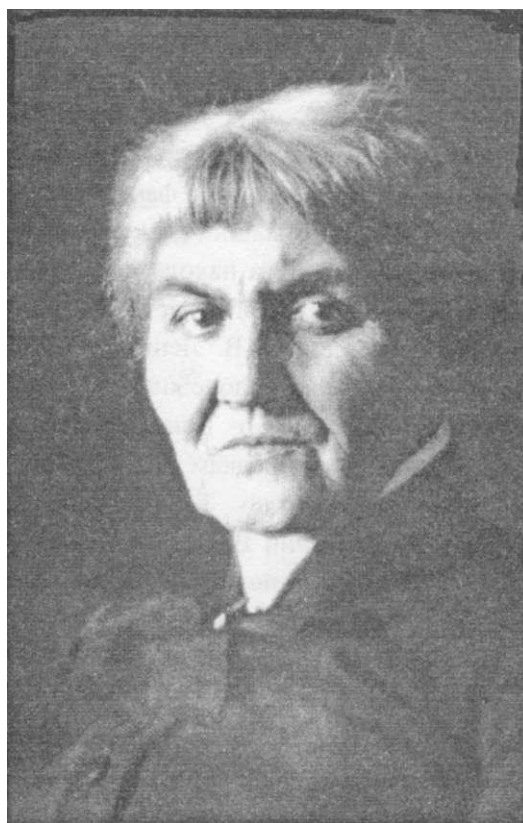
Налаженная мирная жизнь в Ревеле была прервана Первой Мировой войной. Отец К.А. был призван в качестве офицера ополчения в армию и отправлен служить в Финляндию в гарнизон крепости Свеаборг, находившейся на острове Суоменлинна, неподалеку от Гельсингфорса, как тогда по-шведски называли г. Хельсинки. Свеаборг был важной военноморской базой. А.А. Виноградов служил в прожекторной части, участвующей, главным образом, в защите побережья. За войну в царской армии он прошел путь от прапорщика-ополченца до поручика. Командовал прожекторной ротой. Через некоторое время после назначения А.А. Виноградова в Свеаборгскую крепость, в Гельсингфорс переехала вся семья.

В Гельсингфорсе был флот, и интерес к нему у К.А. сохранялся. Период с 1914 г. по 1917 г. был памятен для него частыми плаваниями через Финский залив по не совсем безопасному маршруту Ревель - Гельсингфорс и Гельсингфорс - Ревель. Это было тревожно, но интересно. Существовала немалая угроза быть атакованными немецкими подводными лодками, самолетами или подорваться на mine.

Плавали на военизированных финских пароходах „Висла” и „Борэ”, морском транспорте „Балтик” и на легендарном ледоколе „Ермак”, на который поставили пушки. Расстояние от Ревеля до Гельсингфорса около 50 миль.

Дед К.А. по отцовской линии Александр Константинович Виноградов

Бабушка К.А. по отцовской линии Мария Васильевна Виноградова (Айдарова)

Отец К.А. - Александр Александрович Виноградов

Мать К.А. - Мария Михайловна Виноградова (Саблина)

Это были настоящие морские плавания. Особенно в штормовую погоду.

С 1915 г. К.А. учился в русской гимназии в Гельсингфорсе. В 1916 г. положение русской армии в Прибалтике осложнилось. Немцы наступали, стремясь захватить г. Ригу, Рижский залив и Моонзундский архипелаг. А.А. Виноградов вместе со своей частью (464-м пехотным Селигерским полком) был направлен на Северный фронт в 12-ю армию под Двинск (Даугавпилс), Ригу и Усть-

Двинск, расположенные на берегу Западной Двины, называемой в Латвии Даугавой. Здесь шли тяжелые бои. В 1917 г. его перевели в 175-й пехотный запасной полк в с. Медведь Новгородской губернии, в, так называемые, „аракчеевские казармы". Это был целый военный городок. Через некоторое время это обстоятельство сказалось и на судьбе К.А.

Известному одесскому журналисту Б.Ф. Деревянко К.А. рассказывал, как Февральская революция застала его в

Отец К.А. А.А. Виноградов после призыва на военную службу в Первую Мировую войну (1914 г.)

Гельсингфорсе. В день, когда туда докатились ее волны, он шел на уроки. На улицах были толпы солдат, моряков, рабочих, студентов. Пройти к гимназии казалось невозможным. Но он не повернул, пользуясь случаем, домой, а стал расспрашивать солдата с красным бантом. „А как же занятия в гимназии? Будут или нет?" Солдат весело ответил: „Гимназия на сегодня отменяется! Царя сместили,

М.М. Виноградова с детьми.
К.А. в гимназической форме

революция, власть народа пришла, долой гимназию". Что это значило, не очень было понятно.

Однако тогда ученик пятого класса Гельсингфорской русской гимназии Константин Виноградов, как отметил журналист, не принял на веру слова солдата. Он все же добрался до своего Учебного заведения. Оказалось, что там уже полным ходом шла „своя революция".

Инспектор объявил, что события в Петрограде одобряет, и в доказательство этого тоже показал красный бант на мундире. Журналист писал: „Собственно в этом эпизоде отразилась одна из основных черт характера К.А. - наблюдать и проверять". Возможно, так формировался исследовательский подход, столь необходимый будущему ученому и чувство ответственности. После призыва отца в армию К.А. остался в семье старшим из мужчин и чувство ответственности за мать, сестру, брата - появилось очень рано.

Скоро стало ясно, что революция это не только слезы радости и веселья. Это жестокая борьба. Лозунг „Смерть врагам революции" быстро нашел свое воплощение, К.А. видел, как грузили на грузовик тела убитых матросами адмирала и офицеров. Дети этих офицеров учились с ним в одной гимназии. Трудно было понять, почему это происходит.

В связи с обострением обстановки в Финляндии и ее стремлением отделиться от России, летом 1917 г. после окончания учебного года, А.А. Виноградов забрал всю семью в с. Медведь. В качестве выборного командира батальона, и члена полкового комитета, что свидетельствовало о его авторитете среди солдат-фронтовиков, он принимал участие в памятных и К.А. событиях, связанных с корниловским мятежом на станциях Дно и Уторгош (под Псковом и Новгородом) и его подавлением. Село Медведь неожиданно оказалось в самом центре исторических событий.

Генерал Л.Г. Корнилов был очень популярным в армии командиром. Его уважали за личную храбрость. Когда весь фронт рушился, в июле-августе 1917 г. он был назначен Временным правительством Верховным главнокомандующим. Корнилов способствовал сдаче немцам Риги и

одновременно стягивал надежные, по его мнению, войска к Петрограду, якобы для прикрытия столицы от немецкого наступления. В конце августа он поднял мятеж, надеясь остановить революцию и крах царской армии. Отец К.А. в то время вполне мог оказаться и в корниловских рядах. Но, работая на заводе до войны, он общался с рабочими и знал их настроения. Служба в армии, в которой недовольство войной и существующим положением было широко распространено, подсказывали ему, хотя он не был большевиком или революционером, что революция неизбежна. Поэтому он со своим батальоном и участвовал в разгроме и аресте мятежников из конного корпуса генерала Крымова и Дикой дивизии. Тем не менее, единомышленники помогли генералу Корнилову бежать из-под ареста, и он возглавил „белое движение" на юге России. Завязалась братоубийственная война. Теперь же на месте гибели генерала в ростовских степях поставлен памятник.

В селе Медведь школы или гимназии не было. У К.А. была возможность уехать в г. Новгород и попытаться продолжить там учебу. Вместо учебы они с братом увидели перестрелки и убитых в с. Медведь людей, одетых в одинаковую русскую армейскую форму. В сумятице событий, связанных с мятежом, К.А. вместе с младшим братом оказались в г. Новгороде, но в роли беспризорников. Несколько недель им пришлось выживать самим. Два домашних паренька 15 и 13 лет спали на улице, ели, что придется. Им помог какой-то предприимчивый дядька с Украины, торговавший табаком и махоркой. Он нанял их, подкармливал, а они за это помогали сбывать махорку. Табак, перемешанный с буркуном, дядька им не доверял.

Сохранилось письменное согласие гимназического начальства о приеме на учебу в Новгородскую гимназию К.А. и его младшего брата. Оставалось только передать личные дела из Гельсингфорса, подтверждающие, что они учились там. Но бурные события в корне поменяли и их планы, и вообще всю жизнь в стране.

После возвращения в с. Медведь К.А. начал свою трудовую жизнь в качестве рабочего - упаковщика в интендантских складах старой царской армии, подлежавших передаче вновь организуемым частям Красной Гвардии и Красной Армии. Детство и юность для К.А. закончились довольно рано, и завершала его воспитание военная служба.

Осенью 1918 г., собрав всю семью, отец К.А. переехал в г. Новгород и вступил в ряды Красной Армии. Он посоветовал сыну также на время забыть об учебе и идти в Красную Армию. С ноября 1918 г. в Красной Армии и К.А. Первоначально он служил в Новгородском губвоенкомате, затем недолгое время в Инспекции артиллерии 6-й армии. Летом 1919 г. по службе он оказался в г. Козлове (Мичуринск). Там же находился и его отец А.А. Виноградов, получивший туда назначение в качестве преподавателя курсов красных командиров Южного фронта. Это была короткая встреча. Отцу К.А. в годы Гражданской войны довелось побывать на Колчаковском и Деникинском фронтах.

При движении части по Волге К.А. тяжело заболел. Бойцов буквально косил сыпной тиф. Ему повезло, и он выжил, но почти лишился волос на голове. С тех пор он брил голову. Как говорили позднее в армии, делал прическу под Г.И. Котовского. Поступив в армию в ноябре 1918 г., К.А. служил в штабах Южного и Юго-Западного фронтов (1919-1921 гг.), всех вооруженных сил на Украине и в Крыму (1921-1924 гг.) и Украинского военного округа (1924-1929 гг.). В ноябре 1929 г. он уволился из армии, отдав ей 11 лет своей жизни.

Служил К.А. добросовестно, о чем говорит Удостоверение № 5152 от 31 марта 1921 г. „...за особо понесенные труды по ликвидации врангелевского фронта награжден металлическими часами". На часах было выгравировано: „Честному воину Красной Армии от Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов". Награды вручал красным командирам В.К. Блюхер.

В личном деле К.А. есть и такой документ, передающий дух эпохи. Удостоверение „...10. VI. 1921 г. - начальнику отделения по личному составу и организаторской работе Виноградову Константину Александровичу в том, что за усиленную, без ограничения времени работу по реорганизации армии ему выделены одна кожаная куртка, одни кожаные сапожки и одна кожаная сумка". В 1928 г., по случаю десятилетия РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии), он был награжден Почетной грамотой „десятилетника". Грамота была подписана „Всеукраинским старостой" Г.И. Петровским - Председателем ВУЦИКа (Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета). Награжден личным оружием (пистолет „Маузер") от Реввоенсовета Украинского военного округа, врученным 23 февраля 1928 г. командующим И.Э. Якиром.

По делам военной службы К.А. был знаком и общался со многими выдающимися полководцами Гражданской войны А.И. Егоровым, М.В. Фрунзе, В.К. Блюхером, И.Э. Якиром, И.П. Уборевичем, Г.И. Котовским, Р.П. Эйдельманом, А.И. Корком, П.П. Лебедевым и др. Слушал темпераментные эмоциональные выступления перед войсками Л.Д. Троцкого, видел и общался с Н.И. Махно, подразделения которого сыграли важную роль при штурме Перекопа и изгнании войск Врангеля из Крыма, видел и общался с бывшим командиром корпуса С. Петлюры генерал-хорунжим Ю.И. Тютюнником, перешедшим на сторону советской власти и многими другими интересными людьми.

Работники штаба Южного фронта. К.А. стоит третий справа (1918 г.)

По службе К.А. участвовал в выборе и подготовке коня, предназначенного в подарок от Советского правительства главе правительства Турции Кемалю Ататюрку, который был генералом и знал толк в лошадях. В ноябре 1921 г. на плавбазе дивизиона подводных лодок „Георгий” в сопровождении двух подводных лодок „АГ - 23” и „АГ - 24” советская делегация во главе с М.В. Фрунзе была доставлена в г. Самсун. Так конь, предназначенный Кемалю Ататюрку, оказался на турецкой земле. Гражданская война бросала К.А. его брата и их отца по разным местам. В 1920 г. в г. Харькове, куда он попал по службе, К.А. услышал на параде, что идут курсанты „школы красных командиров”. Он знал, что отец преподавал там. Разузнав, где находится школа, отправился туда. Так состоялась их

встреча. В г. Харькове пересеклись и пути К.А. и его брата. В г. Харькове, тогдашней столице Украины, собралась вся семья.

С г. Харьковом была связана жизнь родителей К.А. до самой кончины. О том, что отец К.А. был химиком, не только по образованию, говорит и то, что К.А. долго хранил, как память, пожелтевшую от времени брошюру - „Крестьянам о химии”, изданную на украинском языке в начале тридцатых годов прошлого века. Ее автор Александр Александрович Виноградов. Отец К.А. умер во время Великой Отечественной войны в оккупированном фашистами Харькове. Его мать и сестра пережили войну и так же похоронены там. Трагической была судьба младшего брата, умершего в г. Петропавловске-Камчатском.

К.А. - красноармеец (1919 г.)

Сестра К.А. Надежда Александровна Виноградова

К.А. в период службы в штабе Украинского военного округа в г. Харькове и одновременно учебы в Харьковском институте народного образования (1926 г.)

Дядя К.А. Сергей Александрович, служивший на флоте, тоже принял революцию. В составе группы морских специалистов, посланных Реввоенсоветом республики в 1920 г. для организации военно-морских сил на Черном и Азовском морях, упоминается и С.А. Виноградов (Черноморский флот. Исторический очерк. М., Военное издательство, 1967, 341 с). Позднее он плавал на торговых судах. Второй дядя, Николай Александрович, в годы Гражданской войны оказался за границей. Тетя, Елена Александровна, была замужем за крупным партийным функционером Пятаковым и была репрессирована.

Мать К.А. Мария Михайловна была мудрой женщиной. У К.А. до по-

следних ее дней были с ней очень доверительные искренние отношения. Присматривая ее письма, понимаешь, что К.А. не только в детстве и в юности, но и в 50-х годах продолжал делиться с ней и радостями и неприятностями, находя у нее моральную поддержку и радуя ее своими успехами.

Отец К.А. был решительным и смелым человеком. Был награжден в Первую Мировую войну за храбрость Георгиевским крестом. Уже в 30-х годах XX века он не боялся носить в торжественных случаях этот царский орден. К мнению и советам отца К.А. всегда прислушивался. В раннем взрослении и формировании характера К.А. отец сыграл очень важную роль.

Студенческие годы. Аспирантура.

Карадаг 1929-1932 гг.

В 1924 г. член Реввоенсовета Украинского военного округа В.П. Затонский собрал молодых командиров и сказал, что военная угроза отступила, и порекомендовал тем, кто хочет, идти учиться и получить высшее образование. „Родине нужны высококвалифицированные специалисты“.

Проблема поступить в Институт народного образования (ХИНО), как назывался тогда Харьковский университет, имея „за спиной“ пять классов гимназии и шесть лет армейской службы, была для К.А. достаточно сложной. Но сослуживец по фамилии Вишневский, поступающий в Медицинский институт, помог подготовиться. Вначале К.А. стал посещать химическое отделение, но вскоре произошла реорганизация, и его закрыли. Тогда он выбрал агробиологическое отделение.

В детстве К.А. мечтал стать моряком, но судьба распорядилась иначе. Однако, когда на одной из первых лекций по зоологии беспозвоночных, профессор Г.Ф. Арнольд рассказал о морских биологических станциях, К.А. решил сразу - это мое, это для меня. Можно идти к морю от науки. Что он и старался осуществлять на деле всю последующую жизнь.

Выпускником Харьковского университета был выдающийся биолог И.И. Мечников, окончивший его за два года вместо установленных четырех, и об этом там не забывали. Биологическая подготовка студентов велась на высоком уровне. Кафедра зоологии в Харьковском университете существовала с 1835 г.

Будучи одновременно студентом и военнотружашим, трудно совместить

одно с другим. Но с профессорами удалось договориться: приходить на занятия нужно было к шести утра, и заниматься до восьми. Потом служба до вечера, а с 18 часов красные командиры вновь становились студентами. Никаких скидок не было. Домой добирались поздней ночью.

В интервью К.А. сам рассказывал о годах учебы: „Я служил в армии и учился. Мои начальники, сослуживцы никогда не смеялись надо мной. Когда я сидел в комнате дежурного по штабу и читал в свободные часы учебники или другие книги, сюда заглядывали товарищи, интересовавшиеся, в чем заключается наука, которой я хочу посвятить жизнь. Здесь на дежурстве, я за одну ночь прочел книгу Петра Юльевича Шмидта „На островах Риу-Киу“, которая возбудила во мне желание поработать обязательно на морях Дальнего Востока. Конечно, тогда я не мог даже думать о том, что я не только лично буду знать П.Ю. Шмидта, но что он будет моим оппонентом в 1947 г. по моей докторской диссертации о фауне прикамчатских вод Тихого океана“.

В Харьковском университете учителями К.А. были: по зоологии позвоночных академик А.М. Никольский, по зоологии беспозвоночных профессор Г.Ф. Арнольд, по экологии профессор В.В. Станчинский, по биологии моря профессор В.Л. Паули, по пресноводной гидробиологии профессор Н.Н. Фадеев, по исторической геологии профессор Д.Н. Соболев и др. О них нужно рассказать подробнее.

Александр Михайлович Никольский (1858-1942) был выдающимся фау-

нистом и зоогеографом. В 1919 г. он был избран, в числе первых, академиком АН УССР. С 1921 г. он заведовал научно-исследовательской кафедрой зоологии Харьковского университета. Профессор Георгий Федорович Арнольд (1874-1935) с 1922 г. заведовал кафедрой зоологии беспозвоночных. Г.Ф. Арнольд был одним из организаторов биологического факультета в Харьковском университете и его первым деканом. По инициативе Г.Ф. Арнольда в Харьковском университете появилась традиция выезда студентов-зоологов на морскую производствен-

ную практику. Выдающимся гидробиологом был и профессор Николай Николаевич Фадеев (1894-1932). Благодаря ему в Харьковском университете в 20-х годах 20 в. сформировалась группа зоологов-гидробиологов. Профессор Владимир Владимирович Станчинский (1882-1942) стал одним из основоположников экологии в СССР. В 1929-1933 гг. он заведовал кафедрой зоологии позвоночных и возглавлял организованный им отдел экологии зоолого-биологического института Харьковского университета.

Первая гидробиологическая практика на р/с „Первое мая”.
К.А. у лебедки с батометром. Лето 1925 г.

Не только уважение, но и дружеские отношения связывали позднее К.А. и Владислава Львовича Паули (1885-1955). В Харьковском университете В.Л. Паули возглавлял кафедру гидробиологии. Он организовал там морское направление гидробиологических исследований и первым начал читать в 1926 г. курсы гидробиологии и гидрофауны. Им была органи-

зована в университете специализация в области гидробиологии. Одновременно с работой в Харькове, В.Л. Паули с 1929 г. по 1933 г. был директором Карадагской биологической станции (КБС), сыгравшей в дальнейшем важную роль в жизни К.А. Потом В.Л. Паули работал в Керчи и на Севастопольской биологической станции,

заведую отделом обростаний, но о Карадаге он тоже не забывал.

После Великой Отечественной войны Владислав Львович вместе с женой Миной Айзиковной Долгопольской, соученицей К.А., несколько раз приезжал на Карадаг. Мне он запомнился седым, элегантным и очень интеллигентным человеком. Чем-то он напоминал артиста. Памяти своего первого учителя по морской гидробиологии профессора В.Л. Паули К.А. посвятил свою книгу "Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море" (Киев: Изд-во АН УССР, 1958. - 156 с.)

В годы учебы К.А. город Харьков был не только административной, но и культурной столицей. К.А. посещал театральные постановки, музеи художественные выставки. Хотя времени для этого было мало, не чужды ему были литературные диспуты и модные тогда выступления поэтов. Сестра К.А. была балериной, училась в танцевальной школе Айседоры Дункан. В будущем, уезжая с Карадага в Киев, Москву и Ленинград в командировки, он стремился посещать театры, музеи, и художественные выставки.

На летние практики К.А. выезжал за счет своего армейского отпуска. С пресноводной гидробиологией он познакомился на правом притоке Днепра Северском Донце на биологической станции университета в Змиеве (Харьковская обл.) в 1925 г. Что такое морские фауна и флора с научной точки зрения К.А. узнал на биологических станциях на Черном море (Батуми - Цихиздзири, 1926; Карадаг, 1927). В 1926 г. он с группой сокурсников по своей инициативе прошли пешком вдоль берега моря от Анапы до Батуми. С северной фауной морей познакомился на Баренцевом море (Мурманск, 1928). Летом 1925 г. К.А. на судне „Первое мая”

впервые участвовал в гидробиологической съемке.

В Цихиздзири под Батуми находилась биологическая станция Тбилисского университета. В 1927 г. К.А. впервые попал на Карадагскую биологическую станцию Московского общества испытателей природы (МОИП) в Крыму. Здесь он познакомился с ее директором Александром Федоровичем Слудским, с которым потом десятки лет поддерживал связь. К.А. полюбил Карадаг сразу.

В его домашней библиотеке была книга Григория Москвича „Крым”, изданная в 1904 г. в г. Одессе и представляющая собой подробный путеводитель. На странице 150 в ней есть такое описание: „В устье Отузской долины, на берегу моря, в 30 верстах от Феодосии и в 2,5-3-х верстах от шоссе, в 1899 г. открыта госпожой А.В. Маркс гостиница пансион „Отрадное”. Номера посуточно - от 1 р., помесечно - 15-20 р. Полный пансион (чай, кофе, завтрак и обед - в сутки 1 р. 50 коп., помесечно - 35 р. Стол на свежем коровьем масле, меню разнообразное). В пансионе имеется библиотека в 500-600 томов, и получают газеты. Пансион рекомендуется лицам, нуждающимся в деревенском отдыхе”. Речь идет о расположенном рядом с Карадагской биологической станцией поселке Курортное. Эти строки, несомненно, читал К.А., впервые отправляясь на Карадаг. Как же отличалась от описания действительность в 1927 г. и при его последующих приездах. Мимо этого пансиона, превращенного в дом отдыха „Крымское приморье”, я ходил в школу в 1949-1952 гг.

На Баренцевом море в 1928 г. практика проходила на Мурманской биологической станции в г. Александровскена-Мурмане (г. Полярное). Во время пребывания там К.А., директор станции Г.А. Ключе находился в г. Бергене, где должен

был получить построенное в Норвегии новое экспедиционное судно-мотобот „Николай Книпович“, длиной около 25 м и водоизмещением до 200 т. Позже, в 1932 г., это небольшое судно со скоростью хода по тихой воде 7,5 миль впервые обошло с севера Землю Франца-Иосифа. Экспедицией руководил выдающийся океанолог Н.Н. Зубов. Прихода его с нетерпением ожидали все, пребывавшие там. Ощутил это чувство и К.А. В дальнейшем, оно приходило к нему не один раз, когда он сам получал новые научные суда. На Мурманской станции он познакомился с известными в будущем морскими исследователями Т.С. Рассом, И.Н. Верховской, Г.В. Никольским, А.М. Сомовым. С ними он поддерживал контакты всю жизнь. На шхуне „Александр Ковалевский“ водоизмещением около 100 т был совершен выход к острову Кильдин. Следует отметить, что Мурманская биологическая станция была создана по инициативе и при непосредственном участии профессора К.М. Дерюгина в 1903-1904 гг. В 1908 г. для станции под руководством К.М. Дерюгина и было построено упомянутое специальное экспедиционное судно „Александр Ковалевский“. С его борта К.М. Дерюгин собрал материалы позволившие ему написать классическую монографию „Фауна Кольского залива и условия ее существования“, напечатанную в 1915 г. В домашней библиотеке К.А. была эта книга и к ней он нередко обращался.

Удалось практикантам побывать на необычном озере Могильном. В конце срока пребывания на станции туда зашел под своим „звездным флагом“ известный многим гидробиологам НИС „Персей“. На ярко синем флаге были семь главных звезд созвездия Персея. Позднее этот флаг стали носить и суда ПИНРО (Полярного института морского рыбного хо-

зяйства и океанографии). „Персей“ был судном Плавморнина (Плавучего морского научного института) и на нем с 1923 г. поплавали многие крупные ученые: И.И. Месяцев, Н.Н. Зубов, В.В. Шулейкин, Л.А. Зенкевич, М.В. Кленова, А.А. Шорыгин, А.Д. Добровольский, В.Г. Богоров. „Персей“ был шхунной зверобойного типа приспособленной для плавания во льдах, длиной 41,5 м водоизмещением до 550 т. На нем было семь лабораторий, в которых могли работать до двадцати человек. Работать на „Персее“ мечтали и маститые ученые, и начинающие гидробиологи, такие как К.А. Он предпринял в этом направлении практические шаги.

В его бумагах сохранилась рекомендация, подписанная Руководителем секции зоологии беспозвоночных научно-исследовательской кафедры зоологии ХИНО (Харьковский институт народного образования) 18 мая 1929 г. профессором Г.Ф. Арнольдом следующего содержания: „Рекомендую т. К.А. Виноградова и поддерживаю его просьбу о предоставлении ему возможности принять участие в одном из очередных рейсов экспедиционного судна „Персей“ в качестве практиканта“. Далее обосновывается рекомендация тем, что К.А. прошел соответствующую усиленную подготовку и перечисляются прослушанные курсы и отработанные практики. К сожалению, для него, эта экспедиция не состоялась, но у него появилась возможность поступить в аспирантуру и попасть на работу на Карадаг. Кстати профессор Г.Ф. Арнольд и сам любил бывать на Карадаге.

В 1929 г., после окончания университета и до поступления в аспирантуру К.А. некоторое время учился на Харьковских вечерних государственных курсах восточных языков, на японском отделении. Его слушатели направлялись на Дальний Восток, в основном, в качестве

переводчиков на краболовные флотилии, рыбные промыслы и перерабатывающие китов предприятия, имевшие в то время немало инструкторов-японцев. Через девять лет это обстоятельство тяжело отзовется на судьбе К.А. В 1929 г. он поступил в аспирантуру в Сектор экологии Харьковского филиала НИИ зоологии и биологии АН УССР. Руководителем у

Паули. Паули обратил внимание на К.А., когда тот еще был студентом. На Карадаге он вначале недолгое время работал на штатной должности завхоза, сменив на этом посту также выпускника Харьковского университета А.К. Линдау. После должности завхоза К.А. работал научным сотрудником II и I разрядов.

В 1930 г. возобновился выпуск Трудов Карадагской биологической станции. Предыдущий выпуск № 2 вышел из печати еще в 1918 г. В выпуске № 3 В.Л. Паули в числе исследователей, работавших в области зоологии, упоминает К.А., который в 1929 г. изучал черноморских хетогната и собирал материал по полихетам. Работал он с 8 июля по 10 августа.

Как я уже отмечал, жизнь порой подбрасывает совершенно удивительные ситуации. Оказывается, основатель Карадагской биологической станции Терентий Иванович Вяземский получил среднее образование в Рязанской Духовной семинарии, окончив ее в 1878 г. В эти годы дед К.А., Александр Константинович Виноградов, учительствовал именно в этом учебном заведении и они, несомненно, были знакомы лично.

Хотя К.А. считал, что учиться, следует всю жизнь, все-таки формально его учеба завершилась в 1932 г.

С 1929 г. деятельность КБС была связана, главным образом, с гидробиологическим изучением прилегающего района Черного моря, что, конечно, определялось инициативой и научными интере-

него был профессор В.В. Станчинский. В 1932 г. аспирантура была завершена защитой специальной работы (тогда были такие правила) по полихетам Черного моря. Одновременно с пребыванием в аспирантуре, К.А. в 1929-1932 гг. был и научным сотрудником Карадагской биологической станции. На станцию его пригласил работать тогдашний директор В.Л. сами нового директора гидробиолога профессора В.Л. Паули, сменившего на этом посту геолога А.Ф. Слудского. До вступления в должность В.Л. Паули эти обязанности некоторое время исполняла ботаник В.Н. Сарандинаки. В.Л. Паули приглашал на работу на КБС выпускников Харьковского университета, с которыми был знаком лично. Он делал ставку на молодых. Этот пример К.А. позже использовал и сам. В числе новых сотрудников КБС оказались зоологи Э.Е. Уманский, Н.М. Милославская, М.А. Долгопольская, А.К. Линдау и К.А. Позже к ним присоединился и А.М. Борисенко.

Коллега К.А. по Харьковскому университету и по Карадагу 1929-1931 гг. Э.Е. Уманский после смерти профессора Г.Ф. Арнольда заведовал в университете кафедрой зоологии беспозвоночных. М.А. Долгопольская и Н.М. Милославская стали известными учеными.

В 1930-1931 гг. К.А. были опубликованы четыре научные статьи: две посвященные полихетам в районе Карадага; одна - ихтиофауне в районе Карадага; одна - о работе Карадагской биологической станции.

По делам Карадагской биостанции К.А. в 1931 г. ездил в командировку в г. Ленинград (Санкт-Петербург), где познакомился в Государственном Гидрологическом институте (ГГИ) Гидрометслужбы СССР с профессором К.М. Дерюгиным (1878-1938), заведовавшим морским и гидробиологическим отделами ГГИ. Константин Михайлович произвел на К.А. огромное впечатление и покорила своей энергией, энтузиазмом, широтой взглядов, размахом замыслов и планов по изучению морей Дальнего Востока. К.А. тут же заручился согласием Константина Михайловича взять его в ГГИ по окончании аспирантуры для работы на морях Дальнего Востока, послав соответствующий запрос в Наркомпрос Украины, ведавший распределением на работу после окончания аспирантуры. Тогда же в Ленинграде состоялось знакомство К.А. с Н.М. Книповичем, Л.С. Бергом, Г.У. Линдбергом - выдающимися учеными мирового уровня.

К.А. иногда шутил, что его путь в науку начался, так же как и у выдающегося отечественного океанолога и гидробиолога Н.М. Книповича. Тот родился в Финляндии в крепости Свеаборг в 1862 г., а в 1873-1880 гг. учился в русской гимназии в Гельсингфорсе, в которой позже учился и К.А.

В конце февраля 1932 г. он успешно защитил свою аспирантскую работу и был направлен Наркомпросом Украины в распоряжение ГГИ, правда, с оговоркой - „для приобретения опыта в морских исследованиях на Дальнем Востоке с последующим применением его на Украине”.

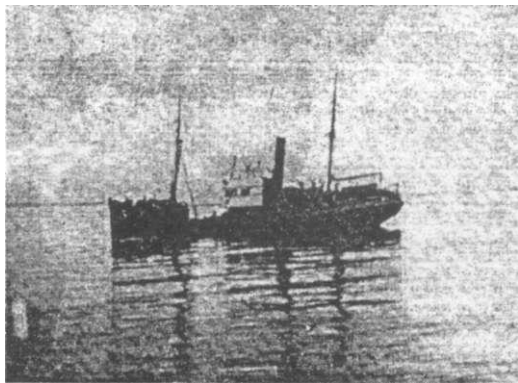
В 1931 г. по инициативе не только выдающегося исследователя морей, но и блестящего организатора науки профессора К.М. Дерюгина, Государственным Гидрологическим институтом, совместно с Тихоокеанским институтом рыбного хозяйства (ТИРХ, в последствии ТИНРО, Владивосток) при участии Тихоокеанского комитета АН СССР была развернута подготовка к проведению комплексной Тихоокеанской экспедиции (ТОЭ) ГГИ и ТИРХа. Экспедиция должна была проходить под эгидой Второго Международного полярного года (И МПГ) под руководством профессоров К.М. Дерюгина и П.Ю. Шмидта.

В ТОЭ были организованы три основные исследовательские партии: одна на шхуне „Росинанта” под начальством Н.И. Тарасова и при личном участии К.М. Дерюгина, для работы в Японском море; вторая - для Охотского моря на тральщике „Гагара” под начальством П.В. Ушакова и третья - для Берингова моря на тральщике „Дальневосточник” под начальством Г.Е. Ратманова.

После недолгого пребывания в Ленинграде и участия в подготовке научного оборудования и прочего снаряжения ТОЭ, К.А. с одним из эшелонов отправился по железной дороге во Владивосток, куда прибыл через 17 суток. Из ГГИ в состав экспедиции были направлены 32 сотрудника. Оборудование с трудом поместилось в одном железнодорожном вагоне.

К.М. Дерюгин, наряду с экспедиционными, планировал стационарные исследования и создание в г. Петропавловске-Камчатском Камчатской морской

станции (КМС) ГГИ. Первая попытка

Экспедиционное судно Тихоокеанской экспедиции р/т „Гагара“ на котором К.А. плывал в Японском и Охотском морях в 1932 г.

проведения таких работ была осуществлена под руководством П.В. Ушакова в 1931г. силами привлеченных к этому сотрудников Петропавловской Гидрометеорологической станции Дальневосточного геофизического института (Дальгеофизин, Владивосток) В.Г. Стришина и Н.К. Франка. Для постоянной работы на Камчатке весной 1932 г. была направлена группа сотрудников морского отдела ГГИ, включающая, кроме гидробиолога, заведующего станцией К.А. Виноградова, гидробиолога - младшего научного сотрудника М.Ю. Бекман¹ и лаборанта - гидрохимика О.А. Фишмана.

По прибытии во Владивосток сотрудники КМС были включены в состав Охотского отряда ТОЭ ГГИ и ТИРХа (начальник П.В. Ушаков), наравне с другими членами экспедиции (М.А. Виркетис, С.Г. Генерозовой, А.К. Леоновым, В.В. Тимоновым и другими), принимали участие в подготовке р/т „Гагара“ к выходу в море, а с 16 июня по 23 сентября 1932 г. находились в плавании. К.А. был зачислен в экспедицию в качестве старшего научно-

М.Ю. Бекман - первая жена Константина Александровича

го сотрудника-бентониста. Капитаном на „Гагаре“ был прекрасный моряк С.С. Годлевский.

Знакомство с Петропавловском-Камчатским и его окрестностями, районом будущих работ, состоялось при первом заходе р/т „Гагара“ в Петропавловский порт и стоянке в нем с 13 по 31 июля 1932 г. Заход был вызван не только причинами, связанными с дальнейшим плаванием р/т „Гагара“ (погрузка угля, очистка подводной части судна от обрастаний вручную), но и с непосредственной организацией станции: выгрузкой и доставкой на место привезенных на „Гагаре“ строительных материалов, мебели и т. п. Научные сотрудники, включая и К.А., принимали участие в общесудовых работах.

Для наблюдения за строительными работами в Петропавловске был оставлен член экспедиции наблюдатель-метеоролог Е. Слудский. Из воспоминаний Е.А. Слудского - сына А.Ф. Слудского директора КБС в 1917-1927 гг. - известно, что он был командирован на Камчатку ГГИ ГМС в 1932-1933 гг.

Ко второму заходу „Гагары“ в Петропавловский порт (23 сентября 1932 г.) небольшой деревянный дом, строившийся в распадке Гремячий ключ на берегу Авачинской бухты (в районе входа в Раковую губу), был уже более или менее подготовлен к зимовке в нем сотрудников КМС ГГИ. Станция также сохранила в самом городе небольшой дом, служивший своего рода промежуточной базой.

С „Гагары“ и одновременно прибывшего в Петропавловский порт другого судна ТОЭ ГГИ и ТИРХа, работавшего в Беринговом и Чукотском морях р/т „Дальневосточник“ (начальник отряда Г.Е. Ратманов, биологи А.П. Андрияшев, А.В. Иванов, В.В. Макаров), на КМС были свезены экспедиционное оборудова-

ние, запасы посуды, реактивов, продовольствия и т.п.

Часть из них предназначалась для самой станции, часть - для снабжения будущих экспедиций ГГИ, ТИРХа, Глав-

севморпути и других ведомств, работающих в соседних с Камчаткой районах Охотского и Берингова морей, а также в Чукотском и Восточно-Сибирском морях.

Участники экспедиции на р/т „Гагара“ в Охотском море в августе 1932 г. В первом ряду слева М.Ю. Бекман (биолог), А.К. Леонов (гидролог), А.И. Успенский (пом. нач-ка отряда).

Во втором ряду слева К.А. Виноградов (биолог), Я.Л. Голубчик (гидрохимик), О.А. Фишман (гидрохимик), С.Г. Генерозова (ихтиолог), П.В. Ушаков (нач-к отряда)

Созданной базой позже действительно в той или иной степени пользовались различные экспедиции. В 1933 г. это был Берингоморский отряд ТОЭ ГГИ и ТИРХа на р/т „Красноармеец“ (начальник Г.Е. Ратманов, биологи В.В. Макаров, Н.Н. Кондаков, К.И. Панин), следовавшем для работы в Беринговом и Чукотском морях; в 1934 г. - работавшая в Охотском море экспедиция ТИРХа на р/т „Лебедь“ (биологи В.Д. Гордеев, П.А. Моисеев и др.), научная группа первой советской китобойной флотилии „Алеут“

(зоологи Б.А. Зенкевич, А.Г. Томилин); экспедиция на ледоколе „Красин“, следовавшая в Чукотское море из Атлантики через Панамский канал на помощь затертому льдами „Челюскину“ (начальник научной группы известный исследователь Арктики гидрограф и океанограф Н.И. Евгенов, врач-биолог и гидрограф А.С. Чечулин); в 1935 г. - снова экспедиция на ледоколе „Красин“ (начальник научной части Г.Е. Ратманов, планктонолог экспедиции П.П. Ширшов, бентонист П.В. Ушаков), следовавшая, как и в 1934 г., в

Чукотское море; геофизик В.А. Березкин, осуществлявший на пароходе „Свирьстрой“ актинометрические исследования в

северной части Тихого океана и многие другие.

Дом Камчатской морской станции. Зима 1932-1933 гг.

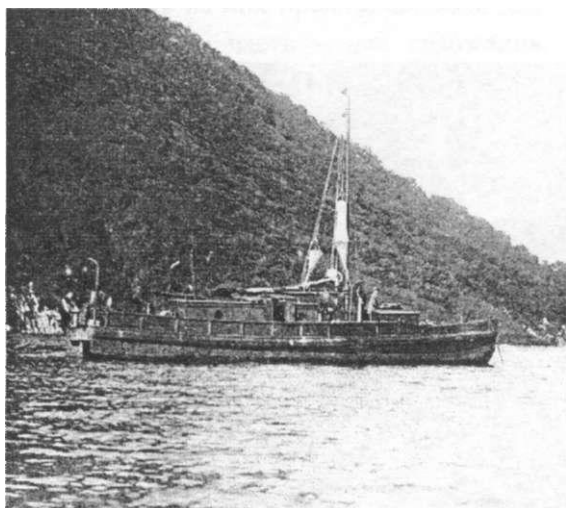
Интересно, что упомянутый выше Н.И. Евгений во время Первой Мировой войны, будучи кадровым военным моряком, служил старшим помощником на эсминце, которым командовал выдающийся впоследствии океанолог Н.Н. Зубов. Два военных моряка стали светилами в науке в советское время. Лекции Н.Н. Зубова в Ленинграде слушал и К.А.

Суда „Гагара“ и „Дальневосточник“, завершив все разгрузочные работы и отсалютовав остающимся фейерверком, 28 сентября 1932 г. покинули Авачинский рейд и взяли курс на Владивосток. Оставшаяся тройка в составе К.А. Виноградова, М.Ю. Бекман, О.А. Фишмана приступила к станционным работам. Начались почти пятилетние будни по сбору материалов.

В начале 1934 г. персонал КМС пополнился старшим научным сотрудником-гидробиологом Н.Н. Спасским, прежде работавшим на Мурманской биологической станции, где К.А. с ним и познакомился еще в 1928 г. а также прибывшим из Ленинграда наблюдателем - А.Н. Вишневым.

Н.Н. Спасский принимал участие в ТОЭ ГГИ и ТИРХа в 1933 г.: с 16 июля по 7 сентября находился на шхуне „Росинанте“ в Японском море, а затем до конца года обрабатывал материалы во Владивостоке. Н.Н. Спасский был опытным, знающим гидробиологом и его участие в работе КМС повысило ее научные возможности. Участие будущих сотрудников КМС в Тихоокеанской экспедиции 1932-1933 гг. принесло им большую пользу, так как позволило заранее, в ходе экспе-

диционных работ, познакомиться с дальневосточной морской фауной.

Экспедиционный мотобот-кавасаки Камчатской морской станции

В 1934 г. в распоряжение станции поступил построенный во Владивостоке на верфи малого судостроения Дальгосрыбтреста деревянный моторный кунгас-кавасаки, длиной 18,5 м с нефтяным двигателем „Победа" мощностью 22 л.с. На борту кавасаки была предусмотрена небольшая лаборатория, позволяющая вести разборку, фиксацию и первичную обработку биологических материалов, титрование и т. п. Имевшиеся на борту лебедки Томсона и Виттинга-Кузнецова позволяли проводить сборы бентоса с глубины до 300 м, а пробы воды и планктона получать с глубин до 500 м.

Суда типа кавасаки, широко использовавшиеся в рыболовной практике Японии, обладали прекрасными мореходными качествами (К.А., будучи на „Гагаре", встречал их в Охотском море на большом удалении от своих плавбаз и берегов), великолепной остойчивостью и способностью „вылезать", в случае необходимости, на отлогий берег носовой частью, почти на половину корпуса. Они

оказались очень удобными и для исследовательских работ.

Шкипером на судне, советчиком и помощником К.А., был старый опытный моряк А.В. Нен-ги, плававший ранее в китобойных экспедициях в северной части Тихого океана еще в 90-х годах 19 века. Он прекрасно знал море, район работ, множество местных признаков погоды и состояния моря, что неоднократно способствовало успешным плаваниям на кавасаки.

Ко времени приезда К.А. в Петропавловск-Камчатский, здесь уже функционировало созданное почти одновременно с КМС ГГИ, Камчатское отделение Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО), вскоре вошедшее в состав ТИРХа (ТИНРО), впоследствии Камчатское отделение (КО) ТИНРО. В течение ряда лет отделением руководил В.И. Грибанов. В период работ КМС сотрудниками КО были А.С. Бараненкова, М.В. Желтенкова, Ф.В. Крогиус, Е.М. Крохин, К.И. Панин, И.А. Полутков, Р.С. Семко, позже туда прибыл И.А. Логунов. В будущем это известные ученые.

К.А. и В.И. Грибанову сразу же удалось установить самое тесное сотрудничество между специалистами КМС ГГИ и КО ВНИРО (ТИРХ) и взаимопонимание, стоящих перед обоими коллективами, задач. В ряде случаев, усилия объединялись для совместного их решения.

Сотрудники КМС большое внимание уделяли промысловым объектам и, в частности, камчатскому крабу, сельди иваси и лососевым рыбам. Местная газета „Камчатская правда" печатала статьи научных работников и материалы научных и научно-практических конференций, в которых они участвовали. В сообщении „Камчатской правды" от 11 ноября 1935 г.

№ 260 (1826) по поводу одной из таких конференций можно прочесть следующее: „Исследованиям в рыбном хозяйстве по сути дела были посвящены два доклада, прения по которым были соединены. Это - доклад директора КНИРСа тов. Грибанова „Итоги и задачи научно-исследовательской работы в рыбном хозяйстве Камчатки" и доклад директора

морской станции Гос. Гидрологического института тов. Виноградова „Гидрологическое изучение Камчатки". Битком набитый зал, огромное внимание с которым были прослушаны оба доклада, показывают, что конференция поступила вполне правильно, поставив их в центр своей работы".

Участники экспедиции КМС ГГИ на кавасаки Петропавловской МРС. На сходне К.А.

В докладе К.А. напечатанном в „Камчатской правде" от 11 ноября 1935 г. говорится не только о гидрологическом, но и о гидробиологическом изучении прикамчатских вод. „Он рассказал, в частности, о явлении „замора" рыб и беспозвоночных в бухтах Бечевинской и Тарья.

В бухтах из-за загрязнения вод отходами переработки рыбы и китов резко упало содержание кислорода, и в придонном слое появился сероводород. Молодь волосатого краба и рыба буквально вылезали на берег и гибли в большом количестве".

К.А. справа и сотрудники Камчатской морской станции в ее окрестностях

Явление „замора“ донной фауны получило распространение в северо-западной части Черного моря в 70-х годах 20 века. Многим одесситам знакома эта картина, но уже в нашем море. Это явление стало объектом изучения сотрудниками Одесского отделения института биологии южных морей (позже Одесского филиала ИнБЮМ), которым руководил К.А.

Сотрудники КМС тесно сотрудничали с рыбколхозом „Сероглазка“, помогая рекомендациями о сроках лова краба и рыбы.

В „Камчатской правде“ при участии К.А. были опубликованы статьи: „Камчатская морская станция“, „Исследование рыбных богатств Камчатки“, „Исследование морей Камчатки“, „Треска приближается к нашим берегам“, „Весенний режим моря“ и др.

Основное внимание в исследованиях КМС ГГИ уделялось изучению бухт тихоокеанского побережья Камчатки, со-

предельных с ними акваторий Авачинского и Кроноцкого заливов, что представляло собой развитие более ранних работ в этом направлении на морях Дальнего Востока. Одно из центральных мест в исследованиях КМС, естественно занимала Авачинская бухта, в которой был осуществлен целый комплекс работ, имевших целью выявление суточной (в связи с приливно-отливными колебаниями уровня моря и сменой дня и ночи), сезонной и многолетней ритмики процессов, характеризующих экосистему бухты. „Биологический контроль“ над литоралью Авачинской губы на участке в районе Гремячего ключа осуществляли ежедневно, особенно во время сизигийных приливов и отливов, когда исследовали распределение фауны и флоры по горизонтали, поведение массовых форм во время отлива, их скопления, обусловленные необходимостью „переживания“ периода осушки, перемещения, случаи массовой гибели и т. д.

Ежедекадно или в близкие сроки, сотрудники Камчатской морской станции ГГИ и Петропавловской гидрометеостанции осуществляли целый комплекс гидрологических, гидрохимических и гидробиологических наблюдений на рейдовой точке, расположенной на глубине 18 м в районе Гремячего ключа. В зимнее время работы не прерывались и ежедекадно проводились в том же объеме со льда. Декадные станции со льда начинались сразу же, как только лед мог выдерживать тяжесть людей и перевозимого на нартах оборудования (лебедка Виттинга-Кузнецова, дночерпатель Петерсена 0,1 м², планктонные сети, вертушка Экмана-Мерца, батометры, ящики с пробами, палатка и т.д.). Из-за нехватки денежных

средств не было возможности купить или нанять ездовых собак и поэтому нарты с грузом приходилось возить по льду своими силами. Шутили: „устали как собаки“. Время от времени совершали выезды в различные районы обширной Авачинской бухты (бухта Моховая, лаиды Авачинская и Паратунская, Тарьинская губа, „ворота Авачинской бухты“, бухта Лагерная, Раковая губа, Петропавловский ковш), а также и в центральную часть бухты. Эпизодически (при наличии моторных плавсредств) совершали выезды за пределы Авачинской бухты в Авачинский залив, имевшие целью сопоставление данных, характеризующих гидрологический режим бухты с режимом сопредельных районов открытого моря.

В „ледовый поход“ по Авачинской губе. К.А. впереди

В 1933 г. распоряжением морского отдела ГГИ в составе Камчатской морской станции был образован Камчатский морской экспедиционный отряд (начальник отряда К.А. Виноградов). В его задачи входило обследование бухт юго-восточного побережья Камчатки, распо-

ложенных южнее и севернее Авачинской бухты. В том же году Камчатский экспедиционный отряд обследовал бухты Ахимтена (с придаточной бухтой Тихирка), Жировую и Вилучинскую; в 1934 г. - Бечевинскую и Моржовую; в 1935 г. - Лиственную, Саранную, Халыгерную, а

также сопредельные акватории Авачинского и Кроноцкого (до мыса Аргали) заливов.

В 1934 г. участников экспедиции доставляли сначала в одну из бухт на попутном кавасаки Петропавловской моторно-рыболовной станции (МРС), имевшем на буксире легкую лодку КМС с необходимым снаряжением на борту. Работы в каждой бухте производили на веслах. Жили на берегу в палатках. Через несколько дней, согласно договоренности, рыбаки снова заходили за ними и перевозили в следующую бухту и т. д. В 1934 г. в бухту Бечевинскую заходили уже на кавасаки КМС, однако из-за малых глубин в проливе работы в бухте велись со шлюпки, а кавасаки использовали для исследования Авачинского залива и в районе м. Шипунского. Более глубокая бухта Моржовая и сопредельные участки Кроноцкого залива обследовались с борта кавасаки. В 1935 г. работы проводили как с кавасаки, так и со шхуны КО ТИРХа „Сосунов”.

Особое место в работах КМС занимали исследования, проводившиеся Н.Н. Спасским в 1934-1935 гг. на литорали Кроноцкого залива. В сочетании с работами на литорали бухт, они позволили получить довольно детальное представление о литорали юга - восточной Камчатки в целом.

В развитии сотрудничества КМС ГГИ с КО ТИРХа их представителями осуществлялись совместные экспедиции. Так, работы Н.Н. Спасского в Кроноцком заливе, сочетались с изучением биологии камчатского промыслового краба, в чем было заинтересованно и КО ТИРХа. Следует подчеркнуть, что К.А., всегда стремился к проведению комплексных экспедиций. Такой подход повышал эффективность работы и сокращал затраты. Трудной задачей для К.А. и сотрудников КМС

являлось определение систематической принадлежности компонентов фауны и флоры, оказавшихся в сборах. Однако вопрос этот решался тем, что все сборы при первой же возможности отправляли с Камчатки в Ленинград, где они поступали в обработку вместе с материалами, собранными в Тихоокеанских экспедициях ГГИ и ТИРХа, к специалистам Зоологического института АН СССР (ЗИН), Кафедры гидробиологии ЛГУ, Отдела гидробиологии ГГИ, Арктического института. Следует упомянуть, что директором ЗИНа в эти годы был корифей отечественной гидробиологии, академик Сергей Алексеевич Зернов (1871-1945) и К.А. довелось с ним общаться.

Благодаря содействию К.М. Дерюгина, для сотрудников КМС, приезжающих с Камчатки в Ленинград, на кафедре гидробиологии университета предоставляли небольшое помещение для сортировки привезенных фаунистических материалов и их обработки, если ею занимался кто-либо из сотрудников КМС, чем в частности, воспользовались К.А. Виноградов (полихеты и рыбы), Н.Н. Спасский (гидроиды) и М.Ю. Бекман (моллюски и декаподы).

В процессе обработки проб К.А. и других сотрудников КМС консультировали Н.П. Анненкова, П.В. Ушаков, А.М. Дьяконов, Г.У. Линдберг, П.Ю. Шмидт, А.П. Андрияшев, К.М. Дерюгин и З.И. Кобякова.

Немалую роль в процессе работы К.А. на Камчатке в 1934-1935 гг. сыграла составленная по сборам, сделанным в 1932-1933 гг. „типовая” коллекция определенных высококласными специалистами массовых видов фауны.

Обработка сборов фитопланктона из Авачинской губы была выполнена в Отделе гидробиологии ГГИ А.А. Папковой (при участии И.А. Кисилева), обна-

ружившей в них 109 таксонов низших водорослей.

Большой интерес к альгологическим сборам КМС проявляли сотрудники Ботанического института АН СССР Н.Н. Воронихин и В.П. Савин. Сборы водорослей-макрофитов были обработаны Е.С. Зиновой и А.Д. Зиновой (БИН). В сборах оказалось 117 таксонов водорослей-макрофитов.

В фаунистических сборах КМС 1932-1935 гг. было обнаружено около 750 видов организмов, в том числе 80 видов рыб. Результаты обработки проб фауны КМС ГГИ отражены в работах: С.Н. Смирнова (копеподы), Е.Ф. Гурьяновой (изоподы, амориподы), А.М. Дьяконова (морские звезды), З.Г. Щедриной (корне-

ножки), Н.И. Тарасова и Г.Б. Зевинной (усоногие раки), Г.А. Ключе (мшанки), Л.К. Лозина-Лозинского (пантоподы). Еще в 70-х годах 20 века в литературе появлялись описания новых для науки видов фауны из сборов КМС 1932-1936 гг.

Условия жизни и быта на КМС были приближены к условиям полярной станции. В зимний период дом станции иногда заносило снегом до самой крыши. Туда можно было въехать на лыжах. Для входа в крыше был специальный люк. Из-за снежных заносов, чтобы добраться до пресной воды, приходилось выкапывать снежный туннель глубиной до 3-4 м. Рубить дрова, топить печь, готовить еду, приходилось всем.

У дома КМС ГГИ. К.А. слева, М.Ю. Бекман, О.А. Фишман

В то же время, благодаря наличию своего помещения в самом городе, сотрудники КМС могли в какой-то мере

участвовать в общественной жизни города, так К.А. стал свидетелем встречи выдающегося полярного исследователя.

академика Отто Юльевича Шмидта. Он в Петропавловске-Камчатском оказался в качестве начальника легендарной экспедиции на „Сибирякове“. Осенью 1932 г. Камчатское акционерное общество устроило в его честь банкет, отвело для него апартаменты. Отто Юльевич пришел на банкет в своей обычной на судне одежде - в рабочих сапогах до пояса и в кожаной куртке. О.Ю. Шмидт был тяжело болен и таким образом берегся. После банкета он наотрез отказался остаться на берегу, заявив: „Экспедиция еще не окончилась, я останусь со своими друзьями на борту „Сибирякова“, спасибо за заботу“. Это пример для многих начальников и начальников. Впервые в истории, „Сибиряков“, прошел Северный морской путь за одну навигацию.

Пребывание на Камчатке, куда заходили исследовательские суда, позволило К.А. знакомиться и общаться с участниками экспедиций не только на „Сибирякове“ и „Красине“, но и на „Литке“, „Крашенинникове“ и других судах.

Познакомившись с семьей Сомовых в Ленинграде К.А. с М.М. Сомовым и Н.М. Сомовой встречался на Дальнем Востоке. М.М. Сомов позже в 1951 г. руководил дрейфующей полярной станцией Северный полюс-2 (СП-2). К.А. много лет переписывался с ними.

О Камчатке у К.А. были и очень тяжелые воспоминания. Однажды, ночуя в домике КМС в г. Петропавловске-Камчатском, он стал свидетелем трагедии. И до этого он за годы революции и Гражданской войны видел многое, но это было ужасное потрясение. Ночью загорелась тюрьма, в которой находились сотни людей. Зарево огня, треск горящего дерева, специфический запах, и крики горящих людей разносились по всему городу. Охрана никому не давала вы-

рваться из огненной ловушки. Люди погибали в страшных муках.

Камчатский период жизни К.А. подготовил его, как самостоятельного исследователя и как руководителя научного коллектива.

В 1936 г. в связи с общей реорганизацией гидрометеорологической службы СССР и прекращением в системе ГМС гидробиологических работ, Камчатская морская станция была закрыта. На базе КМС возникла гидрометеостанция, а затем морская обсерватория Гидрометеослужбы. По этой причине научные материалы, собранные в 1932-1936 гг., были вывезены в г. Ленинград в ГГИ, где при содействии К.М. Дерюгина, при Бюро кадастра морей, была создана группа камеральной обработки камчатских материалов, под руководством К.А. Группа работала то на договорных, то на общественных началах. Имелось ввиду подготовить „Справочник“, по прикамчатским водам северо-западной части Тихого океана, основанный преимущественно на оригинальных данных КМС и Беринговоморского отряда ТОЭ ГГИ и ТИРХа.

В состав группы входили К.А. Виноградов (руководитель), М.Ю. Бекман, Н.Н. Спасский, А.А. Папкина, М.А. Виркетис. Консультативное участие в обобщении материалов по ихтиофауне прилегающих к Камчатке районов Берингова моря, принимал А.П. Андрияшев, а в обработке гидрологических данных - гидрологи ГГИ Ю.В. Преображенский и С.Я. Щербак. Одновременно были составлены постанционные каталоги бентоса и планктона, собранного в период существования КМС (1932-1936 гг.), переданные в июле 1936 г. в фонды Зоологического института АН СССР.

К.А. в 1935 г. во время одного из приездов в г. Ленинград

В 1936 г. отдел гидробиологии в Зоологическом институте АН СССР возглавил крупный гидробиолог профессор В.И. Жадин. К.А. с ним близко познакомился в ЗИНе и переписывался и встречался в последующие годы.

С 1932 по 1937 г. К.А. был старшим научным сотрудником морского отдела Государственного гидрологического института Гидрометслужбы СССР. К Дальневосточным материалам он возвращался и позже. Докторская диссертация К.А., защищенная в 1947 г. называлась „Фауна прикамчатских вод Тихого океана“. В 1948-1950 гг. он опубликовал ряд заметок, касающихся сезонных изменений ихтиофауны Авачинской бухты,

использовании полихет рыбами в качестве корма, биологии тихоокеанского пинагора в камчатских водах, а также краткий зоогеографический очерк прибрежной морской фауны юго-восточной Камчатки. К.М. Дерюгин призывал своих учеников и сотрудников к проведению комплексных исследований на водоемах. Он считал, что каждый гидробиолог, кроме своей узкой специализации, должен иметь представление обо всех главных процессах происходящих в водоеме. В своей дальнейшей самостоятельной работе К.А. также исповедовал эти идеи.

Научные сотрудники - участники Тихоокеанских экспедиций 40-х годов 20 века в последующие годы поддерживали друг друга, дружили. При переписке называли себя „камчадалами“. Это было своеобразное братство.

За период с 1932 г. по 1937 г. у К.А. вышли из печати 10 публикаций.

Карадаг 1937-1941 гг. Арест. Эвакуация

В июне 1937 г. Карадагская биологическая станция вошла в состав АН УССР. В том же году по совету профессора К.М. Дерюгина К.А. принял предложение тогдашнего президента АН УССР академика А.А. Богомольца возглавить КБС, на которой восемь лет тому назад только начинал свою самостоятельную научную работу. Тем более что были обязательства перед Наркомпросом Украины возвратиться работать на Украину.

Развертывание и налаживание работы КБС в 1937-1938 гг. проходило при постоянном внимании и содействии со стороны самого президента АН УССР

академика А.А. Богомольца, вице-президента академика А.В. Палладина и, особенно, председателя Ученого совета КБС, академика И.И. Шмальгаузена. В составе Ученого совета были крупнейшие ученые: академики А.А. Богомолец, А.В. Палладин, М.Г. Холодный, А.В. Леонтович, в то время профессора Я.В. Ролл, А.П. Маркевич, В.В. Ковальский, Е.Н. Ермаков, А.А. Любищев и К.А. Виноградов, как новый директор КБС. Большое участие в судьбе станции принимал, тогда еще профессор Е.М. Крепе. Евгений Михайлович так же был участником экспедиций в северных морях.

Вид на Карадагскую биологическую станцию и ее окрестности со стороны Карагача.

На втором плане Карадагская актинометрическая станция и далее п. Курортное

Академик И.И. Шмальгаузен еще летом 1907 г. работал на Севастопольской

биологической станции, собирая материал по развитию костистых рыб, и понимал

специфику функционирования таких учреждений.

Перед коллективом станции была поставлена задача, организовать работу по развитию как морских, так и сухопутных исследований в уникальной зоне

взаимодействия степной части восточного Крыма, горного вулканического массива Карадаг и прилегающих морских вод. А возглавить и обеспечить исполнение должен был К.А.

Вид на Карадагскую биостанцию с моря

В предвоенный период научный и научно-технический персонал КБС составлял 45 человек, включая 15 научных сотрудников и 7 лаборантов. Станция тогда имела мотобот „Вяземский" и две моторные лодки.

Период с 1938 г. по 1940 г. оказался для К.А. трагическим. Его работа на КБС была оборвана ложным доносом и арестом. В этот период массовые аресты шли по всей стране. К.А. находился в тюрьме в п. Судак и в г. Симферополе. Обвинили его в шпионаже в пользу Японии. Формальным основанием послужил интерес К.А. к японскому языку и японской культуре, а также то, что он работал на Дальнем Востоке и, следовательно, мог быть завербован японской разведкой.

Примитивность и глупость обвинений были очевидны, но к этому „приложили руки" достаточно близкие люди и коллеги.

В тюрьме К.А. пережил ночные допросы, пытки, расстрелы таких же, как он, ни в чем не виновных людей. Садисты, палачи имели самые обычные фамилии - Цашулин, Лысенко, Левин и пр.

Во время заключения К.А. побывал в разных камерах. Иногда вместе с ним находилось до 70 человек. Спали или лежали по очереди, охрана пыталась стравливать политических и уголовников. Были там и русские, и украинцы, и поляки, и татары, и немцы, и чехи и др.

К.А. очень не любил рассказывать о тюрьме, но все-таки у меня в памяти

сохранились некоторые эпизоды. Как он вспоминал, однажды в камеру, в которой вместо пяти человек, как было в царское время, находилось семнадцать заключенных, втолкнули одетого в новенькую, ладно сидящую на нем форму, командира. Как позже узнали, он командовал батальоном в корпусе войск НКВД, размещенном в Крыму. Ни с кем говорить он не пожелал, искренне презирая „врагов народа“. Он был уверен, что его дело, это какая-то страшная ошибка и завтра все разъяснится. На следующий день утром его увели на допрос, а вечером бросили в камеру едва живого. Вначале его просто жестоко избили. Затем заставили стоять в тесных сапогах по стойке смирно весь день. Ноги у него отекали, и началась нестерпимая боль. Это была проверенная

пытка. Даже в камере сапоги невозможно было снять. Охране пришлось разрезать голенища, только после этого офицер перестал кричать от боли. Через несколько дней этот командир полностью уверился, что рядом с ним находятся такие же жертвы. Потом его ночью увели, и никто больше его никогда не видел.

Любимым развлечением одного из следователей-садистов было раздавливание пальцев заключенных дверью. К.А. тоже узнал, что это такое. Следы остались на всю жизнь. Несмотря ни на что, с обвинением он не соглашался и ничего не подписывал. Поэтому его держали в тюрьме и в лагерь не отправляли. Знакомые К.А., подписавшие бумаги, сидели в лагерях до середины пятидесятих годов.

Вид на Верхние дома разрушенные во время Второй Мировой войны

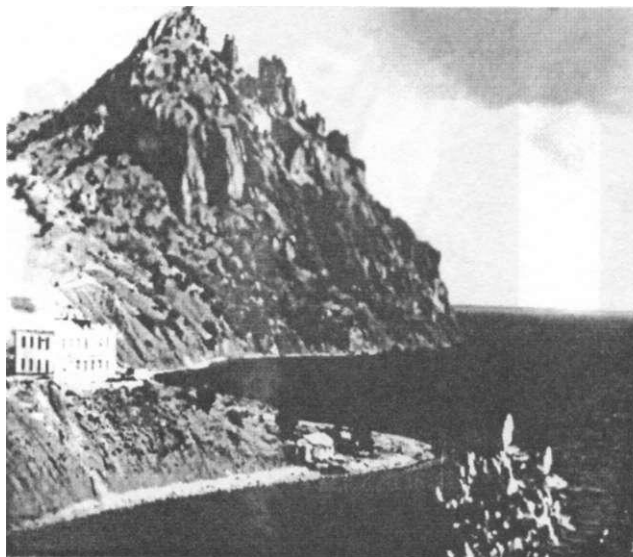
В 1940 г. в НКВД на место Н.И. Ежова пришел Л.П. Берия и заключенные в тюрьмах получили возможность обжаловать арест. На основании такой жалобы К.А. в июне 1940 г. освободили за отсутствием состава преступления. В тюрьме

он испытал не только издевательства, но узнал солидарность и дружбу сокамерников. С некоторыми „коллегами“ по тюрьме он встречался почти через 20 лет, когда те, отбыв лагеря, вышли на волю. Они сохраняли друг к другу теплые отноше-

ния. Те приезжали просто, чтобы увидеться с ним. На протяжении последующей жизни К.А. периодически преследовали ночные кошмары, связанные с пытками.

Для восстановления „революционной законности“, как тогда говорили, по указанию Л.П. Берии некоторые особо

оголтелые садисты сами были арестованы, а кое-кто даже расстрелян. Большинство же остались безнаказанными. Писавших же доносы наказывал только бог. Для К.А. трагизм ситуации состоял еще и в том, что определенную роль в его аресте сыграла его первая жена М.Ю. Бекман.

Вид на Карадагскую биостанцию на фоне массива Карагач

К.А. после выхода из тюрьмы. Осень 1940 г.

После освобождения К.А. босиком и полураздетым пешком пришел из Симферополя на Карадаг, где вновь приступил к работе в должности директора КБС. В период ареста К.А. директорские обязанности выполнял И.В. Шаронов и в 1940 г. профессор Н.В. Ермаков.

Еще в предвоенный период К.А. нашел на Карадаге свою вторую половину на всю оставшуюся жизнь. Это была Зорэ Аблякимовна Аблямитова. Она стала К.А. верной женой, а нам с сестрой мамой. Родилась мама в татарской семье в ноябре 1917 г. Для того, чтобы можно было раньше начать учиться, она прибавила себе год и в документах указано, что родилась она в 1916 г. Местом рождения была небольшая деревня Кольчура Фео-

досийского уезда Таврической губернии. Родилась она в крестьянской семье. Отец - Абдульамид Абдульакимов, а мать - Асене. Мама окончила школу-интернат в Феодосии. Потом поступила на рабфак, а затем на химический факультет Крымского пединститута в г. Симферополе. Там получила в 1933-1937 гг. специальность преподавателя биологии и химии. По своей специальности преподавала в средней школе в п. Судак, однако ее тянуло к научной работе. В 1938 г. по рекомендации Крымского пединститута она стала сотрудником КБС. В 1938-1941 гг. ею были начаты биохимические исследования рыб и беспозвоночных. В эвакуацию К.А. и мама отправились вместе.

Жена К.А. З.А. Виноградова (Аблямитова), первая женщина парашютистка крымско-татарского Народа

Война прервала работу КБС. Под руководством К.А. в октябре 1941 г. была организована эвакуация наиболее ценного оборудования, части библиотеки и сотрудников. На танкере „Куйбышев“, испытав нападение немецких самолетов, они попали в Потти, а оттуда по железной дороге в Баку. Оказавшихся там К.А. и сотрудников КБС, местное руководство пыталось оставить для работы на Каспии. У К.А. оказались там знакомые по Камчатке и Владивостоку. Однако этот план не удался, и они отправились через Каспийское море в г. Красноводск (Туркменбаши), где их временно разместили в здании Туркменской рыбохозяйственной станции. Пребывание в Красноводске было недолгим, и дальнейший маршрут пролег по железной дороге через Ашхабад (Ашгабад) - Ташкент - Аральское море - Куйбышев (Самара) в г. Уфу. Там

Жена К.А. З.А. Виноградова (Аблямитова) справа с подругой в довоенное время

находились учреждения АН УССР. До Уфы добрались в декабре 1941 г.

Через 35 лет после описанных событий 1941 г., мне удалось побывать в командировке на Туркменской рыбохозяйственной станции в г. Красноводске. Небольшое одноэтажное здание находилось на самом берегу моря. Впечатлениями я поделился с К.А., и оказалось, что за эти годы почти ничего не изменилось, кроме уровня Каспия. Здание было окрашено в те же цвета.

В 2007 г. в Киеве вышла из печати книга „Історія Національної Академії наук України 1941-1945" в двух частях. В книге собраны документы и материалы, в числе которых имеются и относящиеся к деятельности КБС и К.А. в указанный период. В первой части книги под № 20 на стр. 79 приводится приказ директора КБС К.А. Виноградова от 12 декабря 1941

г. в г. Уфе. Из текста приказа следует, что К.А. прибыл в Уфу 12 декабря 1941 г. и что на основании решения профкома Президиума АН УССР К.А. и научный сотрудник З.А. Аблямитова зачислены в штат Института зообиологии. Также из приказа понятно, что в пути К.А. находился 56 суток. Приказ заканчивается та-

кой формулировкой: „Ввиду временного занятия территории КБС фашистскими оккупантами - считать существование КБС как самостоятельной единицы в системе Академии Наук УССР временно приостановленным, впредь до особого распоряжения“.

Вид на Карадагскую биостанцию с суши.

На втором плане справа жилой дом в котором К.А. жил с семьей в 1945-1952 гг.

В период пребывания в Башкирии К.А. руководил группой зообёнтоса Института зообиологии АН УССР. Здесь он тесно познакомился и подружился со многими киевскими коллегами. В 1942-1943 гг. он исследовал водоемы бассейнов рек Камы, Белой и Уфы в Башкирской ССР с целью нахождения дополнительных продовольственных ресурсов для населения. В 1942 г. К.А. завершает работу над кандидатской диссертацией

„Полихеты Карадага (Черное море). Эколого-фаунистический очерк“ и в том же году защищает ее. Одновременно он работает над докторской диссертацией по дальневосточным материалам.

Под № 130 на стр. 292 упомянутой выше „Історії Національної Академії наук України 1941-1945“ фигурирует „Отчет Института зообиологии АН УССР о работе в эвакуации“, подписанный директором членом-

корреспондентом, Я.В. Роллом. В отчете указано „...за годы пребывания в Уфе были организованы исследования р. Белой (от верховья до устья) и р. Уфы, давшие интересные данные по выявлению состава ихтиофауны этих рек и, что особенно ценно, по их биологическому районированию. Экспедиции проведены под руководством чл.-кор. Я.В. Ролла, при участии акад. Д.К. Третьякова, Н.Д. Белого, К.К. Зерова, Д.А. Радзимовского и К.А. Виноградова, а также представителя рыбинспекции". Далее говорится, что „Ихтиологи Института осенью и зимой 1941-1942 гг. по просьбе Башкирского рыбного треста посетили озера Аслы-куль и Ак-куль, где работали по выяснению запасов рыбы".

Следует отметить, что пути К.А. и Я.В. Ролла на протяжении многих лет пересекались. Яков Владимирович был ботаником и гидробиологом. В 1913 г. окончил Харьковский университет. В период 1920-1930 гг. он был профессором Харьковского сельхозинститута.

В мае 1942 г. в г. Уфе родителям „аист" принес меня. Как они рассказывали, в период эвакуации в Уфе у них не было отдельного жилья или угла. Ночевать им приходилось в кабинете академика Д.К. Третьякова, устраивая постель на единственном более или менее свободном месте под его письменным столом. После моего рождения бельевая плетеная корзина, которая служила мне и кроватью и коляской, тоже размещалась там. В корзине меня и выносили на свежий воздух. Академик нередко днем присматривал за мной, добровольно выполняя функции няни. По ночам у К.А. была возможность работать за столом Дмитрия Константиновича.

Условия жизни в Уфе, как и почти везде в стране, были трудными. Не хватало ни еды, ни теплой одежды, а зи-

мы там намного суровее, чем в Крыму. У родителей со мной были большие проблемы. Мама долго лежала в больнице, а я болел тяжелой формой рахита и жизнь мне по сути дела спас вице-президент АН УССР академик Александр Владимирович Паллади, раздобыв нужные витамины и препараты. Академик Дмитрий Константинович Третьяков помог К.А. выходить меня в эти месяцы. Еще несколько лет потом родители поили меня противным рыбьим жиром.

В ноябре 1943 г. К.А. вместе с учреждениями АН УССР был переведен в г. Москву, жили в гостинице „Балчуг". В июне 1944 г. переехали в освобожденный от фашистов, но сильно разрушенный Киев. Жили родители в этот период в районе Ярославова вала. В Киеве К.А. снова назначили директором КБС и уже в июле 1944 г. он выехал в Крым для ознакомления с ситуацией на КБС. После освобождения Крыма мама была зачислена в штат КБС на должность младшего научного сотрудника.

В феврале 1944 г. родители в Москве „в капусте" нашли дочь и мою сестру Елену.

Не могу не сказать еще несколько слов о Д.К. Третьякове (1878-1950). Это был выдающийся зоолог морфолог. Он был учеником и ассистентом А.С. Догеля. В 1903-1904 гг. он побывал на Средиземном море в зарубежной командировке на российской зоологической станции в Вилла-Франке. Работа морских биологических станций заинтересовала его на всю жизнь. Д.К. Третьяков был прекрасным отзывчивым человеком, и родители всегда были благодарны ему за помощь в военное время. Уже после войны, когда К.А. и вся семья жили на Карадаге, Дмитрий Константинович в поздравительных открытках передавал мне при-

вет, как крестнику, и интересовался, как идут мои дела.

Уже на склоне лет в 1948 г. Дмитрий Константинович стал жертвой обвинений сторонников Т.Д. Лысенко. Его причислили к антимичуринцам. Такой же оказалась и судьба его коллеги по академии выдающегося ученого И.И. Шмальгаузена, сыгравшего важную роль в деятельности КБС. В сентябре 1950 г. Д.К. Третьяков умер.

На период 1937-1944 гг., по понятным причинам, у К.А. приходится одна научная публикация, посвященная изучению кормовой базы для промысловых животных в Черном море. Через пять месяцев после выхода из тюрьмы в 1940 г. К.А. участвовал в работе Эколо-

гической конференции по проблемам массового размножения животных и их прогнозов и в 1941 г. опубликовал материалы своего выступления. Это говорит, что сломить его дух не удалось. Во время войны ему было не до публикаций.

Описание рассматриваемого периода жизни К.А. следует, как мне кажется, завершить следующим документом. УДОСТОВЕРЕНИЕ. За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны Константин Александрович Виноградов указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года награжден медалью „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.“ А№ 201945.

Уже летом 1944 г. для К.А. начался трудный этап, связанный с восстановлением научной деятельности Карадагской биологической станции.

На стр. 302-303 „Історії Національної Академії наук України 1941-1945" в первой части под № 135 приведено Постановление Совета Народных Комиссаров УССР о структуре АН УССР от 17 июня 1944 г. В Постановлении в числе учреждений по Отделу биологических наук приводится Карадагская биологическая станция. К.А. был назначен исполняющим обязанности ее директора.

Как явствует из докладной записки К.А. Президиуму АН УССР о состоянии станции и мероприятиях по восстановлению ее деятельности от 18 сентября 1944 г. („Історія Національної Академії наук України 1941-1945", часть 1, № 143, стр. 317-322) он 26 июня 1944 г. выехал из Киева в Крым для выяснения размеров ущерба, нанесенного Станции немецко-фашистскими захватчиками. Под его председательством и при участии заместителя председателя Судакского райисполкома т. Шапошниковой специально созданной комиссией было проведено детальное обследование состояния Станции. Оказалось, что из 20 зданий сохранились лишь 2. Для жилья были более или менее пригодны 3 комнаты. В довоенное время, жилой фонд Карадагской биологической станции вмещал свыше 50 человек постоянных сотрудников с семьями. Стоимость разграбленного и уничтоженного имущества превысила 1,8 млн. рублей.

„Вся территория Станции являет картину крайнего запустения, испещрена

линиями окопов и проволочных заграждений, многочисленные дзоты и доты находятся непосредственно у лабораторного корпуса". Далее отмечается: „Как правило, от зданий остались фундаменты и в большей или меньшей степени разрушенные стены, отсутствуют крыши, совершенно нет деревянных конструктивных элементов зданий - полов, балок, оконных и дверных рам и т. п.".

Воздушные (столбовые) линии электросети и телефонной связи были уничтожены полностью. Деревянные части зданий и плодовые деревья немцы и румыны использовали для строительства блиндажей и для топки. Книги, находившиеся в Верхних домах в количестве до 15 тыс. томов, были уничтожены румынами. Их также использовали для топки или украли.

Лабораторный корпус не подвергся полному разграблению и разрушению лишь благодаря тому, что оккупанты надеялись использовать его в своих целях. На Станции присутствовал специальный представитель штаба А. Розенберга немецкий микробиолог профессор Шварц, занимавшийся отбором и вывозом книг из библиотеки. О культурном уровне профессора говорит то, что он собственноручно уничтожил бюст основателя Карадагской биологической станции Т.И. Вяземского, сбросив его на камни под Лабораторным корпусом.

На Станции в Лабораторном корпусе сохранилось некоторое количество научного оборудования, посуды, реактивов. Были обнаружены 5 драг, бим-тралл, дночерпатель Петерсена на 0,1 м², дночерпатель Экмана-Берджа, 2 батометра

Кнудсена, один батометр образца ГГИ. Всего на Станции осталось свыше 20 тысяч наиболее ценных в научном отношении книг, без учета 2 тыс. томов, вывезенных в эвакуацию. Спасенной оказалась и часть оптики. Весь научный архив был также своевременно вывезен в Уфу и мог быть использован для развертывания работ станции.

Плавсредства Станции были утрачены. Наиболее крупное судно катер „Смелый” было предано в октябре 1941 г. в распоряжение военных властей и о его судьбе было неизвестно. Корпуса двух мотоботов „Ястреба” и „Вяземского”, оставленных на берегу без двигателей, также как и шлюпки - использованы немцами и румынами на постройку укреплений и на топливо.

К.А. писал: „Возможностей получить и, главное, доставить дрова, при существующем положении вещей нет. Нужно ориентироваться на разборку местных дотов и блиндажей, которые по расчетам могут обеспечить существование небольшого числа сотрудников зимой”.

Станционные сады были вырублены. Виноградники оказались сильно запущенными, и значительная часть их погибла. Засохшие кусты корчевались и шли на топливо.

К.А. отмечал, что „наличие малопострадавшего Лабораторного корпуса, морского водопровода, бассейнов, аппаратуры, библиотеки и т.п. представляет все возможности для того, что бы научная работа Станции в ближайшее же время могла быть развернута полным ходом”. Реализации этого могут помешать разрушения жилого фонда и все прочие материально-бытовые трудности, без преодоления которых научные планы не могут быть проведены в жизнь.

В его докладной записке приводится перечень мероприятий, которые необходимо осуществить в ближайшее время:

1) Предоставление Станции автотранспорта - грузовой автомашины с газогенераторным двигателем, т.к. дрова, нужные для автомашины, в ближайших окрестностях станции всегда можно найти, тогда как с горючим (бензин и т. п.), бывают большие перебои.

2) Переброска на Станцию необходимого количества стройматериалов для ремонта крыши Лабораторного корпуса, штукатурки, побелки, покраски и т.п., в первую очередь - листового железа, фанеры, извести, гвоздей.

3) Восстановление водоприемной (дождевой) системы нарушенной вследствие уничтожения сточных труб и засорения цистерны, т. к. воды из сохранившегося колодца (плохого качества) для нужд станции не хватит. Это мероприятие должно быть проведено независимо от последующих розысков воды на месте, путем устройства артезианских колодцев.

4) Восстановление электростанции и насосной станции, для чего необходимо на первое время иметь небольшой мотор, т.к. для освещения всего двух домов большой мотор уже не нужен. В качестве помещения для электростанции может быть использован либо нижний этаж Лабораторного корпуса, либо прежняя насосная станция.

5) Приобретение двух лошадей, повозки и упряжи, так как хотя и сено на зиму не заготовлено, но ввиду отсутствия покосов в этом году имеется много сена на корню, конюха придется, очевидно, поискать, даже в Киеве.

6) Приобретение и переброска на Карадаг продуктов питания (жиров, картофеля, крупы и муки) из Украины, так как без этого мероприятия пребывание на

Карадаге зимой кого бы то ни было - невозможно.

7) Переброска на Карадаг (резьвакуация) вывезенного оттуда имущества из Киева, возможная только после того, как у Станции будет свой автотранспорт, без которого перевозку его из Феодосии на Карадаг осуществить нельзя.

8) Приобретение шлюпки с подвесным мотором.

К более долгосрочным мероприятиям К.А. относил:

1) Разборку разрушенных больших домов и постройку из оставшегося стройматериала нескольких малых жилых домов - коттеджей, с усадьбами при каждом доме;

2) устройство центрального отопления в лабораторном корпусе;

3) планомерное восстановление подсобного хозяйства станции;

4) приобретение (или постройку) исследовательского судна;

5) устройство на территории Станции дендропарка.

В завершении докладной записки он отметил: „независимо от всего этого, необходимо объявление территории Станции и всего прилегающего к ней района государственным заповедником, к чему имеется сейчас такой благоприятствующий этому момент, как ликвидация колхозной системы горной части Крыма, вследствие этого вопрос о закреплении „навечно“ за колхозом земли - отпадает“.

Завершив оценку ущерба Станции, К.А. 29 августа 1944 г. отправился в г. Симферополь для установления контакта с республиканскими организациями (Обком ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Крымской АССР), а 6 сентября вылетел из Симферополя в г. Киев на самолете (через Харьков).

В г. Харькове он нашел мать и сестру, которых несколько лет не видел и

узнал о смерти отца в период оккупации. Отец К.А. умер от голода и болезни. Чтобы хоть как-то поддержать семью, он использовал свои художественные способности. Он рисовал поздравительные открытки и продавал их.

В своей докладной записке К.А. по сути дела сформулировал основные задачи, которые и пришлось ему решать в последующие годы.

Ближайшим к Карадагской биологической станции научным учреждением, расположенным в нескольких сотнях метров в направлении п. Курортного, была Карадагская актинометрическая обсерватория, основанная в 1932 г. в здании бывшей дачи Леонтовского. В послевоенные годы ее возглавлял Дмитрий Лукич Грищенко. К.А. и Дмитрий Лукич постоянно общались между собой по самым разным вопросам, оказывая друг другу содействие и помощь, а главное - преодолевая военную разруху.

В качестве примера положения с продовольствием на Карадаге в 1944 г. К.А. отмечал в своей докладной записке, что сотрудники Карадагской актинометрической обсерватории, чтобы выжить, утром отправлялись для добычи мидий и других моллюсков к скалам вплавь. Зимой же без лодки положение еще больше усугубится.

В Отчете о работе АН УССР за 1945 г. констатируется: „...к концу года Карадагская биологическая станция смогла настолько восстановить свою базу, что начала научные исследования“. („Історія Національної Академії наук України 1941-1945“ часть 1, № 193, стр. 400-414).

Уже в 1945 г. на Карадаге работала группа ботаников Харьковского государственного университета и научные сотрудники Физиологического института АН СССР им. академика Павлова во главе с профессором Е.М. Крепсом.

Протоколом № 8 заседания Президиума Академии Наук СССР от 20 апреля 1945 г. был утвержден состав ученого совета Карадагской биологической станции: академики - А.А. Богомолец, А.В. Паллади, Д.К. Третьяков, члены-корреспонденты - Е.С. Бурксер, Я.В. Ролл, Л.И. Рубенчик, профессора - Б.Г.

Новиков, М.И. Котов, А.П. Маркевич, Н.В. Ермаков, исполняющий обязанности директора Карадагской биологической станции К.А. Виноградов. Обязанности председателя ученого совета поручили академику Д.К. Третьякову, заместителя председателя - К.А. Виноградову, ученого секретаря - профессору Б.Г. Новикову.

К.А. и З.А. Виноградовы с детьми. Карадаг (1946 г.).

Следует отметить, что хотя в своей непосредственной научной работе А.В. Паллади не имел прямого отношения к морским биологическим станциям, он, тем не менее, хорошо понимал их нужды и специфику. Возможно, это как-то связано не только с его широким кругозором, но и с тем, что его отец академик В.И. Паллади в начале 20-х годов XX века заведовал Севастопольской биологической станцией. Без поддержки А.В. Палладина деятельность Карадагской

биологической станции не могла бы быть так быстро возобновлена.

Несмотря на превратности судьбы и лишившись к сороковым годам 20 века многих иллюзий, К.А. оставался оптимистом-романтиком. Как и его отец, он искренне верил в возможность построения справедливого социалистического общества. По этой причине уже в Крыму в 1944 г. он стал кандидатом в члены компартии, а затем и ее членом. Одну из рекомендаций ему дал академик А.В. Паллади, вторую - старый большевик, вете-

ран революции В.С. Торопов, третью - научный сотрудник Зоологического института АН СССР, соратница Г.И. Котовского в Гражданскую войну А.И. Булычева, четвертую - секретарь парторганизации Института зообиологии АН УССР Е.М. Емчук.

К.А. и сотрудники КБС

С 1945 г. под руководством К.А. получают дальнейшее развитие, начатые еще до войны исследования по экологии отдельных видов фауны, по изучению особенностей размножения и плодовитости морских беспозвоночных и рыб, по биохимии морских организмов. В 1946 г. штат биостанции составил 26 человек. Занимаясь делами Карадагской биостанции, К.А. одновременно возобновил работу над систематизацией и обобщением материалов своей докторской диссертации на тему „Фауна прикамчатских вод Тихого океана“, которую защитил в 1947 г. в Зоологическом институте АН УССР. Официальными оппонентами на защите были профессора Е.Ф. Гурьянова, П.В. Ушаков и П.Ю. Шмидт. Диссертация стала первой крупной сводкой по морской

фауне этого региона. В 1947 г. в Институте зоологии АН УССР в Киеве З.А. Виноградова защитила кандидатскую диссертацию „Химический состав беспозвоночных животных Черного моря и его изменения“.

В 1945-1947 гг. произошло полномасштабное, насколько это было возможно, восстановление деятельности Карадагской биостанции. В этом К.А. содействовали как тогдашние руководители АН УССР, так и академики И.И. Шмальгаузен (Москва) и профессор Е.М. Крепе (Ленинград), часто навещавшие станцию. Контакты К.А. с Е.М. Крепом не прекращались и во время войны, так как Евгений Михайлович заезжал в Уфу. Хорошие контакты биостанция имела с Зоологическим институтом АН СССР, заместитель директора которого академик Б.Е. Быховский не раз бывал на Карадаге. Библиотека и музей на Карадагской биостанции были для К.А. предметом забот и гордости. Он очень высоко ценил сделанное его предшественниками на директорском посту геологом А.Ф. Слудским и гидробиологом В.Л. Паули. Александр Федорович Слудский руководил биостанцией с 1914 по 1927 г. Помню, что в период с 1945 г. по 1952 г. К.А. часто общался с ним, советовался. Когда К.А. бывал в Симферополе, навещал его и ночевал у него дома. Один или два раза ночевал и я. Спал на большом сундуке с какими-то минералогическими образцами. Как я уже говорил, жизнь создает удивительные ситуации. С сыном Александра Федоровича Евгением Александровичем Слудским К.А. вместе плавал в Тихоокеанской экспедиции на р/т „Гагара“. Е.А. Слудский работал метеорологом-наблюдателем. Он даже принимал участие в непосредственном создании Камчатской морской станции ГГИ, контролируя по поручению К.М. Дерюгина строи-

тельные работы в период с 31 июля по 23 сентября 1932 г. В музее, благодаря стараниям А.Ф. Слудского, и других известных геологов, была собрана прекрасная минералогическая коллекция, в которой, в первую очередь, бросались в глаза огромные в килограммы весом куски сердолика, агата, халцедона, сиреневые шетки аметиста, разноцветные яшмы. Они вызывали восторг у посетителей, ученых и экскурсантов. Лекции в музее К.А. считал важной частью своей работы. Хотя и небольшой, но очень интересный музей за год посещали тысячи людей. В знак уважения к создателям музея, к посетителям и к самому процессу, он всегда проводил лекции в белом халате. В музее были различные представители сухопутной и морской фауны Карадага. Чучела больших хищных птиц в различных позах, добытых в районе Карадага, подчеркивали уникальность района. Интересными были чучела млекопитающих и рептилий, в больших стеклянных цилиндрах стояли образцы местной ихтиофауны. Черноморская акула катран, длиной более двух метров, была представлена в виде чучела. Были там и модели рыболовных кораблей, сделанные руками одного из сотрудников станции буквально на моих глазах. На Карадаге была великолепная научная библиотека, которой могли бы позавидовать многие университеты не только СССР. В детстве я не очень-то задумывался о ее ценности, но помню, что старинные толстые фолианты на непонятных языках вызывали у меня какой-то внутренний трепет. Ощущения были как в церкви. Говорить хотелось только шепотом. Было очень интересно перелистывать определители и тома Брэма с переложенными тонкой прозрачной бумагой рисунками. К.А. гордился, что благодаря его усилиям удалось спасти во время эва-

куации 2 тыс. томов ценных научных изданий.

В 1949 г. под редакцией К.А. было возобновлено издание Трудов Карадагской биологической станции. В послевоенные годы членами редакционного совета были профессор Я.В. Ролл и А.П. Маркевич. В 1951 г. К.А. было присвоено звание профессор по специальностям „гидробиология и ихтиология“.

К.А. не считал зазорным учиться у всех, в том числе и у простых рыбаков. Так еще в довоенные годы, в 1929-1932 гг. карадагский рыбак Николай Иванович Семеринов научил его многим рыбацким премудростям в частности ловить молодую кефаль, называвшуюся тогда в Крыму „чуларой“ или „чуларкой“, а если повезет, то и лобанов, у берега „наметом“. Это сеть, набрасываемая на стаю сверху, и затягивающаяся как мешок. Бить острой ночью скорпену и камбалу с помощью факела или керосинового фонаря. Загонять крупную кефаль на горизонтально лежащие на поверхности воды сети, используя привычку в случае опасности выпрыгивать из воды. Это умение было очень полезным в первые послевоенные годы. Николай Иванович был расстрелян немцами во время войны. Первая появившаяся на Карадагской биостанции после войны лодка была названа в память о бывшем водолазе и моряке, рыбаке „Николай Семеринов“. Лодка была куплена на деньги, предусмотренные сметой для приобретения станционной коровы. Вторая лодка - более легкая плоскодонка с слегка приподнятыми носом и кормой называлась „Сарган“.

Из-за малочисленности персонала вытаскивать лодки на берег всегда было непросто. Тащить приходилось по деревянным каткам, положенным на две параллельные доски. Одно время удалось

восстановить большую, еще довоенную ручную лебедку, но металл вскоре не выдержал. Тогда на помощь пришло еще более древнее деревянное устройство. Называлось оно „ворот". В нем на вертикальный деревянный барабан наматывался трос, тащивший лодку. Вращался барабан с помощью вставлявшихся в отвер-

стия деревянных рычагов вроде ручек от лопаты. Два человека вполне могли вытащить тяжелую лодку. Аналогичным образом был устроен „кабестан" на парусных судах. Иногда с помощью „ворота" вытаскивалась на берег и „волокуша" (тягловый невод). Хорошо помню К.А. крутящего барабан этого устройства.

К.А. на лодке „Сарган" с собакой „Дружком"

Для лова рыбы на Карадаге и в довоенное время и в послевоенные годы использовались различные снасти и сети. Н.И. Семеринова на Карадаге сменил новый рыбак Иван Анкудинович Алексеев. К.А. уважал его за человеческие качества, за умение изготавливать и ремонтировать снасти и сети, и главное, пользоваться ими. Внушительное впечатление производили, почти двухметрового диаметра и длиной почти с лодку, похожие на большие верши, мережи. Обычно они имели одно или два крыла в виде стенки из сети. В мережах пойманная рыба не травмировалась и долго оставалась живой. Обычно просмотр утренних уловов К.А. производил в 6-7 часов.

Благодаря знаниям Ивана Анкудиновича и К.А. осенью 1949 г. в Карадагской бухте с помощью „волокуши", для работы с которой собрались все бывшие в наличии сотрудники, удалось окружить и подтянуть к берегу около 10 тонн хамсы. Рыбой заполнили стоящую на берегу лодку, подводу, кузов грузовой автомашины „полуторки", большие плетеные корзины и пр. Об улове, К.А. тут же сообщил в совхоз „Коктебель" директору М.А. Македонскому и с его помощью большая часть улова была вывезена и безвозмездно оказалась на столах жителей Щебетовки (Отуз). В то время это был настоящий праздник. Взаимная под-

держка тогда была необходимой и естественной.

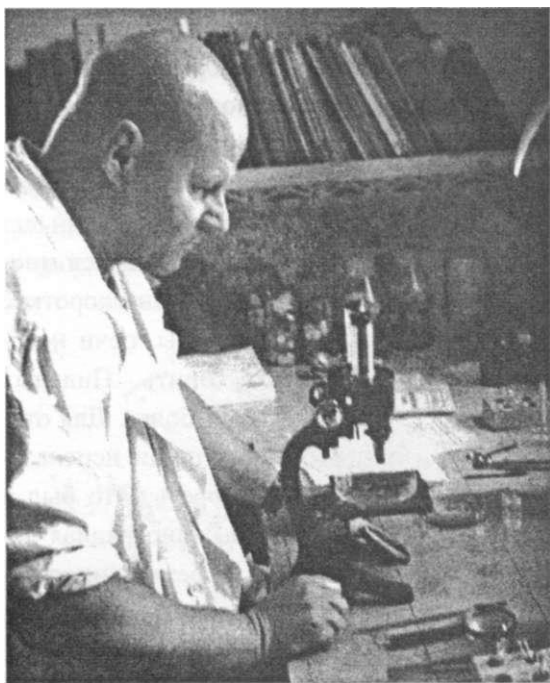
В послевоенные годы с транспортом на Карадаге было очень сложно. Наиболее безотказно служили подвода и лошади. Присылаемые из Киева автомашины полуторки часто ломались и больше стояли. Появившаяся было легковая американская машина „виллис“ почти сразу стала на прикол. Первое время электрическое снабжение было совершенно автономным. Под Лабораторным корпусом на мыске находилось небольшое здание насосной станции, превращенное в электростанцию, там, на бетонном фундаменте стоял движок, генерировавший ток. По ночам он не работал, часто ломался и тогда для освещения использовались керосиновые лампы, керосиновые фонари и просто свечи.

На Карадаге была телефонная линия, но имелся только один телефонный аппарат, находившийся в кабинете К.А., в Лабораторном корпусе. Сильные осенние и зимние ветры часто рвали провода, и связь отсутствовала по несколько дней. Источником информации, правда, тоже не очень надежным, была радиоточка. Как и телефон, она зависела от погоды. Круглая, черная, матерчатая тарелка чаще молчала, чем из нее слышались какие-то звуки. Для получения более подробной информации о событиях в стране и за рубежом К.А. как-то привез массивный ламповый радиоприемник, работающий от нескольких больших специальных залитых черной смолой батарей, стоявших рядом с приемником на подоконнике. Блестящая медная проволока антенны, натянутая на двух стойках на крыше, как бы символизировала связь с большим миром. Из-за всяких помех слышимость часто была неважной. Иногда удавалось поймать, как говорили позже, „вражий голос“. К.А. радиоприемник был нужен

еще и потому, что он был обязан, как директор, вести политинформации. Иногда новости и музыка доносились из п. Курортное, где на всю мощь включался висящий на столбе алюминиевый репродуктор.

Быт на Карадаге осложнялся многими проблемами. Несмотря на короткие и сравнительно теплые зимы, печи необходимо было чем-то топить. Пиленых дров было мало, угля тем более. Для отопления и приготовления пищи использовалось все, что могло гореть. Это был и хворост-сушняк из леса, виноградная лоза, остающаяся после обрезки виноградников, сосновые и еловые шишки и хвоя, кизяки. Позже, когда был керосин и те, кто имел примус или керогаз готовили на них. К.А. очень любил пилить и колоть дрова, особенно толстые чурбаки, считая это лучшей физкультурой. Эту любовь он приобрел на Камчатке. Летом многие готовили еду на очагах, находившихся во дворе.

Для разжигания плиты иногда применялись совершенно необычные горючие материалы и, в частности, порох из артиллерийских снарядов. Особенно ценился светло-желтый порох в виде полосок длиной порядка 25-30 см и шириной около 2 см. Хорошо горел и порох, напоминающий по цвету и виду длинные макаронины со сквозной дыркой, в которую можно было подуть. Случалось находить целые пачки пороха, перевязанные суровой ниткой. С порохом в виде трубочек нужно было соблюдать осторожность, так как если такую макаронину поджечь и слегка придавить противоположный конец, то она начинала летать по воздуху, как какая-нибудь ракета. Детям это очень нравилось. Поскольку по ночам К.А. часто работал и дома, то он обычно и следил за тем, чтобы печь не погасла.

К.А. за разборкой пробы на Карадаге (1950 г.)

С начала весны и до Первого мая на биостанции каждый год проходили несколько субботников и воскресников. *На территории убирался мусор, на клумбах перекапывалась земля, пересаживались многолетние цветы и сеялись семена цветов однолетников, белились деревья и кирпичные ограждения вдоль дорожек.* В этих работах принимали участие все сотрудники, включая и К.А. Весной для обработки каменистой почвы садов и виноградников использовались специальные узкие клиновидные тяжелые лопаты лискеры и специальные узкие тяжелые мотыги. В других местах Украины и в Молдавии видеть такие орудия мне не доводилось.

В первые послевоенные годы на Карадаге жители вынуждены были затрачивать много сил для борьбы с такими мерзкими насекомыми, как клопы. Их называли „фашистской нечистью“. Стоявшие там румынские и немецкие войска распространили их повсеместно. Поэтому тогда все спали на металлических кроватях.

С потеплением кровати разбирали и выносили во двор. Там их обрабатывали кипятком, керосином и прочими веществами, но самым надежным и эффективным способом уничтожения „кровопийц“ был огонь паяльной лампы или самодельного факела.

Первое, что бросалось в глаза в послевоенном Крыму – это развалины разрушенных домов и других сооружений и почти полное отсутствие людей. Уже позже я узнал, что за годы войны население Крыма сократилось в 3,4 раза (с 1,2 млн. человек до 0,35 млн. человек).

В послевоенный период Верхние дома (бывший санаторий Т.И. Вяземского), в которых раньше жили многие сотрудники, находились в полностью разбитом состоянии, стояли отдельные участки стен без всяких деревянных деталей, которые, видимо, пошли на топливо. Более или менее сохранились только подвалы. Карадагские дети устраивали игры, прятались среди руин, рисуя в уме всякие необычные ситуации. Иногда было жутковато. Особенно вечером, когда вдруг внезапно громко закричит сыч. В дымоходах разрушенных печей гнездились сизоворонки. Наведывались сюда и куницы.

Следы войны в 1947 г. были видны не только на Карадаге и в его окрестностях, но и в Феодосии. Порт и прилегающий район были сильно разрушены. В акватории порта из воды торчали мачты и трубы затонувших судов. В вылинявшей застиранной форме военнопленные разбирали развалины, что-то строили, мостили улицы. Тягостное и грустное впечатление производили расположенные вдоль дороги от Щebetовки (Отуз) до Феодосии на всех, где только возможно, склонах военные кладбища с правильными рядами почерневших деревянных крестов. Как объяснил отец, это были немецкие кладбища. Печально выглядели в ок-

рестностях Феодосии, Старого Крыма и Карасубазара заброшенные татарские кладбища. На них не было крестов или памятников, а только стояли или лежали небольшие, более или менее прямоугольные камни.

Следы войны проявлялись самым различным образом. В неожиданном месте можно было найти неразорвавшуюся гранату, цинковый ящик с немецкими патронами или деревянный ящик с сигнальными ракетами, а то и торчащую из земли винтовку.

Между Карадагской станцией и поселком Курортное море постоянно выбрасывало на берег снаряды и мины. Наверху, за Актинометрической обсерваторией стояли взорванные немецкие пушки. На артиллерийской позиции всюду попадался порох из снарядов и патроны. Иногда по дороге в школу я насчитывал на берегу до десятка мин и снарядов.

Однажды, во время занятий в школе, а школа была в п. Курортном в устье реки Огузки на правом берегу, мы, ученики, стали свидетелями подрыва на противотанковой мине военного студебеккера. Внезапно раздался сильный взрыв, школа подпрыгнула, и по крыше стали барабанить камни. Мы все кинулись наружу. Внизу метрах в 150 стояла разбитая машина. Весь кузов ей разнесло, а раму загнуло вверх. Задние колеса валялись в нескольких десятках метров. Под машиной была воронка глубиной до 2 м и шириной около 4-5 м. К счастью, никого не убило. Солдаты лопатами загрузили в кузов несколько тонн песка, а потом машина стала сдавать назад. Тогда и прогремел взрыв. Сидящие в кабине были контужены. Стоящих с лопатами, отбросило взрывной волной. После этого события я получил дома очередной строжайший наказ, не трогать взрывоопасные предметы.

Удержаться от соблазна было трудно, так как в противопехотных минах была шрапнель, используемая для стрельбы из рогатки, нужно было только аккуратно вывинтить взрыватель и добраться до стальных шариков. Взрыватель можно было бросить вниз на камни и получить дополнительное удовольствие от взрыва. Только став взрослым, я понял, как это было глупо и опасно. Взрывчатые вещества и оружие, которые были в изобилии, очень привлекали детей.

Активная военная жизнь в районе Карадага в конце сороковых - начале пятидесятых годов 20 в. не прекращалась ни в небе, ни в воде. В небе часто можно было видеть самолеты-торпедоносцы с оранжевыми сигарами торпед под фюзеляжем. Очень интересно было, лежа на спине, смотреть, как в голубом небе кружатся самолеты с прикрепленными сзади на тросе сероватыми или серебристыми конусами мишеней, а другие, совершая разные маневры и ревя моторами, стремятся поразить их из пушек и пулеметов. Так было до 10-11 часов утра. Потом наступал перерыв, и возобновлялись полеты часов в 17-18. Случалось с самолетов на землю падали красивые латунные гильзы снарядов авиационных пушек и детали снарядных лент, из которых, как из какого-то необычного конструктора, можно было собрать небольшой кусок ленты. Вечером можно было похвастаться перед родителями. Подобрать такие детали дети считали большой удачей.

На траверзе Карадага почти на горизонте можно было ежегодно, а то и несколько раз в год, наблюдать эскадру военных кораблей из нескольких крейсеров и эсминцев. Иногда в их составе был и линкор. Вокруг них рыскали сторожевые корабли, юркие морские охотники и стремительные, с огромными белыми усами волн и буруном за кормой, торпед-

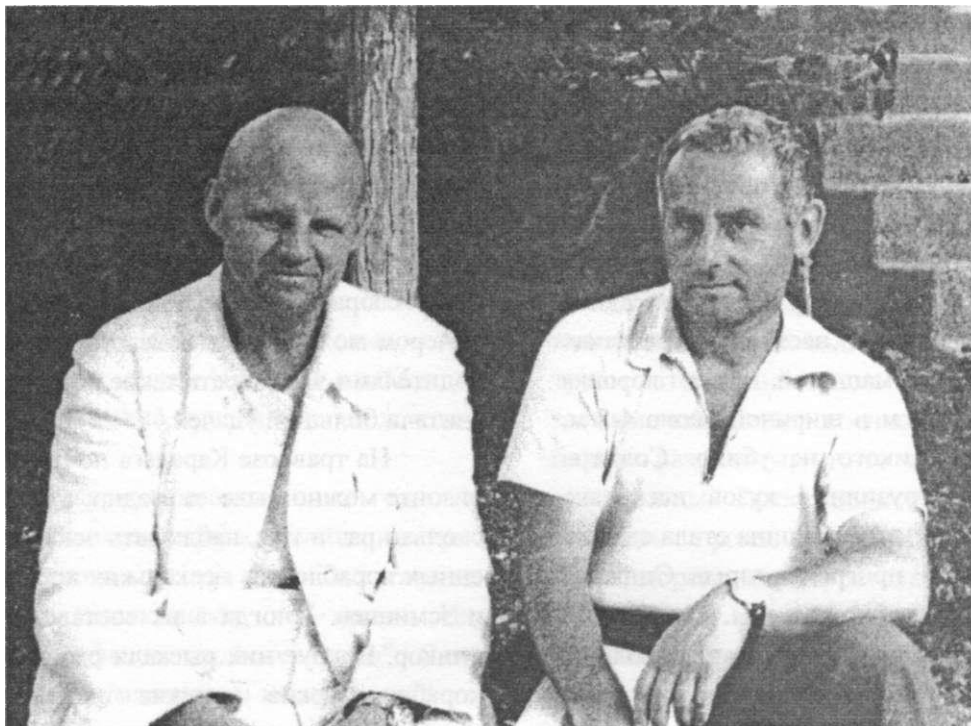
ные катера. К.А. хорошо знал не только типы военных кораблей, но и крупные корабли, например крейсера, узнавал по названиям. Обычно, перед появлением эскадры, мощные буксиры вели за собой щиты-мишени. Потом где-то далеко слышалось уханье корабельных пушек главного калибра.

Изредка мимо Карадага в надводном положении проходили одиночные подводные лодки, но это было не менее интересно, чем увидеть большой военный корабль.

Во время морских учений и различных тревог, связанных с возможной высадкой шпионов и диверсантов, на Карадагской биостанции тоже объявлялось особое положение. Здесь проходила граница, и почему-то считалось, что для шпионов это самое лучшее место высадки. С вечера на берегу располагались наблюдатели из сотрудников станции и пограничников. Свет везде гасился. Иногда под покровом сумерек в бухту украдкой

заходил морской охотник и, слившись с берегом, без единого огонька, поджидал незваных гостей. Было очень тревожно, память о недавней войне была совсем свежей. К.А., как директор Карадагской биостанции, должен был обеспечивать выполнение приказов.

В обычный период прожекторы на мысе Меганом своим длинным лучом обшаривали ночное море. Резко метнувшись, яркий луч мог внезапно осветить и окрестности Карадага и саму биостанцию. Тогда нужно было беречь глаза. Случалось далеко в море на невидимом для глаза предмете скрещивались сразу два луча. Таким образом, проявлял себя прожектор, расположенный где-то в районе Судака. Иногда прожекторы были направлены в небо и казалось, что светящиеся колонны подпирают его. В пересечении лучей прожекторов можно было увидеть светлую черточку беззвучно летящего в темном небе самолета. Отец говорил, что он летит на Симферополь.

К.А. и Е.М. Крепе.

Но все это было далеко, а непосредственно на Карадаге приходилось решать каждодневные жизненно важные проблемы. Быт там в те времена максимально приближался к сельскому и не только потому, что все удобства были во дворе. Жителям не хватало белковых продуктов животного происхождения. Рыбалка частично ликвидировала дефицит, но этого было недостаточно. Вспомогательный персонал держал коз и даже коров. Однако их было мало. Наши попытки заниматься содержанием кур время от времени прерывались истреблением их местными хищниками. Наш сарайчик для кур располагался на противоположной стороне Карадагской долины за пересохшей речушкой. Обычно из цыплят благополучно подрастали петушки и куры-несушки. Время от времени, обычно в связи с приходом гостей, петушки попадали в суп, а куры до поры до времени неслись. Постоянным обитателем курятника был здоровенный, как тогда казалось, красно-черный петух. Он иногда бросался и на людей. Как-то на рассвете он поднял страшный шум. Когда пришли, то оказалось, что туда проник хорек и задушил большинство кур. Примерно через год, также утром я пошел кормить птицу и выпустить в загончик, обтянутый сеткой. Только я приоткрыл дверь, как мне под ноги метнулась незваная гостья. Как лиса сумела проникнуть внутрь, одному богу известно, но головы большинству кур она отгрызла.

На Карадаге остро стояла проблема пресной воды. За время войны система бассейнов, предназначенная для накопления дождевой воды, была разрушена. И хотя во время сильных дождей по Карадагской долине к морю устремлялся мутный стремительный поток, неся с собой довольно приличные по величине камни, удержать эту воду, не было возможности.

Источниками питьевой воды и воды для полива были несколько колодцев, расположенных в Карадагской долине.

С продовольственным снабжением в первые послевоенные годы тоже было трудно. По просьбе К.А. и вышестоящих инстанций к наркому ВМС адмиралу Н.Г. Кузнецову в 1945-1947 гг., командование Черноморского флота разрешило научным сотрудникам биостанции иногда получать флотские продовольственные пайки. В стране еще сохранялась карточная система. Помню, что в них были сухие, как дерево, солоноватые, но вкусные галеты. Их нужно было размачивать в чае или другой жидкости, вроде популярного тогда настоя шиповника. Также были американская тушенка и сгущенное молоко. Для Карадага это была экзотика. Так своеобразно страна поддерживала науку. С хлебом тоже была проблема и в основном пекли лепешки, если была мука. В тот период главным образом использовали кусковой сахар. Это были разной формы и величины куски сахара. По прочности он напоминал камни, и его надо было раскалывать на более мелкие кусочки. Нам, детям, он казался очень сладким. И вообще, у карадагских детей в те годы хлеб, намазанный маслом и посыпанный сахаром, считался самым большим лакомством. Для изготовления сливок и масла в те времена использовались самодельные ручные сепараторы и деревянные „сбивалки“. Холодильников тогда не было, и сохранять масло тоже было не просто.

В те годы многие сотрудники биостанции были вынуждены заниматься огородничеством. Небольшие огороды располагались в Карадагской долине в районе Лобового хребта и отходящей от нее долинки Бачинского. К.А. также с удовольствием вскапывал землю. Пытались там выращивать с переменным успе-

хом морковь, лук, чеснок, зелень. В долинке находился колодец, а в одном из домиков Бачинского была конюшня, и можно было удобрять землю конским навозом.

Для сбора миндаля, ореха фундука, терна, кизила, шиповника, крупноплодного боярышника осуществлялись по выходным дням специальные коллективные походы или выезды. В Сосновой роще собирали грибы маслята и белые грибы. Без этого выжить в то время было сложно. Такие мероприятия еще и сплачивали коллектив.

В годы войны без обрезки и ухода многие оставшиеся не вырубленными деревья, в садах и рощах, одичали. Часть деревьев миндаля стала приносить горькие плоды и, поэтому, нужно было пробовать миндаль с каждого дерева. Летом дети много времени проводили на шелковицах, а осенью объедали деревья сладкого инжира, растущие у дороги к Верхним домам, или собирали остатки не замеченного при уборке винограда. Называлось это „чимболосить“.

На биостанции был и пресс для винограда, оставшийся еще с довоенных времен. Его отремонтировали, и он вполне выполнял свои функции. Никогда я не пил такого вкусного виноградного сока, как на Карадаге. В окрестностях КБС были запущенные виноградники и сады. В сборе винограда и его переработке участвовали многие сотрудники.

Отдыху коллектива на Карадаге придавали большое значение. Почти на протяжении всего года практиковалась игра в волейбол, городки и даже экзотический крикет с воротами, деревянными молотками и пр. Сам К.А. отдавал предпочтение городкам и иногда играл в волейбол. Самыми большими коллективными праздниками были Новый год и Первое мая. Новогоднюю сосну наряжали

в основном самодельными игрушками, обернутыми в фольгу и яркими конфетами. Было красиво. Сотрудники готовили различные номера, читали смешные отрывки из произведений А.И. Чехова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.В. Гоголя, пели, дети рассказывали стихи. Пили мало. Очень веселыми были маевки. Коллективно выбирались куда-нибудь на природу. Там устраивали игры с мячом, перетягивание каната, бег в мешках и пр.

К.А. любил грести веслами. На воде он не укачивался, в штормовую погоду чувствовал себя нормально, хотя в то же время плавал довольно плохо. Во время пребывания на Карадаге, он иногда летом по выходным дням садился за весла на лодке „Сарган“ и возил почти на весь день всю семью в бухту возле Ивана - разбойника, к Золотым воротам, в Сердоликовую бухту, а иногда и дальше за Коктебель до Енишарской бухты.

В летнее время на Карадаг на практику приезжали студенты и аспиранты. Обычно приезд и отъезд каждой группы сопровождался особым ритуалом - праздничным костром. После приезда и установки лагеря, вся приехавшая группа вечером собиралась на плато под Карагачом. К.А. читал ознакомительную лекцию о Карадаге и его окрестностях. Потом разжигали большой костер, пели под гитару. Обычно было очень весело. Примерно также было и перед их отъездом. Иногда с разрешения пограничников можно было запустить пару сигнальных ракет У К.А. в сейфе в кабинете лежала ракетница и патроны к ней. Для многих студентов и преподавателей костры под Карагачом и пребывание на Карадаге остались в памяти на многие годы.

Жители Карадага, конечно, не имели своего кинотеатра, но посмотреть кино летом можно было в п. Курортном. Там был открытый кинозал, огороженный

довольно высоким забором. Однако с забора и деревьев, находящихся неподалеку, можно было увидеть экран. В основном, демонстрировались трофейные, как тогда говорили, фильмы. Детям особенно нравился „Тарзан“. Многие пытались ему подражать. Помнятся „Мятежный корабль“ о восстании на „Баунти“ и всякие приключенческие фильмы, „Серенада Солнечной долины“, „Веселые ребята“, „Свинарка и пастух“ и пр.

К.А. с семьей Ивана Анкудиновича Алексеева

Живя на Карадаге в первой половине XX в., человек испытывал тесную связь с природой. Такую связь, видимо, ощущал и К.А. Это сказывалось на его характере и настрое. Кроме летней практики 1927 г. он еще формально трижды (в 1929-1932 гг., в 1937-1941 гг. и в 1944-1952 гг.), а фактически четырежды, если учитывать перерыв в 1938-1940 гг., связанный с арестом, возвращался работать на Карадаг. Несколько раз К.А. побывал на Карадаге, живя уже в Одессе, во время

заходов на НИС „Академик Зернов“ и „Миклухо-Маклай“. Район Карадага завораживает своей величественной красотой.

Видимо, заболев любовью к Карадагу, излечиться очень трудно, а может быть и невозможно. К.А. заболел Карадагом после первой встречи на всю жизнь, а ведь он видел суровую красоту Мурмана, Камчатки, морей Дальнего Востока. Благодаря приглашению Аллы Леонтьевны Морозовой, много лет руководившей коллективом на Карадаге, К.А. и Зорэ Аблякимовна смогли навестить места своей молодости на склоне лет. Карадаг произвел на них то же впечатление, что и десятки лет тому назад. Оценивая изменения, произошедшие на Карадаге по сравнению с послевоенными годами, К.А. считал, что после основателя биостанции Т.Н. Вяземского, ни один из директоров не смог сделать столько полезного, сколько сделала А.Л. Морозова. Сбылся его план, чтобы Карадаг стал заповедным.

На Карадаге К.А. очень любил пешеходные прогулки и экскурсии вдоль берега моря. Для него не составляло особой проблемы, по всяким служебным делам, ходить с рюкзаком пешком через горы в Судак и в Феодосию.

Наверное, только на Карадаге бывают такие бархатные ночи, темнота бывает такой густой, что, кажется, ее можно потрогать. В то же время в небе могут сиять яркие звезды. Иногда в небе разливается какой-то волшебный серебряный свет. Луна выглядит просто огромной. С Карагача вообще ее можно достать рукой. Смотришь в небо, а где-то, совсем рядом стрекочут, поют, наверное, самые голосистые в мире, карадагские цикады. Кажется, что они всюду, может быть даже в ушах.

Удивительно красивы на Карадаге восходы, когда солнце сегодня величест-

венно приподнимается над морским горизонтом, как бы разрывая при этом тонкую розовую полосу облаков, а завтра почему-то мгновенно выныривает из воды.

Однажды совершенно случайно глянув в окно, отец увидел камнепад и крикнул нам. За всю свою жизнь я потом не видел ничего подобного. Огромные камни весом в десятки тонн оторвались с Карагача в районе „Королевского трона“ и со страшным грохотом, ударяясь и подсакивая, летели вниз, на берег и в воду. Какой же крошечной букашкой чувствуешь себя в такие моменты. В считанные минуты нагромождения новых скал и камней изменили берег возле Кузмичева камня и за ним. Несмотря на родительский запрет ходить туда, я смог убедиться в этом на следующий день. Еще долго, проходя это место, мы, дети, с опаской смотрели вверх.

На Карадаге К.А. с семьей жил на втором этаже так называемого жилого дома во дворе биостанции, занимая две небольшие смежные комнаты. Все удобства были во дворе. К дому примыкал небольшой деревянный балкон. На первом этаже жила врач Виктория Алексеевна Станкевич, пережившая фашистскую оккупацию. Во время войны она помогала раненым морякам-десантникам. Соседями по второму этажу на Карадаге были ихтиолог Клавдия Семеновна Ткачева и гидробиолог Софья Сергеевна Виноградская с сыном Сережей.

На территории биостанции и вокруг росли разнообразные необычные растения. Дети на Карадаге в послевоенные годы лакомились сладковатыми цветами и плодами опунции. Колючие плоские лопасти ее круглый год зеленели на склоне между Лабораторным корпусом и Карадагской актинометрической обсерваторией. От К.А. я узнал, что это не исконный обитатель, а ее сумел там поселить

около 30 лет назад сотрудник биостанции В.К. Вучетич.

Ранней весной, в период цветения миндаля, казалось, что какое-то розовое облако опускалось на Карадаг. На всю жизнь врезались в память в окрестностях Карадага цветущие поляны диких тюльпанов, склоны с пятнами цветущих крокусов и сиреневые склоны, покрытые бессмертниками. Невозможно передать словами впечатление от тянувшихся на сотни метров зарослей, вдоль дорог, цветущих красными цветами воронцов.

На Карадаге вокруг биостанции можно было встретить множество разных птиц. От филина, который иногда напоминал о себе, громко ухнув с сосны прямо в окно, до крошечного забавно задравшего хвост крапивника в кустах парка. Заросший за военные годы парк, в котором можно было увидеть огромный ливанский кедр, сосны, железное дерево, тис серебристый и другие непривычные деревья, был для птиц своеобразным оазисом. В парке, несмотря на его небольшие размеры, попадались десятки видов птиц. Как-то там оказалась даже стайка розовых скворцов. Прямо на дорожке рядом с парком однажды попала на глаза замершая, но медленно поворачивающая змеевидную шею шипящая вертишейка. В вечерних сумерках на этой же дорожке мог попасться почти черный козодой, взлетающий и вновь садящийся в нескольких десятках метров впереди. Хотя К.А. и не был орнитологом, но многих птиц он знал, а тех, которых не знал, помогал найти в книгах. На деревьях в парке обитали совсем маленькие птицы - корольки, поползни, синички, горихвостки, славки, зарянки, скромные соловьи и какие-то миниатюрные совы. На чердаке жилого дома обитали таинственные ночные сычи, пугающие своими криками детей. Под карнизами и в других удобных

местах с наступлением тепла ремонтировали старые или лепили новые гнезда ласточки. Людей они почти не боялись, иногда гнезда были на высоте порядка двух метров, и при желании в них можно было заглянуть. В парке можно было наблюдать, как скворчиха с птенцами, видимо, только слетевшими с гнезда, пыталась напугать кота. Пикируя на него и громко, сердито стрекоча, она предупреждала скворчат об опасности. Сюда же любили залетать элегантные красавицы сойки. Что-то там долбили деловитые пестрые дятлы. Поздней осенью здесь держались черные дрозды. О скворцах и воробьях вообще можно не говорить, их была масса. Весной все, что хоть чуть чуть напоминало скворечник, занималось ими под жильем. Иногда скворцам даже приходилось выгонять воробьев, нахально занявших скворечники. К.А. любил смотреть и слушать птиц.

В горах и на берегу моря были совсем другие птицы. Одни из них здесь гнездились, другие появлялись на пролете. Осенью и ранней весной на Карагае и на плато под Лобовым хребтом случалось, скапливались тысячи, а то и десятки тысяч птиц.

Поздней осенью и зимой в море можно было наблюдать гагар, поганок, различных уток, нырков, крохалей. Особенно красиво выглядели селезни серых уток, огари и пеганки. На берегу попадались крачки, чайки, кулики. Над водой на скалах можно было увидеть и внимательно глядящего в воду, коренастого, с большим клювом яркоокрашенного изумрудного зимородка. Казалось, что на нем одет какой-то зеленый бархатный камзол с розовой манишкой, а на голове необычная ярко-зеленая шапочка. На скалах над водой часто попадались раздвинувшие черные крылья длинношеее бакланы. Среди камней на берегу сустились се-

ренькие трясогузки и нарядные черно-белые каменки. Зимой в бухте можно было увидеть целые эскадры белых лебедей.

К.А. сам с детства любил животных и поощрял эту любовь у других. На Карагае в семье были собака Дружок и кот Пушок. Дружок был немецкой короткошерстной легавой - сыном собаки академика Е.М. Крепса Фрины, подаренным специально для нас с сестрой. Он был еще слепым щенком, и его пришлось выкармливать молоком из соски. У Дружка были врожденные охотничьи способности. Он сам делал стойку на перепелку или куропатку. Мог часами гонять лисицу. Очень любил плавать и проплывал за лодкой несколько километров, если в лодке был, кто-нибудь из членов семьи. Пушок и Дружок жили дружно. Зимой они спали, тесно прижавшись, друг к другу, а иногда, когда было особенно холодно, залезали ко мне на кровать. Детям они позволяли делать с собой, что угодно. В то же время у Пушка был очень самостоятельный характер, и он иногда отлучался из дома на целый день. У него, также как и у Дружка, обнаружилась большая тяга к охоте. Мышами и крысами он не удовлетворялся и однажды притащил домой молодого зайца, величиной почти с него самого. Поскольку мы жили на втором этаже, и там был небольшой деревянный балкон, он старался сидеть там, наблюдая за птицами. По вечерам, в сумерках он, затаившись под балконом, устраивал охоту на бражников, слетавшихся на пахучие цветы.

Кроме ученых и обычных экскурсантов, отдыхающих на Карагае, бывали всякие неординарные личности, не имеющие к науке прямого отношения. Мне запомнился молодой скромный художник очень хорошо рисовавший горы и морские пейзажи. Фамилия его Переяславец, а звали его, кажется Володя. Позднее

он стал одним из ведущих художников знаменитой студии им. Грекова, а репродукции батальных картин, написанных при его участии, печатались в журнале „Огонек“. Иногда с просьбами помочь в каких-то делах к К.А. приходили две очень пожилые, как мне тогда казалось, женщины. Одну из них звали Мария Степановна. Это была вдова поэта Максимилиана Волошина. Вторая женщина, кажется, была ее сестрой или какой-то другой родственницей. Летом они жили в небольшом полузаброшенном домике возле дороги, ведущей к Святой горе и перевалам. Домик находился в удалении от другого жилья, и называли его „дачей Волошина“. Как рассказывал К.А., это были героические женщины. Во время войны, несмотря на смертельную опасность, они зимой оказывали помощь партизанам. Время от времени, на Карадаге бывала небольшого роста, смуглая, с короткой стрижкой, седая женщина. Появлялась она также со стороны Святой горы. Она о чем-то тихо говорила с отцом. Когда мне сказали, что это известная писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян, я на это практически не отреагировал. Имя Лонгфелло было мне более знакомо, так как К.А. нам с сестрой по вечерам читал не обычные сказки, а „Песнь о Гайавате“. Некоторые имена и строфы я помню и шестьдесят лет спустя. Только позднее, прочитав некоторые ее книги и очерки, понял, какой необыкновенный и скромный человек жил, совсем рядом с нами, в Коктебеле. Часто на Карадаге и в его окрестностях бывал, уже упоминавшийся, Михаил Андреевич Македонский. С осени 1945 г. он, на протяжении 27 лет, был бессменным директором совхоза „Коктебель“. Из Щebetовки (Отуз) М.А. Македонский обычно ездил на двухколесной коляске, запряженной одной лошадью, почему-то называвшейся „бедаркой“, в

Коктебель. В парадных случаях он иногда приезжал на красивой с лакированными черным лаком деталями подводе, называвшейся „линейкой“. Во время войны он командовал Южным соединением крымских партизан.

Своеобразный колорит и особую ауру жизни на Карадаге придавали не только природа и люди, но еще и хобби местных жителей. У уже упоминавшегося Ивана Анкудиновича Алексеева были сын Коля и дочь Лида - большие любители всякой живности. Кроме домашних животных и домашней птицы, они выращивали из птенцов и держали у себя некоторых диких птиц. Подрастая среди людей с птенцового возраста, птицы становились совершенно ручными. Молодых соек, сизоворонок, ворон кормили, главным образом кузнечиками, в сборе которых в банки принимали участие почти все дети. Это было просто удивительно, как за три-четыре месяца страшноватые уродцы с постоянно раскрытым орущим клювом, в который почти непрерывно нужно было класть еду, вырастали в красивых самостоятельных птиц. Если в первые дни жизни ими управляли только врожденные инстинкты, то потом они начинали демонстрировать интеллект, свои собственные приобретенные привычки и особенности поведения и характера. Молодые птицы не только наблюдали за происходящим, но и сами пытались принять участие в событиях. Им очень нравились блестящие металлические предметы вроде пуговиц, монет и даже маникюрных ножниц. Каждая старалась завести себе персональный тайник и прятать там свои находки. У них были свои имена, и они откликались на них. Особенно талантливые, умели произносить по несколько слов. Многие сотрудники наблюдали за этими превращениями. Не оставался в стороне и К.А.

Некоторый период у Коли Алексеева жил выращенный из птенца одомашненный орел беркут. Вначале он тоже ел кузнечиков и саранчу, а потом с удовольствием глотал кусочки мяса и целых ящериц. Постепенно птенец пристрастился к рыбе. Когда он подрос, то ему пришлось подрезать крылья, что бы он куда-нибудь не залетел, и в этот период орел только важно ходил и подпрыгивал, имитируя взлет, по террасе под Лобовым хребтом. Через некоторое время беркут стал практически ручным и ему разрешили летать. Для взлета он разбегался, подпрыгивал и оказывался в воздухе. Его полюбили, и он стал почти сотрудником станции. Высоко поднявшись в небо, так что казался пятнышком, он парил, высматривая возвращающуюся лодку. Снижался кругами и громко клекоча, просил свою часть улова. Погиб орел из-за верности своему хозяину. Коле нужно было ехать в Симферополь, кажется в военкомат. Орел полетел за грузовой машиной и уже в городе, потеряв из виду хозяина, сел на дерево. Большая доверчивая птица, не зная что такое город, привлекла внимание местных мальчишек, и они забросали ее камнями. Все обитатели биостанции сожалели о случившемся.

Коля Алексеев был натуралистом и охотником. Умел изготавливать чучела птиц и животных. Некоторые из них стали экспонатами музея на Карадагской биостанции. Он научил меня делать самому дробь, пыжи, снаряжать ружейные патроны. От него я узнал, как выяснить, живет в норе кто-нибудь или она пустая. Как отличить норы куницы, лисицы, и барсука. Хоть это и кажется жестоким на первый взгляд, но умение снимать с животного или птицы шкуру для биолога совершенно необходимо. Родители не препятствовали этим моим занятиям. Возможно, это был какой-то педагогиче-

ский прием. Я узнал, как мездрить и правильно обрабатывать шкурки, как с помощью проволочного каркаса можно придать чучелу нужную позу, как правильно подобрать для чучела искусственные стеклянные глаза и пр. Все эти знания и умения для меня не были лишними ни в университете, ни в дальнейшей работе.

Летом карадагские дети большую часть времени проводили на Кузмичевом камне или вблизи от него, плавали, ныряли или пытались, с большим или меньшим успехом, ловить рыбу. Наблюдать за подводной жизнью было очень интересно. Хотя и в домике насосной станции и в Лабораторном корпусе были морские аквариумы, это было не то. Там не хватало красок живого моря.

Обычно при ловле рыбы в качестве наживки использовались мраморные крабы, которые во множестве сидели под камнями в воде у берега или даже в сырых расщелинах над водой, задумчиво пуская пузыри воздуха. Лучше всего рыба клевала на линяющего краба. Ловили обычно „на слух” т. е. без поплавка, а часто и без удилища. При этом способе „ухом” служит указательный палец руки, а у некоторых оригиналов даже большой палец ноги.

Среди свисающих со скал колышущихся бород цистозирры можно было увидеть морских игл, коньков. В первую очередь, в глаза бросались разные виды зеленушек из семейства губановых рыб. Хотя у большинства рыбешек в окраске действительно присутствовали разные оттенки зеленого цвета, среди них были и полностью красные особи. У некоторых были синие, желтые, бурые пятна и точки, перламутровые зеркальца на боках. Казалось, что ты находишься где-нибудь среди коралловых рифов. Самых крупных зеленух рулен называли „лопотухами”.

Некоторые из них были длиной до 25 см. Зажаренные на костре, они имели приятный сладковатый вкус.

Задержав дыхание и присмотревшись, на скалах, иногда под самой поверхностью, можно было увидеть небольших, до 10 см длиной, любознательных рыбок - морских собачек. У некоторых из них на голове торчали выросты, напоминающие рожки. Они смешно вращали глазами, а по бокам у них сверкали жемчужные или голубоватые зеркальца, переливающиеся под лучами солнца. Некоторые из них не боялись брать с ладони мясо разбитой камнем мидии. К слову, нашу собаку Дружка, очень любившего плавать, называли самой большой морской собакой на Карадаге.

В темных расщелинах скал, куда обычно в течение всего дня не попадали солнечные лучи, можно было заметить оливковое змееподобное тело морского налима с усами возле рта. Возле больших скал можно было наблюдать кефалей, морского карася, смариду и темно синих морских ласточек. Иногда попадались бычки. К.А. исследовал ихтиофауну Карадага, и с ним всегда можно было поделиться увиденным.

Хотя родители, отпуская меня из дома на Карадаге, учили соблюдать осторожность, тем не менее, случались всякие казусы. Как-то на рыбалке возле Кузьмичева камня я умудрился воткнуть себе довольно большой крючок в живот. Дело в том, что у нас был обычай пару запасных крючков носить продетыми через ткань трусов возле резинки. После неудачного движения жало крючка проткнуло кожу и подкожный слой. Для удобства пришлось крючок протолкнуть дальше, чтобы жало вышло наружу. С крючком и кровью на животе я явился к родителям на работу. Меня учили не подавать виду, что больно. Пришлось тер-

петь. Нашлись клещи, которыми крючок перекусили возле колечка и вынули оставшуюся часть. После этого наступила самая неприятная процедура, связанная с намазывания живота йодом. Наверное, из педагогических соображений меня никто не ругал. А ведь мне по дороге с Кузьмичева камня рисовались всякие картины, как мне будут резать живот, или как будет неудобно надевать майку и рубашку с крючком в животе и пр. В детстве мы с сестрой никогда не слышали, чтобы К.А. ругался, используя ненормативную лексику. Я очень удивлялся, когда он произносил в слух слово „перкеле“. Оказалось, что оно означает по-эстонски черт. Так вот только это „перкеле“ я услышал, придя с крючком. На следующий день я снова был на рыбалке, а ребята подначивали: „Ну что, попался на крючок?“ или... „Ты мол, теперь знаешь, как чувствует себя рыба, которую подсекли“.

Совершенно особое место на Карадаге у детей занимал лов каменных крабов. В послевоенные годы этих красивых ракообразных было довольно много. Далеко не все, даже взрослые люди, решались схватить сидящего в щели под камнем или между камнями выставившего вперед клешни большого каменного краба. Они умеют за себя постоять. Дети называли их в отличие от травяных крабов „красняками“. Поймать самого большого „красняка“ было равносильно чемпионскому званию. Даже если это заканчивалось посиневшим ногтем или травмой всего пальца. Я ловил их иногда до 20 штук за утро.

Второй способ лова был более результативным, но менее спортивным и интересным. Для этого с вечера ската морскую лисицу из сетевого улова станции после промера, обследования и фиксации желудка можно было с помощью проволоки привязать в хорошем месте к

камню. Утром возле одной морской лисички можно было поймать порядка десятка каменных крабов. Их обычно запекали в углях, или варили как раков.

Однако запеченные прямо на берегу, крабы казались вкуснее. Особенно ценились большие клешни крабов, но ели и содержимое панциря, дробились камнями и высасывались и ходильные ноги. Грустно было узнать, что через каких-то десять лет они стали редкостью.

На Карадаге и мне удалось внести небольшой вклад в науку. К.А. нам, детям, говорил, что если увидите что-то необычное, обязательно покажите или расскажите.

Я шел в школу в п. Курортное вдоль берега моря. Вода в ноябре была уже довольно холодная. Вдруг я увидел метрах в восьми-десяти от берега довольно большую странную рыбу, которая плавала вертикально. Она была на вид длинной около полуметра. Я, присмотревшись, понял, что это кефаль, но какая-то необычная. Выбрав подходящий камень, я попытался ее оглушить, но только испугал. Она ушла глубже и отплыла от берега. В охотничьем азарте я позабыл о школе и стал следить за рыбой. Через некоторое время она вновь приблизилась к берегу на подходящее расстояние. Вторая попытка тоже не удалась. Так продолжалось несколько раз. Только примерно с десятой попытки, на что ушло около двух часов, мне удалось ее оглушить. Раздевшись, я вытащил добычу из холодной воды и сразу понес ее на биостанцию показать отцу. Оказалось, что у кефали на спине был большой горб, и она очень напоминала горбушу. Травму позвоночника рыба получила, вероятно, еще, когда была мальком. Но, тем не менее, смогла прожить несколько лет и подрасти до приличных размеров. Краткое сообщение с фотографией об этой находке было от-

правлено, кажется, в журнал „Природа“. От родителей я получил записку для учительницы Клавдии Христофоровны, о том, что пропустил уроки по уважительной причине.

В послевоенные годы Карадаг вновь становится заметным центром морской науки в СССР. Сюда в этот период приезжали и многие ученые с мировым именем, например, биохимик А.В. Палладии, биологи академики Е.Н. Павловский, Е.М. Крепе, Л.А. Зенкевич, Б.Е. Быховский, Г.Ф. Гаузе, А.А. Любичев, П.Г. Светлов, Н.С. Гаевская, геологи академик Д.И. Щербаков и член-корреспондент М.В. Муратов, астроном академик В.Г. Фесенков и др. Общение с ними было прекрасной школой для К.А. и других сотрудников КБС. На станции активно работал научный семинар. КБС ежегодно посещали десятки студентов биологов, географов, геологов с преподавателями - известными учеными из ведущих университетов страны.

В проведенных на Карадагской биостанции исследованиях К.А. придавал большое значение роли „Североатлантических элементов“ в фауне беспозвоночных Черного моря (1947), особенностям фауны у открытых берегов Черного моря в районе Карадага и в закрытых бухтах Севастополя, перспективам вселения в Черное море, путем акклиматизации, новых промысловых объектов из Северной Атлантики. К.А. издал сводку о полихетах Черного моря (1949) и обобщил (совместно с К.С. Ткачевой) материалы по биологии рыб Черного моря и их плодовитости, впервые описав преобладание у них многопорционного нереста (1950). Позднее это направление успешно развивалось в ИнБЮМе д.б.н. Лидией Сергеевной Овен. В послевоенный период научный коллектив КБС под руководством К.А. провел многолетние круглогодичные

стационарные исследования прибрежных вод возле Карадага. По мнению многих известных ученых район Карадага в этот период стал одним из наиболее изученных на Черном море. Многолетние биохимические исследования на КБС нашли обобщение в кандидатской диссертации З.А. Виноградовой.

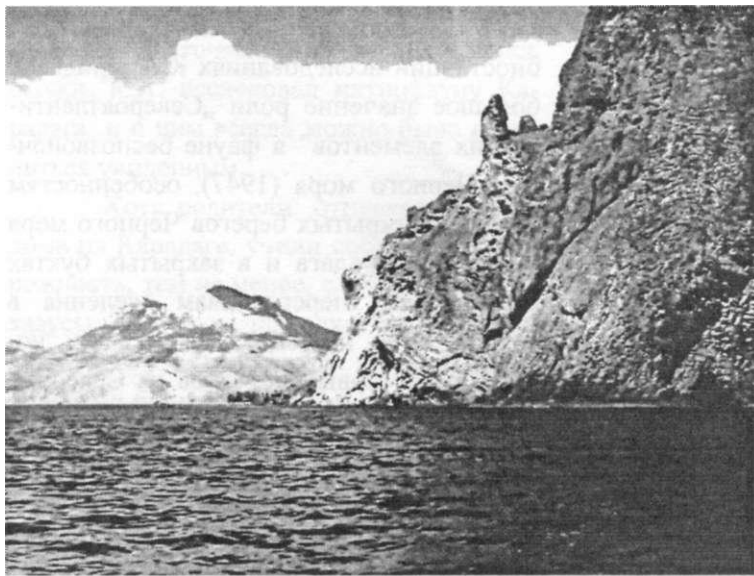
В итоге фаунистических и флористических исследований на Черном море у Карадага Л.А. Прокудиной в 1952 г. был подготовлен „Каталог фауны и флоры Черного моря района Карадагской биологической станции“, включающий 620 названий видов и подвидов животных и 246 названий видов и подвидов растений.

За Карадагский период 1944-1952 гг. у К.А. вышло из печати 26 научных работ.

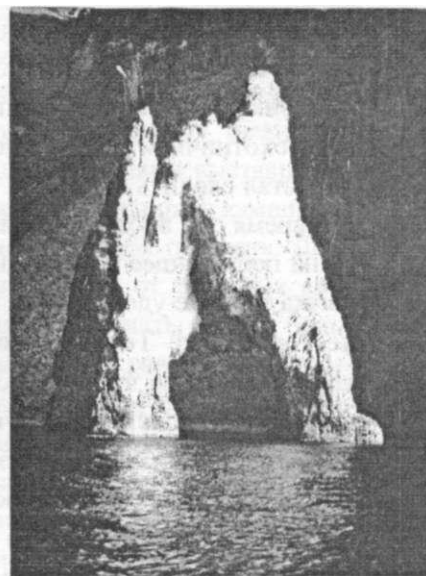
К.А. был довольно мягким человеком, но в принципиальных вопросах он не уступал. Это и стало главной причиной ухода его и большинства научных со-

трудников с КБС в 1952 г. Он не соглашался с планами местных партийных и советских органов о передаче Карадагской биостанции в ведение вновь организованного в 1952 г. в Крыму филиала АН СССР. По его мнению, это значительно понижало статус КБС и ничего хорошего не сулило. Время показало его правоту. Положение было несколько исправлено в июне 1954 г., когда Крымский филиал вместе с КБС был включен в систему АН УССР и в июле 1956 г., когда она вновь была передана в ведение Отделения биологических наук АН УССР. Но это уже совсем другая история.

На небольшом пассажирском корабле „Петродворец“, имея десяток деревянных ящиков багажа и пару чемоданов, К.А. с семьей отплыл из Феодосии в Одессу. С лета 1952 г. перед ним встали совершенно новые задачи и проблемы, но Карадаг в сердце остался навсегда.

Вид на Карадагскую бухту с востока

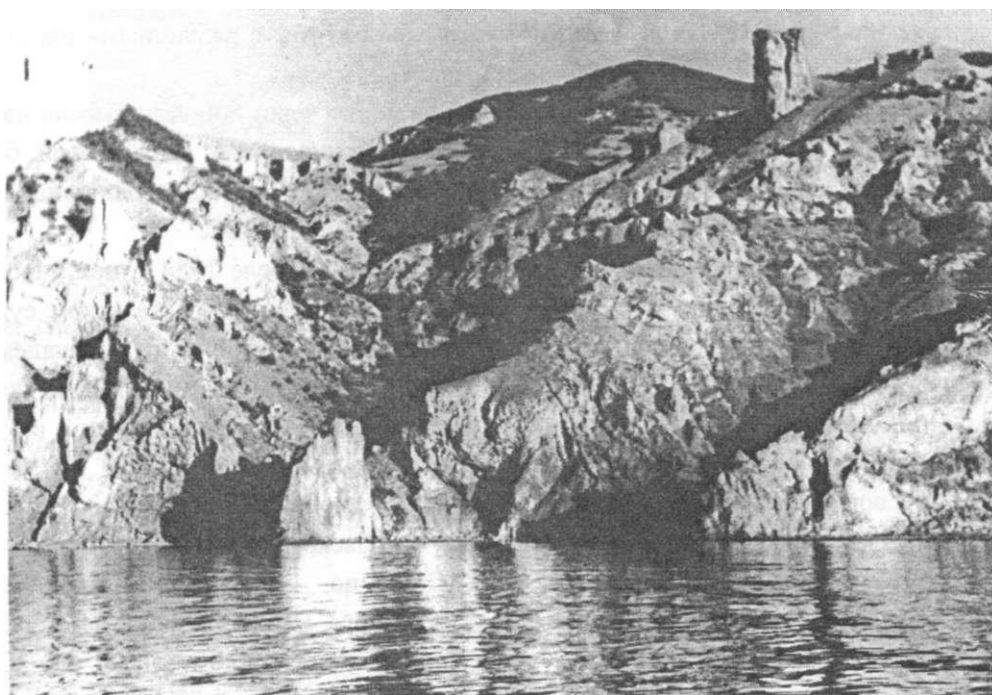
Скала Золотые ворота

Карагач и Карадагская бухта

Сердоликовая бухта

Скалистый берег между Карадагом и Коктебелем

С лета 1952 г. для К.А. начался одесский период жизни. Первым местом проживания в Одессе стал пригород Люстдорф (Веселая деревня по-немецки), как его называли в довоенное время немцы-колонисты. После войны он приобрел новое название - п. Черноморка. Одесситы используют оба названия. К.А. с семьей арендовал две небольшие комнаты в частном доме по адресу пер. Политкаторжан, 5. В Черноморке была семилетняя школа № 115, в которой мы с сестрой могли учиться. На Карадаге такой возможности не было и в школу с пятого класса нужно было ходить в Щебетовку. Это тоже была одна из причин переезда.

К.А., находясь в должности старшего научного сотрудника Института гидробиологии АН УССР, в августе 1952 г. по договоренности с тогдашним директором института членом-корреспондентом АН УССР Я.В. Роллом приступил к организации Одесской биологической станции (ОБС) указанного института. Первоначально она была оформлена как Одесская морская лаборатория. Уже в 1953 г. ею были проведены в небольшом масштабе ихтиофаунистические исследования в Северо-западной части Черного моря.

В 1953-1954 гг. там же в п. Черноморка шло восстановление разрушенного во время войны здания бывшей мельницы, переданного Институту гидробиологии. В доме всего было шесть комнат. В трех небольших комнатах жил К.А. с семьей, а в остальных собственно и размещалась ОБС. Здание располагалось по адресу ул. Ленина (Проспект Свободы), 62. В доме было печное отопление и

холодная вода. Во дворе была большая цистерна для воды, т. к. в летнее время были большие перебои в ее подаче. Удобства также были во дворе. К дому примыкал большой участок земли, на территории которого позже было построено еще одно небольшое Лабораторное здание. На этой же территории было место для стоянки автомашин и дюралюминиевых лодок. Под домом находился подвал, в котором хранились заформалиненные пробы. На свободных участках земли были устроены клумбы с различными цветами, посажены деревья.

Ровно через сорок лет после начала функционирования Карадагской биостанции в 1914 г. начала свою официальную деятельность ОБС.

Уже в апреле 1954 г. при участии К.А. на научно-исследовательском судне Института гидробиологии „Академик Зернов" были проведены первые комплексные экспедиционные работы в этой части моря. „Академик Зернов" представлял собой специально построенное в корпусе Азовско-Черноморского сейнера (АЧС) по чертежам инженера-конструктора Н.А. Соколова на Херсонском судостроительном заводе им. Куйбышева судно длиной 22 м. Он был спущен на воду в 1952 г. Экспедиции ОБС на „Академике Зернове" проводились до 1960 г. К.А. высоко ценил мастерство его капитана А.Е. Перепелкина. Он, как и Н.Н. Зубов, считал „Мозг каждого корабля - на мостике, сердце - в машинном отделении".

К.А. в домашнем кабинете в Черноморке (1955 г.)

В июле 1954 г. ОБС вошла в качестве самостоятельной структурной единицы (на правах отдела) в состав Института гидробиологии АН УССР под руководством К.А. (Постановление Совета Министров УССР от 21 XII 1953 г. за № 2656 О создании ОБС Института гидробиологии АН УССР).

В марте и 1955 г. к станции в качестве ее постоянного опорного пункта в дельте Дуная была присоединена ликвидированная лаборатория приморских водоемов Института гидробиологии.

У К.А. были организаторские способности, и он не боялся ставить большие задачи и перед собой и перед руководимыми им коллективами. Он считал, что ОБС для полноценного проведения исследований должна иметь специальное, а не приспособленное здание. Для выполнения комплексных работ нужен был свой научно-исследовательский корабль. Его инициативы находили понимание как

у местных властей в г. Одессе, так и в Президиуме АН УССР. ОБС стала первым учреждением АН УССР в г. Одессе.

Для строительства здания ОБС был выделен участок на берегу моря в Черноморке по адресу ул. Ленина, 115 (Проспект Свободы, 115). Большую поддержку в развертывании работ ОБС в 50-х годах оказывал К.А. директор Института гидробиологии член-корреспондент АН УССР Яков Владимирович Ролл. С К.А. его связывало еще довоенное знакомство, а в годы эвакуации К.А. работал под его руководством на водоемах Башкирии. Я.В. Ролл часто сам приезжал в Черноморку и присылал, для контроля за строительством, своих замов по административно-хозяйственной части и по научной работе. Несмотря на небольшой рост и пожилой возраст Я.В. Ролл производил внушительное впечатление и был очень энергичным и активным человеком. На ОБС приезжали замы Я.В. Ролла по науч-

ной работе Николай Евгеньевич Сальников, Григорий Леонтьевич Мельничук, Яков Яковлевич Цееб и многие сотрудники Института гидробиологии. Контакты ОБС с Институтом гидробиологии сохранялись и после ее выхода из состава института.

Хотя и с трудностями, но строительство здания ОБС велось и в 1960 г. специально построенный на берегу моря новый двухэтажный лабораторный корпус с башенкой на крыше и с подвальными помещениями вступил в строй. В нем было центральное отопление. На территории в отдельном здании размещались также гараж для автомашин и склад. На фронтоне здания были изображены головы рыб и его так и называли в Черноморске „дом с рыбами“.

В 1960 г. ОБС было приобретено построенное в 1959 г. в г. Петрозаводске в Карелии, более крупное, чем „Академик Зернов“, рыболовное судно типа РС-300, переоборудованное затем для научно-исследовательских целей и получившее название „Миклухо-Маклай“. Это название было дано в память о выдающемся ученом и инициаторе создания морских биологических станций в России Николае Николаевиче Миклухо-Маклае. На Черное море „Миклухо-Маклай“ попал, пройдя по речным путям. Модернизация судна производилась в несколько приемов (в 1961, 1964 и 1967 гг.), на судостроительных заводах в Измаиле и в Ильичевске. Судно имело длину 30 м, ширину 6,6 м, осадку 2,25 м, водоизмещение около 200 т. Одним из лучших капитанов на „Миклухо-Маклае“ был Н. Соловьев.

Интересно, что получению „Миклухо-Маклая“ способствовал Иван Дмитриевич Папанин, с которым К.А. был знаком еще по Ленинграду 30-х годов. И.Д. Папанин был крымчанином, в 1919 г. входил в состав Севастопольского под-

польного ревкома и активно участвовал в подготовке вооруженного восстания, участвовал в Гражданской войне на Украине и в Крыму. У К.А. и Ивана Дмитриевича было много общих знакомых и по армии и по работе в ГГИ. И.Д. Папанин был начальником первой советской дрейфующей станции Северный полюс-1 (СП-1) в 1937-1938 гг. С 1951 г. он в звании контр-адмирала возглавлял Отдел морских экспедиционных работ АН СССР.

В январе 1964 г. ОБС была реорганизована в Одесское отделение вновь созданного на базе трех черноморских биологических станций (Севастопольской, Карадагской и Одесской) Института биологии южных морей им. А.О. Ковалевского АН УССР (ОдоИнБЮМ) с центром в г. Севастополе. Основанием для этого стало Постановление Комитета по координации научно-исследовательских работ Совета Министров СССР от 21 III 1963 г. за № 20 и Постановление Совета Министров УССР от 11 VII 1963 г. № 796.

В составе ОдоИнБЮМ на основе существовавших на ОБС лабораторий первоначально были созданы два отдела института: экологической биогеографии (зав. отд. д.б.н. К.А. Виноградов) и биохимии (зав. отд. д.б.н. З.А. Виноградова). В 1966 г. из отдела экологической биогеографии была выделена лаборатория гипонейстона, реорганизованная в третий отдел ИнБЮМа в составе его Одесского отделения - отдел гипонейстона (зав. отд. д.б.н. Ю.П. Зайцев). Произошло это на основании Постановления Президиума АН УССР от 20 V 1966 г. за № 125.

В 1969 г. в состав ОдоИнБЮМ на основании распоряжения Президиума АН УССР от 09 VII 1969 г. за № 754 была передана Тендровская гидробиологическая база.

В 1970 г. после очередной реорганизации ОдоИнБЮМ становится Одес-

ским филиалом ИнБЮМ (ОфИнБЮМ). К.А. назначается его руководителем и одновременно заместителем директора ИнБЮМ по научной работе. Эти должности он занимал по 1972 г.

Для работы в прибрежной зоне северо-западной части Черного моря на мелководных заливах и лиманах ОБС был приобретен построенный в 1956 г. на судостроительном заводе в г. Жданове (Мариуполь) деревянный мотобот (фелюга) „Лебедь”. Для научно-исследовательских целей он был переоборудован на судовой верфи в Херсоне. По своей конструкции „Лебедь” был идентичен мотоботу КБС „Вяземскому”, на котором К.А. работал еще в довоенное время. „Лебедь” и второй мотобот для Института гидробиологии были приведены на буксире „Академиком Зерновым” летом 1956 г. Важной особенностью „Лебеда” была осадка до 1 м. По пути в Азовское море и обратно проводились научно-исследовательские работы. Особенно трудно было тащить мотоботы на буксире во время шторма. Но все окончилось благополучно. Участником этой экспедиции был и я.

В прибрежных водах исследования ОБС проводились с небольших баркасов „Орион” и „Вега”, дюралюминиевых лодок типа „Казанка” и дюралюминиевых катеров типа „Прогресс” с именами „Биолог” и „Мия”, оснащенных подвесными моторами и ручной лебедкой „Нева”. Иногда применялись также резиновые надувные лодки и машина-амфибия.

К.А. стремился организовать дело таким образом, чтобы сбор материалов в различных районах Черного моря и в других морях осуществлялся сотрудниками ОБС, ОдоИнБЮМ и ОфИнБЮМ и на судах других научных учреждений (АзЧерНИРО, Черноморского отделения Морского гидрофизического института, Гид-

рометслужбы и др.), а также рыболовного и китобойного флота.

По его инициативе с 1954 г. ОБС, ОдоИнБЮМ и ОфИнБЮМ довольно широко использовалась сеть береговых наблюдательных пунктов, располагавшихся, по мере надобности в различных районах северо-западной части Черного моря и за ее пределами (о. Змеиный, Вилково, Бурнас, Черноморка, м. Большой Фонтан, Сычавка, Аджиаск, о. Березань, Тендра, Джарылгач, Скадовск, Хорлы, Черноморское, Евпатория, Алушта, Карадаг, Анапа, Новороссийск и др.). Продолжительность наблюдений на пунктах составляла от 2 до 4 месяцев.

К.А. всячески поддерживал, занимавшие важное место в работе ОБС, ОдоИнБЮМ и ОфИнБЮМ, береговые экспедиционные маршруты, осуществлявшиеся экспедиционными отрядами, как пешком, так и на автомашинах и лодках с подвесным мотором. В некоторых случаях береговые отряды доставлялись в начальный пункт маршрута и снимались с конечного на НИС „Академик Зернов” и „Миклухо-Маклай”.

В 1954-1955 гг. К.А. ввел в практику исследований ОБС аэрометоды гидробиологического обследования приустьевых акваторий северо-западной части Черного моря. Он всячески поддерживал методы подводных исследований с помощью трехболтовых скафандров, аквалангов и другой легководолазной техники. В 50-е годы в подводных исследованиях ОБС активное участие принимали ученик академика В.П. Филатова д.м.н. А.Е. Шевалев, к.т.н. Е.В. Смех, врач-анестезиолог В.В. Ларин. В 1970 г. К.А. был избран почетным членом Одесского подводного клуба ДОСААФ, за активное участие в развитии и популяризации подводного спорта в научных целях.

В 50-х годах погрузка и выгрузка экспедиционного оборудования и людей на НИС „Академик Зернов" производились в Хлебной и Арбузной гаванях Одесского торгового порта. Позже под зданием ОБС был построен причал для швартовки прогулочных катеров, и можно было швартоваться к нему. В конце 60-х и начале 70-х годов НИС „Миклухо-Маклай" стоял у причала в Рыбном порту на Сухом лимане и экспедиции обычно начинались и заканчивались там.

Во время экспедиций на „Академике Зернове" и „Миклухо-Маклае", несмотря на то, что он не имел специального морского образования, К.А. с удовольствием прокладывал на морских картах курс, свободно пользовался специальной штурманской линейкой, транспортиром, штангенциркулем. Делал он это не потому что не доверял капитану. Как я уже отмечал, в детстве он мечтал стать моряком и ему это нравилось. К.А. помнил цвет огней, особенности проблесков разных маяков и их внешний вид, знал запретные квадраты и мог достаточно точно рассчитывать время прихода на следующую станцию или в порт.

За годы работы в Одессе он руководил и был участником более чем 20 морских экспедиций. К ним он готовился с большим удовольствием и с нетерпением ждал срока их наступления. Экспедиционные трудности его не пугали, и к ним он относился философски. Свидетелем некоторых не совсем обычных ситуаций был и я.

В 1955 г. на Сиваш и Молочный лиман ОБС были проведены несколько экспедиций. В одной из них участвовал и я, выполняя обязанности экспедиционного лаборанта. В экспедиции я должен был помогать собирать и промывать пробы зообентоса К.А., а также лить воду из ведра через планктонную сеть, как гово-

рили „на мельницу" фитопланктонисту Александру Ивановичу Иванову. Это были пробы фитопланктона для А.И. Иванова и зоопланктона для Л.Г. Коваль.

Сейчас я понимаю, что не многие теперешние профессора и доктора наук согласились бы работать в таких условиях, в каких работал К.А. Экспедиция была совместной с Институтом гидробиологии. Руководил ею крупный ученый гидрохимик доктор географических наук А.М. Алмазов. Из Киева, из Института гидробиологии в Черноморку пришла грузовая машина с небольшой будкой. В машину погрузили необходимое оборудование и снаряжение и в составе К.А., старшего научного сотрудника А.И. Иванова и меня с.к.п. (старшего куда пошлют) выехали в г. Херсон. Там на рыбохозяйственной станции нас поджидали другие члены экспедиции из Киева. Кроме А.М. Алмазова были биохимик Т.И. Биргер и гидробиолог А.Я. Маляревская. К.А. их давно и хорошо знал. Из Херсона отправились в г. Геническ. Там уже были наготове большой тяжелый рыбацкий баркас с одной парой весел и маленький катерок со стационарным мотором, который должен был тащить на буксире баркас. Такие баркасы назывались там „калабухами", а в районе Дуная - „магунами".

Темой для многих шуток во время экспедиции была конструкция туалетов в районе г. Геническа. Из-за дефицита дерева сооружения состояли из четырех кольев высотой порядка 1 м и сплетенного из камыша или тростника мата, привязанного к кольям проволокой и запахивавшегося как халат вместо двери. Голова торчала над необычным сооружением и проходящие мимо знакомые весело здоровались, высказывая всякие пожелания. Берега Сиваша и Молочного лимана, как правило, очень низкие, плоские, без всяких укрытий. Чтобы оказаться в одиноче-

стве нужно уйти за горизонт. Вот тогда А.М. Алмазов и К.А., высказали идею, возить с собой столь удачную конструк-

цию, включив ее в перечень специального экспедиционного оборудования.

Пешком по Сивашу. К.А. у кормы

Работы на Сиваше и Молочном лимане велись по одной схеме. Утром с автомашины снималось и грузилось на лодку все необходимое на один день, включая питьевую воду и еду на один прием. Автомашина отправлялась на место оговоренной встречи, а участники экспедиции проводили работы на воде. В полевом дневнике К.А. за 1955 г. отмечено, что „20 июля начали работы в проливе Тонкий. На следующий день вошли в Ворота Северного Сиваша. Дул шквальный ветер с ССВ румбов и весь Сиваш был в белых бурунах. Работали в районе Семёновского кута". Мне запомнились Генкут и о. Папанина. 21 июля, когда мы находились на расстоянии свыше 3 км от берега, мотор на катере сломался и починить его

не удалось. Хотя Сиваш и мелководен, но мы очутились над глубинами более двух метров. Тяжелую лодку и катер буквально по сантиметру пришлось с помощью пары весел вести к берегу. Пока к 21 часу добрались на мелководье, наступили сумерки. Все измученные участники экспедиции были в трусах или купальниках и разных головных уборах. Только у моториста к счастью были с собой брюки и рубашка. Ни обуви, ни одежды. Во время экспедиций карты полевой дневник и документы К.А. обычно хранил в полевой сумке, которая всегда была при нем. Так что хоть и голые, но мы имели паспорта и другие документы, удостоверяющие нашу личность. Почти всю еду съели еще в первой половине дня. В наличии, правда,

оставалась почти целая булка хлеба и банка кабачковой икры. Как же это было вкусно. Моторист с катера сразу же пошел к видневшейся вдали дороге Москва-Симферополь и на попутной машине поехал за нужной деталью в Геническ. Возле места высадки недалеко от Чонгарского моста находилось поле колхоза „Путь к коммунизму" с убранный пшеницей, но солома была сложена в небольшие копны. В них и пришлось ночевать, выбрав по вкусу подходящую. Утром с торчащей из волос соломой, покусанные комарами и еще какими-то насекомыми, голодные дождались нашу автомашину. Водитель понял, что что-то случилось, но не знал где мы и поэтому медленно ехал, обсле-дуя берег. В 8 ч. 30 мин. он нас нашел. Пока готовили завтрак и ели, моторист с деталью вернулся, быстро ее поставил, и экспедиция продолжилась. Два профессо-ра и доктора наук А.М. Алмазов и К.А. не бурчали и не сокрушались о случившем-ся.

Второе приключение было свя-занно с учебным бомбометанием по полу-затопленным кораблям-мишеням в рай-оне Арабатской стрелки. Самолеты бук-вально над нашими головами снижались, заходя для бомбометания. Взрывы бомб и фонтаны воды выглядели впечатляюще, как в кино.

В Сиваше нам удалось наблюдать, как в мягком илисто-песчаном грунте бычки песочники приспособились делать гнезда для нереста в виде вертикальных нор. Для К.А., как ихтиолога, это было интересно. Местные жители, найдя нору с бычком, закрывали ее пяткой и затем ру-кой извлекали бычка. Я тоже испытал этот метод, поймав несколько штук, для научных целей. 26 июля начали работы в Молочном лимане, часть их провели с р/т „Сима". Молочный лиман отличался от Сиваша разнообразием биоты, ихтиофау-

ной и зообентосом. Он произвел сильное впечатление живописностью своей вер-шинной части. Одна из ночевок была в районе Алтагирских пионерских лагерей. Каменистые высокие берега и сосновый лес были неожиданными среди степи. У берегов в лимане было очень много ате-рины, называемой здесь „шершавкой". Вообще в Молочном лимане на разных его участках вылавливалось рыбаками большое количество кефали и камбалы глоссы. Представители ихтиофауны по-пали к нам в жестяной „фоб" с формали-ном. 28 июля побывали в устье реки Мо-лочной.

Еще одно приключение ожидало нас на обратном пути. В 17 ч. 30 мин. 29 июля выехали из Геническа в Херсон. Ночью подъехали к ложу Каховского во-дохранилища, через которое шла дорога. Оказалось, что пока мы были в экспеди-ции, началось его заполнение. По обеим сторонам дороги блестела вода, в некото-рых местах она переливалась через доро-гу. Отдельные машины, съехав в кювет, стояли в воде. Возле них копошились по-сланные на помощь солдаты, пытаясь их вытащить. Мы же, лежа в кузове, смотре-ли на все сверху, а над нами было бездон-ное звездное небо. Даже слышавшийся со всех сторон мат не мог испортить карти-ну. В Херсоне мы были в 3 часа ночи, 30 июня. В Одессу добрались благополучно к утру. К.А. и А.И. Иванов потом часто вспоминали эту экспедицию. Ее материа-лы вошли в более чем десяток научных статей.

Многие люди по разному перено-сят качку на лодке, на маленьком кораб-лике, вроде „Академика Зернова" или „Миклухо-Маклая", и на большом судне. К.А. не укачивался ни в лодке, ни на су-дах разных размеров. Попад после дли-тельного перерыва на корабль и ночуя в кубрике или каюте, он, как и болынинст-

во, в начале с трудом засыпал из-за шума работающего двигателя. Но, через несколько дней, он уже просыпался от любого изменения в его работе, реагируя на увеличение или уменьшение скорости хода или смену курса. К.А. даже нравились эти ощущения. Веселила его, и реакция организма на смену палубы на твердую сушу. Сойдя на берег, еще несколько дней испытывал ощущения, что земля под ногами как бы качается, а сон не приходит из-за отсутствия привычного стука или гудения двигателя. Это были сбывшиеся детские мечты.

Во время экспедиций на „Академике Зернове“ случались и забавные ситуации. Как-то в начале перехода с одной станции на другую, на палубу вышел кок с ведром, в котором находились алюминиевые ложки и вилки всех членов экспедиции и экипажа, чтобы сполоснуть их морской водой. Потом, задумчиво глядя куда-то в даль, взял и механически выплеснул все за борт. Все, кто это видел, буквально опешили. Ложки и вилки, напоминая каких-то необычных рыб, виляя в воде, пошли на дно. Пока что-либо сообразили, было поздно. Глубина свыше 30 м. Позже шутили, что есть рыбы морские иглы, а нам довелось видеть целую стаю морских ложек и вилок. Несколько дней есть приходилось, чем придется. Даже створками мидий. Правда у К.А. оказался в запасе туристический комплект со складным ножом, ложкой и вилок. Потом мы зашли в Дунай и поднялись в Вилково. В районе рыбозавода, за неимением лучшего варианта пришвартовались носом к дереву. На берег опустили сходню, К.А. выдал коку деньги и тот помчался покупать ложки и хлеб.

Летние экспедиции 1955-1957 гг. на „Академике Зернове“ под руководством К.А. мне запомнились большим количеством дельфинов, в основном,

афалин и белобочек. Вдруг далеко в открытом море в зоне видимости, не известно откуда, появлялось множество хаотично выныривающих и выпрыгивающих из воды блестящих на солнце черных тел. Некоторым из них, высоко выпрыгнув из воды, нравилось потом падать в воду плашмя, поднимая тучи брызг. Казалось, что они просто дурачатся. Отдельные группы синхронно и сосредоточенно, как по команде, ныряли и выныривали. Приблизившись к судну, часть из них пристраивалась к носу и как своеобразный эскорт сопровождала нас, поочередно меняясь местами. Возникало ощущение, что они хитро поглядывают, скосив глаз, на стоящих на носу людей. Как только ход приостанавливался для проведения работ на очередной станции, дельфины теряли к нам интерес и, напоминая огромную веселую толпу, устремлялись куда-то вдаль по своим неотложным дельфиньим делам.

Иногда вдали от ближайшего берега над водой появлялись бесчисленные стаи малых морских буреветников, называемых рыбаками - хамсаедами. Стаи сливались в единый, объединенный общей целью, поток, охватывающий большую часть стороны горизонта. Внезапно появившись, они так же внезапно, через несколько часов, полностью исчезали. Куда и зачем они летели, можно было только догадываться. Такие случаи скопления дельфинов и птиц всегда привлекали внимание К.А. Это были видимые простым глазом „потоки живого вещества“. Он в полевом дневнике производил какие-то записи и делал подсчеты.

С борта „Академика Зернова“ мы наблюдали, как серебряная поверхность воды разрезается стальным носом, а вверх взлетают блестящие в лунном свете золотистые струи и брызги. Картину ночного свечения воды передать словами очень

трудно. У К.А. дома была книга, посвященная свечению моря, написанная его коллегой по Тихоокеанской экспедиции Н.И. Тарасовым. К.А. стремился определять какие же организмы вызывают то или иное свечение.

Случалось, по вечерам, после окончания работ и ужина К.А. рассказывал о работе на Дальнем Востоке и в Ленинграде, о своих встречах с интересными людьми в Гражданскую войну. Он не только сам рассказывал, но и внимательно слушал других. Запомнились воспоминания океанолога Владимира Сергеевича Большакова об обороне Ленинграда, о боях на крошечном плацдарме Невская Дубровка, где на каждого защитника немцы сбрасывали десятки бомб и снарядов, но взять так и не смогли. В экспедиции я услышал рассказ очевидца о Северных конвоях, перевозивших в войну грузы из США и Англии в Мурманск и Архангельск. Как немецкие подводные лодки и самолеты охотились за ними. С Леонидом Дмитриевичем Козунитием - потомственным рыбаком с греческими корнями, мы по очереди крутили ручку лебедки, поднимая и опуская дночерпатель, драгу, связку батометров или планктонную сеть.

Как-то, у входа в Каркинитский залив, драгой удалось поймать почти полное ведро не таких уж редких тогда устриц. Часть пошла на научные цели, но и осталось много. Находившийся на борту профессор Иван Иванович Пузанов стал объяснять, какой это ценный продукт, как он котируется в Западной Европе, и как следует устриц правильно есть, приправляя лимонным соком или специальным соусом. Поскольку ни того, ни другого на борту не было, то пришлось ограничиваться щепоткой соли. Иван Иванович, не поморщившись, съел с дюжину устриц, ловко открывая их перо-

чинным ножом. Остальные, включая и К.А., решились съесть на пробу по одной-две устрицы. Никто кроме бентолога Валентина Александровича Сальского, не сказал, что это вкусно. Видимо, это дело привычки.

Несмотря на довольно напряженный режим работы на НИС „Академик Зернов" находилось время и для шуток и для песен. У К.А. у самого было развито чувство юмора, он любил и ценил остроумие, каламбуры и шутки. Особенно весело было по вечерам. Очень хорошо пели Александр Иванович Иванов и Валентин Александрович Сальский. У Александра Ивановича был поставленный лирический тенор, а Валентин Александрович пел приятным баритоном. Александр Иванович отдавал предпочтение классическому репертуару, а Валентин Александрович мог часами петь песни из кинофильмов и популярные эстрадные шлягеры. Зоопланктонист Лидия Георгиевна Коваль приятным голосом вела женские партии. К.А. и другие участники экспедиции, кто как мог, подпевали. Часто пели и украинские песни, совсем не думая, что в этом проявляется какой-то особый патриотизм. Шелест воды и лунная дорожка на ней тоже создавали особую атмосферу.

Хотя во время экспедиций был сухой закон, помню, как уже в самом конце, за пару дней до захода в Одессу, у кого-то был день рождения. Перед этим нам вдвоем с Валентином Александровичем удалось поймать на „самодуры" почти восемьсот штук скумбрии. Работая раньше в Одесском зоопарке заместителем директора по научной части, Валентин Александрович запасся большим количеством разноцветных перьев экзотических птиц и крючки с перьями для „самодура" он вязал как профессионал. Вот с этими снастями К.А., как начальник экс-

педиции, и разрешил нам половить со шлюпки, находившейся на буксире во время перехода к очередной станции. Клев был такой, что на всех одиннадцати крючках рыба сидела уже через несколько секунд, после того, как тяжелое грузило касалось воды. Казалось, что снасть бьет сильная дрожь. Обычно скумбрия в основном шла „на платанку” то есть потрошилась, солилась и вялилась на солнце. В этот раз значительная часть улова была зажарена и пошла на общий стол на

радость именинника. При свете луны и слабой лампочки все во главе с К.А. расселись на длинных скамьях на палубе вокруг стола. В центре был поставлен штатив с пробирками объемом 20-25 см³. Это и были рюмки или бокалы, как кому хотелось. У именинника предусмотрительно оказалось две бутылки красного вина. К.А. произнес соответствующий моменту шугливый тост. Торжество растянулось на несколько часов, никто не хотел идти спать.

Сидят в первом ряду справа К.А., Л.Д. Каминская, З.А. Виноградова, И.И. Пузанов. Стоят во втором ряду справа В.А. Сальский, М.А. Розенгурт. (На борту НИС „Академик Зернов”)

Иногда в аналогичных случаях в экспедиционных условиях стаканы и бокалы заменялись известными всем морским биологам плевательницами. Тем более что на них уже на заводе были нанесены черточ-

ки, указывающие объем. И они всегда были под рукой.

Уже упоминавшийся Валентин Александрович Сальский был участником многих морских и береговых экспедиций. Он прекрасно ловил рыбу разными крюч-

ковыми снастями и все, включая и К.А., признавали его ассом. Но особенно он любил шокировать окружающих тем, что, оторвав кусок мяса от хвоста к голове у ставриды или другой, только что пойманной рыбы, он сразу же, отправлял его в рот, даже не поморщившись. Во время береговых экспедиций в мелководные заливы или на лиманы В.А. Сальский вел за собой на буксире жестяное корыто, в которое складывал пробы. Это действительно было удобно. Мы же, молодые сотрудники, решили над ним подшутить и на боках корыта, как на бортах корабля, написали белой краской название „Академик Сальский“, а на корме - порт приписки Одесса. В то время нам часто попадалось в северо-западной части Черного моря НИС „Академик Сельский“. Валентин Александрович тоже развеселился, вполне оценив ситуацию. В истории ОБС В.А. Сальский сыграл большую роль, курируя строительство Лабораторного корпуса по адресу Проспект Свободы, 115.

К.А., А.И. Иванов и В.А. Сальский на борту
НИС „Академик Зернов“

Об изложенных выше случаях я рассказал для того, что бы была понятна атмосфера, царившая в экспедициях, в тот период.

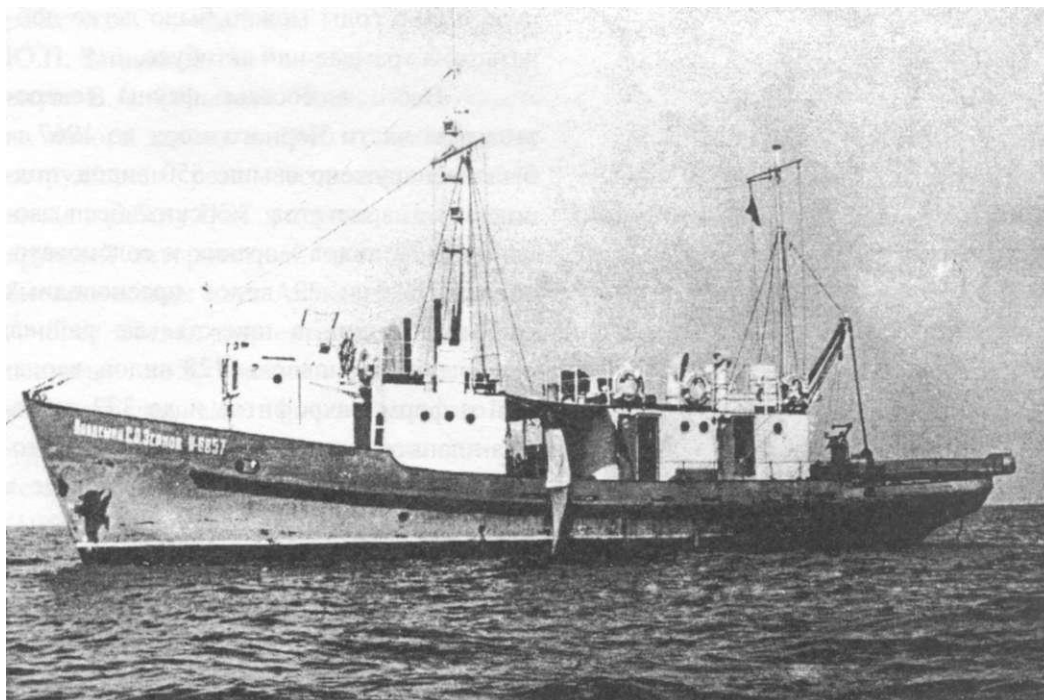
К.А. всячески поддерживал инициативу молодых сотрудников при проведении береговых экспедиций. Если на судне количество мест всегда было ограничено, то в береговых экспедициях могло принимать участие гораздо большее количество людей. Иногда работы велись одновременно на трех разных лиманах или участках морского побережья. На складе имелись палатки, спальные мешки, молочные алюминиевые бидоны для воды, канистры для горючего, кастрюли, ведра и другое необходимое снаряжение. Для того, что бы лодки и катера и их двигатели были готовы к экспедиционным работам, нужно было прикладывать немалые усилия. Много для этого делали молодые в 60-х - 70-х годах научные сотрудники А.С. Марченко и Ю.Н. Макаров. Регулярно участвовали в таких экспедициях М.Я. Савчук, Ю.П. Бегань и автор этих строк.

В конце шестидесятых и начале семидесятых годов большим энтузиастом береговых экспедиций ОдоИнБЮМ был водитель автомашины А. Бондаренко. Благодаря его умению и знаниям удалось выходить из сложных ситуаций и выполнять поставленные задачи.

Чаше всего снаряжение, оборудование и члены береговой экспедиции на автомашине с лодкой в кузове или на специальном прицепе доставлялись на берег моря или лимана. Там обустраивался стационарный лагерь, устанавливались палатки и начинались работы. Съёмки продолжались обычно до двух недель. Практика показала, что этого времени достаточно, чтобы детально исследовать ситуацию в водоеме. К.А. считал такую схему работ оптимальной по затратам де-

нежных и материальных ресурсов и использовал ее еще на Камчатке. Обработка проб, как правило, проводилась в зимний

период, когда экспедиционная активность спадала.

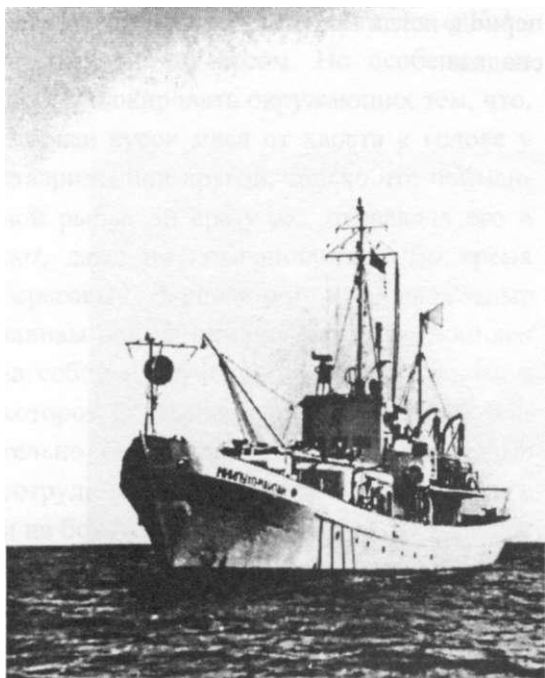

НИС „Академик Зернов”

К.А. отмечал важность всех проведенных морских экспедиций, но особенно он выделял некоторые. Летом 1962 г. (17 июня - 20 августа) на НИС „Миклухо-Маклай” была проведена комплексная морская экспедиция на трех южных морях СССР - Черном, Азовском, Каспийском. Пришлось пройти через Дон, Цимлянское водохранилище, Волго-Донской канал, по Волге. Впервые в течение одного сезона на одном и том же судне, силами одного и того же коллектива, одними и теми же приборами, методами и приемами были исследованы три моря. Следует отметить, что экспедиция в Каспий не нашла поддержки у академического начальства. К.А. получил за нее выговор, но он считал, что научные результаты стоят этого. В 1969 и 1970 гг. он возглавлял экспедиционные работы на НИС „Миклухо-Маклай” в западной по-

ловине Черного моря с базированием на заграничные порты (Бургас и Варна в Болгарии, Констанца в Румынии). В 1972 г. он руководил экспедицией на „Миклухо-Маклае” в Средиземное море (Тунисский пролив, Тирренское и Лигурийское моря, Мессинский пролив, Критское, Эгейское, Мраморное моря). Для маленького корабля это было серьезное испытание.

Во время заходов в зарубежные порты К.А. заранее планировал и стремился налаживать контакты с зарубежными коллегами из родственных морских учреждений. В те годы особенно тесные отношения сложились со специалистами из Болгарии и Румынии. Позже аналогичные связи установились с турецкими учеными и учеными из разных стран в бассейне Средиземного моря.

НИС „Миклухо-Маклай”

В 60-х и начале 70-х годов при проведении морских исследований К.А. уделял большое внимание развитию концепции „контактных зон” моря и роли подводных каньонов в функционировании морских экосистем.

Близость ОБС к морю позволяла проводить еженедельный отбор проб воды, фито- и зоопланктона на так называемой рейдовой точке с лодки. По этой же причине регулярный сбор материалов осуществлялся в прибрежной зоне с ран-

ней весны до поздней осени на участке морского берега от м. Большой Фонтан до Сухого лимана. Регулярные исследования проводились и в самом Сухом лимане, куда в 60-е годы можно было легко добраться на трамвае или автобусе.

Всего в составе фауны северо-западной части Черного моря до 1967 г. было обнаружено свыше 550 видов, подвидов и вариететов морских беспозвоночных, 98 видов морских и солоноватоводных рыб и 29 видов пресноводных рыб выходящих в приустьевые районы рек. Были установлены 128 видов, вариаций и форм макрофитов и до 372 таксонов планктонных водорослей среди которых до 52% составляли пресноводные и пресноводно-солоноватоводные.

К.А. стремился к тому, чтобы в коллективе были не просто нормальные формальные отношения, а дружеские. Он старался вникать в личные проблемы сотрудников, оказывая поддержку в их решении. Учитывая удаленность от города и проблемы с транспортом, он разрешал сотрудникам по уважительной причине работать дома, выполняя четкое задание. Главным в работе были научные результаты. К.А. всячески поощрял научную инициативу не только научных сотрудников по должности, но и инженеров и лаборантов.

Вид на здание ОБС с моря

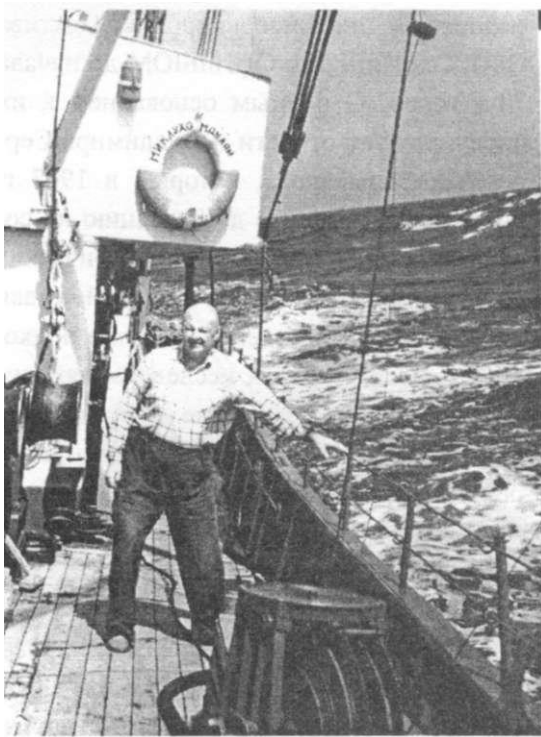
Вид на здание ОБС с суши зимой

В 1955 г. в составе ОБС работали два научных сотрудника (З.А. Виноградова и А.И. Иванов), лаборант Л.Г. Коваль и аспирант Г.В. Досовская. С 1956 г. начал работать научным сотрудником Ю.П. Зайцев. В 1957 г. в коллективе появился В.А. Сальский. После строительства нового здания в 1960 г. численность сотрудников резко возросла. Большой вклад в работу ОБС в первые годы вносил крупный авторитетный ихтиолог доктор биологических наук Александр Иванович Амброз. Позже коллектив постоянно пополнялся собственными „остепененными“ сотрудниками. Происходило это как через аспирантуру, так и через соискательство. За время существования ОБС (1954-1963 гг.) докторскую диссертацию защитила З.А. Виноградова (1958), кандидатские диссертации по биологическим специальностям защитили А.И. Иванов (1954), Г.В. Досовская (1956), В.А. Сальский (1959), В.П. Закутский (1962), А.Л. Драголи (1963), Г.К. Яценко (1963). После организации в 1964 г. ОдоИнБЮМ диссертации по биологическим наукам защитили: докторскую Ю.П. Зайцев (1964), кандидатские - Л.Г. Коваль (1964), В.И. Пинчук (1965), Р.П. Кандюк (1966), Т.А. Петкевич (1966), А.К. Мигаль (1966), Л.Д. Каминская (1966), Л.М. Зелезинская (1966), А.В. Цыбань (1967), И.А. Степанюк (1967), В.В. Денисенко (1967), Э.Ф. Костылев (1967), Г.М. Коган (1967), Т.И. Еременко (1968), Нгуен Ким Хунг (1968), А.К. Виноградов (1970). В ОфИнБЮМ кандидатские диссертации по биологическим специальностям защитили: Л.Н. Полищук (1972) и М.Я. Савчук (1972). Также были защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук Д.М. Толмазин (1965) и кандидата географических наук И.А. Правоторов (1966).

Упомянутые выше сотрудники и составляли научное ядро коллектива ОБС, ОдоИнБЮМ, ОфИнБЮМ до начала 70-х годов. С полным основанием к их числу следует отнести и Владимира Сергеевича Большакова, который в 1967 г. подготовил к защите диссертацию на соискание степени доктора географических наук, но защитить ее не успел, война так и догнала его. Оригинальные идеи и подходы развивали в своих исследованиях еще не защитившиеся, но уже сформировавшиеся научные сотрудники: Д.А. Нестерова, В.И. Лисовская, О.И. Морозовская, Ю.Н. Макаров, Н.Г. Теплинская, В.К. Головенко и другие.

С первых лет возникновения ОБС она становится местом проведения практики студентов биологов Одесского, Кишиневского, Киевского и ряда других университетов. На ОБС, в ОдоИнБЮМ и ОфИнБЮМ работали студенты-дипломанты и аспиранты, как из СССР, так и из-за рубежа. За период до 1972 г. их число превысило 100 человек. В экспедиционных работах практические навыки полевых исследований получили студенты многих вузов. Так в списке участников только одного рейса на НИС „Миклухо-Маклай“, проводившегося в период с 30 июля по 24 августа 1967 г., упоминаются студентка Ужгородского университета Н.В. Грекова, студент Одесского университета Н.Ф. Павлюк, курсант ЛВИМУ им. адмирала Макарова В.Ф. Неупокоев.

ОБС посещали многие отечественные и зарубежные исследователи. В гостях у К.А. в Черноморке бывали академики Р.В. Чаговец, О.С. Вялов, А.П. Маркевич и др. Несколько раз в гостях у К.А. в Черноморке бывал очень известный гидробиолог профессор Владимир Иванович Жадин. Он, как и К.А., в годы

К.А. на борту НИС „Миклухо-Маклай“

Гражданской войны был красноармейцем и кроме всяких гидробиологических тем и ленинградских дел им было что вспомнить. Приезжали в Черноморку к К.А. и такие выдающиеся гидробиологи как Лев Александрович Зенкевич и Вениамин Григорьевич Богоров. Среди зарубежных гостей наиболее частыми были коллеги из Болгарии и Румынии. Среди них члены-корреспонденты Академии Наук СРР М. Бэеску, Л. Рудеску и Т. Бушницэ (Бухарест), член-корреспондент Академии Наук НРБ А. Вълканов (София), профессор С. Кэрэушу (Яссы), а также профессора Раймон Вессьер (Монако), Х. Касперс (Гамбург), Ф. Барт (Бонн), П. Миллер (Глазго), М.М. Магос (Канада), Сан-эль-Зарка (Александрия) и другие.

Десятки лет на Камчатке, на Карадаге и в Черноморке работа была для К.А. домом, а дом - работой. Он по сути дела жил на работе. Режим труда К.А. был не совсем обычным. Днем он, как правило, занимался текущими делами, а

К.А. и Я.В. Ролл

после ужина часов в 9-10 вечера садился за письменный стол и работал. Ночные бдения продолжались до 2-3 часов ночи, а случалось и до утра. В 8-9 часов утра начинался новый рабочий день.

Для отдыха и смены вида деятельности дома после работы К.А. с удовольствием читал научно-популярные журналы „Вокруг света“, „Наука и жизнь“ и др. Нравился ему и журналы „Огонек“. В „Науке и жизни“ и в „Огоньке“ печатались также интересные кроссворды, которые он стремился разгадать полностью. Редко оставалось какое-нибудь неразгаданное слово. Любил К.А. так же читать „Литературную газету“, „Иностранную литературу“ и некоторые толстые литературные журналы.

Способность ценить красоту, видимо, была заложена у К.А. родителями еще с детства. Он любил не только красоту природы, но и живопись, архитектуру, музыку и пение. Дома был патефон с большой подборкой пластинок с оперной

К.А., И.А. Степанюк и вьетнамские стажеры

музыкой. Особенно он любил слушать русскую и итальянскую оперу.

Первые в Одессе зимы 1953-1955 гг. были холодными и снежными. Трамвайные пути в Черноморку так заметало, что трамвай шел в снежном туннеле. У К.А. появилась возможность не только самому походить на лыжах, но и научить меня. Это пригодилось мне в дальнейшем в Кодрах, на Карпатах, на Приполярном Урале. Поскольку отопление в доме было печное К.А. с большим удовольствием рубил дрова.

Вообще жизнь в пятидесятых годах в Черноморке носила сельский характер. Были длиннющие очереди за хлебом и молоком. По улицам ездила машина с бочкой керосина, на громкий звон колокольчика которой собирались люди. Появлялась на улице и подвода со сборщиком утиля, который детям в обмен на тряпки, кости или металл предлагал различные глиняные свистки и свирели.

Жители Черноморки пищу зимой обычно готовили на плите, а летом на примусе или керогазе. Когда был период варки абрикосового варенья над Черноморкой стоял удивительный аромат. Весной же вся Черноморка была в цвету, в каждом дворе были цветущие деревья.

Культурным центром Черноморки было здание бывшей Кирхи в котором размещался Дом культуры колхоза им. Карла Либкнехта, где по вечерам можно было посмотреть кино. Был в Черноморке и рыболовецкий колхоз им. Лейтенанта Шмидта. С руководством обоих колхозов К.А. сотрудничал по различным вопросам, а одно время даже состоял в партийной организации рыбколхоза.

С городом Одессой Черноморка была связана трамвайным маршрутом № 29 на который обычно направлялись самые старые в городе вагоны. После часа езды, если не случалось поломки, можно было оказаться в районе Одесского же-

лезнодорожного вокзала и знаменитого Привоза.

В летние месяцы население Черноморки возрастало, по меньшей мере, в два раза за счет организованных отдыхающих и „дикарей“. Черноморка считалась курортным местом. Сюда ездили отдыхать из Ленинграда, Москвы и других крупных городов всего Союза. Плечи здесь имели ширину до 30-40 метров. На них был крупнозернистый желтоватый песок.

В гостях у К.А. в Черноморке бывали разные неординарные люди. В 50-х годах его посещал несколько раз такой легендарный в прошлом в Одессе человек как Генрих Владимирович Бейзерт. По национальности он был норвежцем. Во многом благодаря его стараниям при Одесском университете в Лузановке была создана гидробиологическая станция. Работал он и директором Одесского зоопарка. Он не был ученым, но в нем кипела инициатива. Это был очень предприимчивый человек оптимистического склада. Как считал профессор Ф.С. Замриборщ, Г.В. Бейзерт вполне мог бы быть прототипом знаменитого Остапа Бендера. В 50-х годах им вынашивалась идея переноса Одесского зоопарка в Черноморку, создания в прилегающих балках специальных водоемов, а на склонах - ландшафтных экспозиций, морского аквариума и пр. Тогда это выглядело достаточно фантастично. Ему было уже за семьдесят, когда у него родился ребенок. И вот с этим малышом он в скрипучем трамвае ездил в Черноморку, чтобы обсудить с К.А. некоторые интересовавшие его проблемы. Генрих Владимирович очень хорошо знал академика Д.К. Третьякова еще в годы его работы в Одесском университете и они вместе с К.А. очень тепло вспоминали о нем. Мне кажется, что К.А. с Г.В. Бейзертом познакомил И.И. Пузанов. Интерес-

но, что даже внешне они чем-то напоминали друг друга.

К слову, идея строительства морского аквариума в Одессе в 50-х - 60-х годах 20 века поднималась неоднократно. Поскольку ближайший из известных и наиболее доступных демонстрационных аквариумов находился в г. Варна, но достоверных сведений о нем было мало, то К.А. был командирован туда для ознакомления. К.А. добрался в Варну на грузовом судне „Тула“. Он был включен в судовую роль в качестве четвертого помощника капитана. Способствовал этому тогдашний начальник Черноморского морского пароходства А.Е. Данченко. Аквариум не произвел впечатления, т. к. мало отличался от Севастопольского. В качестве образца использовать его не было смысла. Проект строительства морского аквариума (океанариума) в тот период так и не был доведен до стадии реализации. Хотя в 1958 г. К.А. подготовил на основании американского опыта перечень требований по конструкции, содержанию и управлению демонстрационным морским аквариумом (океанариумом). Одесские городские и областные власти понимали полезность строительства такого объекта, но не было денег.

Прорабом на строительстве Лабораторного корпуса ОБС был очень интересный человек, как тогда говорили, товарищ Фабрикант. Звучало забавно. Помню, он много рассказывал К.А. о караимах, т. к. сам был представителем этого малочисленного народа с многовековой историей связанной с Крымом. Идея строительства морского аквариума увлекала и его.

В конце 50-х годов приезжал в Черноморку к К.А. и капитан-директор китобойной флотилии „Слава“ А.Н. Соляник. Он показывал новенький аква-

ланг, маску и ласты, привезенные из Франции. Тогда это была диковинка.

В Черноморке К.А. поддерживал связь не только с рыбаками местного рыбколхоза, но и с рыбаками любителями. Для рыбаков колхоза он читал лекции на разные морские темы, выходил по утрам вместе с ними в море на так называемую „подрезку“ ставника, т. е. ставного невода. В Черноморке обычно выставлялось их два, и они стояли с весны до осенне-зимних штормов. Рыбаки поднимали нижнюю часть невода в ловушке называемой „котлом“ и большими сачками вычерпывали рыбу либо в плетеные корзины, либо в ящики, либо в специальный отсек баркаса. Сразу на месте можно было определить объем улова, видовой и размерный состав рыб, состояние половых продуктов. Редкие и необычные рыбы так же сразу попадали в коллекцию ОБС.

В начале 50-х годов Черноморка была в значительной степени рыбацким населенным пунктом. Рыбу ловили не только с помощью рыбацких сетей и ставных неводов, но и с помощью различных удочек с лодок и берега. Рано утром большую часть пассажиров 29-го трамвая составляли рыбаки. Среди них выделялась особая прослойка рыбаков-дедов. Это были люди в возрасте 70-80 лет, многие инвалиды. Зачастую они имели очень экстравагантный вид. Даже летом некоторые из них приезжали в старых шинелях или суконных пальто. В одной руке они несли специальный деревянный сундучок для еды, наживки, улова и всякого снаряжения к удочкам (леска, поплавки, грузила, крючки и пр.). На сундучке можно было сидеть. В другой руке они держали по несколько разобранных на составные части бамбуковых удочек. С помощью трубок они быстро собирались в удилища длиной до 5-6 м. Поплавки на

удочках были обычно из пробки и удивляли своей величиной (до 20-25 см). Эти деды ловко забрасывали удочки с грузилами весом 100-150 г на 40-50 м от берега. Грузила у дедов тоже были свои фирменные. Одни отливали „ложки“, другие „пирамидки“, третьи „фунтики“, четвертые „сосульки“, но были и другие, более сложные формы. И через 20 лет попадались мне в воде на прибрежных грядах камней такие самодельные изделия.

Если пацаны нередко ловили бычков на мясо равликов, мидий и даже на земляных червей, то деды отдавали предпочтение креветкам, называемым в Одессе „рачками“. Уже на рассвете, возле Привоза можно было купить свежую наживку. Продавалась она стаканами, как семечки, или пол-литровыми банками. Деды были представителями, какой-то особой культуры и вызывали у К.А. большой интерес. Они помнили, как и где ловилась рыба в довольно отдаленные времена. Называли каждый ветер своим именем вроде „низовка“, „молдаван“ и пр. Могли предвидеть, как при перемене ветра изменится температура воды и как это повлияет на клев и многое другое. Кроме удочек они пользовались и донками, особенно в осеннее время. Рыбная ловля была их жизнью. Целые дни они проводили на берегу, обедая обычно хлебом с кусочком сала и помидорами. Через несколько лет их уже не стало.

В Черноморке и рядом с ней было несколько причалов рыболовов любителей. Люди в основном держали шаланды. Это были почти плоскодонные лодки со слегка приподнятым носом и кормой. Многие были оснащены стационарным мотором, хотя были и парусные. Ровно в 4-5 часов утра весь берег оглашался таканьем двигателей. Рыбаки любители выходили в море. Кто шел на „камень“ на Днестровскую банку, кто на Одесскую,

кто на Тендру или к о. Березань. Часов в 7 утра стук и шум моторов прекращался, а вечером все повторялось опять. Если рыбаки ловили что-то необычное, то приходили на ОБС и в ОдоИнБЮМ и показывали добычу. К.А. с удовольствием их консультировал и получал дополнительную информацию об ихтиофауне. Таким образом, коллекцию рыб дополнили морской петух, морской черт и так называемая японская скумбрия колиас.

В 50-х годах К.А. развиваются представления о целостности экосистемы Черноморско-Азовского бассейна и функциональной гомологии экосистем северо-западного (черноморского) и северо-восточного (азовского) шельфов. Особое внимание К.А. уделял изучению Приднепровского, Приднестровского и Придунайского районов моря, заливов, лиманов и лагунам Черного и Азовского морей, области филофорного поля Зернова. Вблизи г. Анапы К.А. было обнаружено второе в Черном море скопление шаровидной филофоры.

В период работ выполненных на ОБС и в ОдоИнБЮМ в 1954-1972 гг. К.А. много внимания уделял изучению распределения донных сообществ в северо-западной части Черного моря с позиций их кормового значения для донных и придонных рыб. В 1960 г. им была опубликована на украинском языке монография „Іхтіофауна північно-західної частини Чорного моря”, в которую вошли данные о 113 видах рыб, встречающихся в этой части моря. В 1967 г. под редакцией К.А. и при его участии вышла обобщающая коллективная монография „Биология северо-западной части Черного моря”. Для „Определителя фауны беспозвоночных Черного и Азовского морей” (1968) он совместно с Г.В. Досовской написал раздел о полихетах.

По результатам экспедиции „за три моря” (Черное, Азовское, Каспийское) был напечатан ряд статей и в 1968 г. под редакцией К.А. была опубликована коллективная монография „Экологическая биогеография контактных зон моря”.

Во время Средиземноморской экспедиции 1972 г. проводился сбор материалов для получения сравнительных данных в рамках программы изучения „контактных зон моря”, а так же и по начатым К.А. в Черном море в 1967-1969 гг. исследованиям в области континентального склона и подводных каньонов.

В рамках сформулированной и последовательно проводившейся в жизнь идеи К.А. о важности и перспективности концепции „контактных зон моря” в ОдоИнБЮМ определились и успешно развивались такие научные направления, как эколого-биогеографические исследования морей в системах взаимодействий океан - море - суша - реки - атмосфера - толща вод - дно (К.А. Виноградов), морская нейстонология (Ю.П. Зайцев), биогеохимические аспекты структуры морских экосистем (З.А. Виноградова).

Под руководством К.А. были опубликованы 5 выпусков „Научных записок” ОБС (1959-1964 гг.). В 1958 г. вышла из печати монография К.А. „Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море”.

Поскольку первые несколько лет после переезда в Одессу мама не работала, К.А. приходилось прикладывать усилия, чтобы обеспечить семью. К тому же надо было помогать матери Марии Михайловне, сестре Надежде Александровне и детям маминой сестры в Средней Азии. В этот период К.А. читал лекции по линии общества „Знание”, сотрудничал с реферативными журналами и преподавал. В 1953-1956 гг. К.А. профессор кафедры

зоологии позвоночных Кишиневского университета (спецкурс „Фауна южных морей СССР“), в 1956-1957 гг. - кафедры физической географии Одесского университета (спецкурс „Фауна южных морей СССР“ в переработке для географов), в 1956-1971 гг. - кафедры гидробиологии Одесского университета (курсы „Общая гидробиология“ для всех факultетов биологического факультета, „Фауна морей“ для гидробиологов и зоологов, „Основы промысловой гидробиологии“ для гидробиологов). Во всех случаях работа велась либо по совместительству, на почасовой оплате, либо на „общественных началах“, в зависимости от финансовой ситуации в вузах. В 1964-1965 гг. в связи с болезнью заведующего кафедрой гидробиологии профессора Александра Ромуловича Пренделя К.А. на общественных началах руководил кафедрой. К работе в вузах он относился очень

серьезно, вносил в лекционный материал новейшие научные данные, интересные иллюстрации.

В вузах К.А. консультировал коллег гидробиологов при написании ими научных статей, кандидатских и докторских диссертаций. Со многими университетскими коллегами у него были теплые дружеские отношения. С Одесским университетом он был связан различными узами. Кроме чтения курсов, руководства дипломантами и аспирантами, участием в работе Ученых советов К.А. приложил в 1964-1965 гг. немало усилий для получения к 100-летию Одесского государственного университета экспедиционного судна. Назвали его „Академик Андрусов“. Судно было получено без денежных затрат „с баланса на баланс“. Помог в этом давний знакомый К.А., уже упоминавшийся известный полярник И.Д. Папанин.

К.А. среди сотрудников и студентов Кафедры гидробиологии Одесского университета.
Сидят справа А.Р. Прендель, К.А., М.А. Винникова, С.Б. Гринбарт

Под руководством К.А. выполнено и защищено 15 кандидатских диссертаций. Официально он был консультантом двух докторантов, успешно защитивших диссертации. Однако фактически их было намного больше, так как К.А. не относился к таким отношениям формально. Более чем на 100 защитах кандидатских и докторских диссертаций он выступал официальным оппонентом или представлял внешний отзыв. К.А. был членом нескольких специализированных советов по защите диссертаций.

У К.А. был общительный доброжелательный и обязательный характер. Если он обещал что-то сделать, то делал для этого все возможное. Он общался с сотнями людей и с десятками поддерживал дружеские отношения. На Новогодние и Рождественские праздники он получал сотни открыток с поздравлениями из разных концов Советского Союза - от Калининграда до Владивостока и от Мурманска до Батуми. Много поздравлений было из Болгарии, Румынии, Польши, Вьетнама, Китая и ряда капиталистических стран, как тогда говорили. В домашней библиотеке К.А. было множество книг, брошюр, журналов, авторефератов, отписок статей большого числа ученых гидробиологов, ихтиологов, океанологов, географов, геологов и других специалистов, лично подписанных авторами с пожеланиями или благодарностями.

К.А. был открытым человеком, но периодические доносы и вынужденные визиты в КГБ (Контору глубокого бурения, как называли это учреждение) очень его раздражали. Как я уже упоминал, дядя К.А. Николай Александрович в годы Гражданской войны оказался за границей. Когда уже в период пребывания в Одессе, инюрколлегия запросила К.А. и его сестру Надежду Александровну в связи с наследством, оставленным дядей, они ре-

шили говорить, что, видимо, речь идет об однофамильце. На определенные темы К.А. говорил откровенно только с некоторыми людьми: Иваном Ивановичем Пузановым, Яковом Яковлевичем Цеебом, Павлом Владимировичем Ушаковым и несколькими другими близкими друзьями. О генерале П. Григоренко я услышал задолго до того, как о нем стали писать в советской прессе. В гостях у К.А. как-то был очень интересный человек - киношник С. Кордюм. Отчества его я не помню. Почти всю ночь они разговаривали о разных событиях в Киеве и за рубежом. Хотя это уже и были времена Н.С. Хрущева, но они очень откровенно говорили о событиях в Венгрии, Польше и Югославии. Оказалось, что гость был известным кинодокументалистом, лично встречавшимся во время войны с И.Б. Тито. Он даже был свидетелем вывоза* Тито из фашистского окружения на специально посланном советском самолете. Я помню, как он шутил, что два Иосифа в одной берлоге ужиться не могли. Бывали в Черноморке в гостях у К.А. и сокамерники по Симферопольской тюрьме.

На протяжении многих десятилетий теплые дружеские отношения К.А. поддерживал с московскими коллегами Теодором Сауловичем Рассом, Вениамином Григорьевичем Богоровым, Львом Александровичем Зенкевичем, Александрой Федоровной Карпевич, Мариной Григорьевной Барковской и др., ленинградцами Павлом Владимировичем Ушаковым, Владиславом Вильгельмовичем Хлебовичем и др., киевлянами Яковом Яковлевичем Цеебом, Львом Павловичем Брагинским, Борисом Николаевичем Мазуровичем и др., многими севастопольскими и владивостокскими ихтиологами и гидробиологами. На биофаке Одесского университета хорошие отношения у К.А. были практически со всеми профессорами

и преподавателями. Регулярные дружеские контакты К.А. и З.А. Виноградовы поддерживали с университетскими профессорами Ф.С. Замриборщем, С.Б. Гринбартом, И.И. Погребняком, В.С. Чепурно-

вым, В.П. Тульчинской, Н.А. Савчуком, О.Ф. Андрейко, А.Я. Розановым и многими другими. Особенно близки были ему Иван Иванович Пузанов и Рафаил Осипович Файтельберг.

К.А. среди участников экспедиции на НИС „Миклухо-Маклай“ во время посещения Болгарии

Профессор И.И. Пузанов переехал из г. Горького (Нижегород) в Одессу в 1947 г. и стал заведовать Кафедрой зоологии позвоночных, сменив на этом посту академика Д.К. Третьякова. Он в значительной степени подтолкнул К.А. к выбору в качестве местожительства г. Одессы. К.А. и Ивана Ивановича связывали и объединяли общие взгляды на науку, на засилье в биологии „лысенковщины“, личные симпатии и особенно любовь к Крыму. Иван Иванович, как и К.А., хорошо знал еще довоенный Крым. Он автор книги „По нехоженому Крыму“. Иван Иванович писал стихи, находившие отклик и в сердце К.А. Вот небольшой отрывок из Венка сонетов, посвященных И.И. Пузановым Крыму в 1932 г.:

„Вершину взнес владыка Чатырдаг.
Отвесны скал обрывы и фронтоны
Утесов громоздятся бастионы.
Чтоб осыпями развалиться в прах
Окрестных гор велик и смел размах:
Их толщу перерезали каньоны
Глухие пропасти темны, бездонны,
Подошвы тонут в вековых лесах“.

Попав в 1945 г. в опустевший после войны и выселения местного населения Крым Иван Иванович написал поэму Прощальные октавы. Там есть такие строки, которые я переписал с желтых листков написанных рукой автора:

„Так это - правда, что народ - насельник,
Который крымской почвой был взращен.
Как взращены кизил и можжевельник,
С корнями вырванными, перенесен

В страну, где на болоте чахнет ельник?
Иль это лишь нелепый, жуткий сон?
Увы! Порой действительность бывает
Ужасней снов, что ночь нам навевает".

И далее читаем:

„Пройдут года. Остынет пыл военный,
Народов в мире заживет семья.

Быть может, друг Тавриды неизменный
На берега ее прибуду я,
Чтоб отдых, наконец, вкусить блаженный.
Боюсь, печальна будет жизнь моя
У склепа холодного Тавриды тела
Душа которой в Вечность отлетела".

З.А. и К.А. Виноградовы налаживают контакт с дельфином в Батумском дельфинарии

Иван Иванович Пузанов до последних лет жизни совершал пешеходные экскурсии вдоль берега моря от Ланжерона или Аркадии до Черноморки. Иногда он предварительно звонил К.А., но случалось, появлялся неожиданно.

В пятидесятых-шестидесятых годах в Черноморке неподалеку от конечной остановки трамвая № 29 была фирменная винная лавка колхоза им. Карла Либкнехта. Заправлял ею очень колоритный старичок типичный одессит Григорий Ильич Лизак. Помогала ему полная крикливая жена, быстро утихомиривающая выпивох. У Григория Ильича был выбор вин хранившихся прямо в больших бочках. Для посетителей, которых Григо-

рий Ильич считал своими личными гостями, в подсобке были несколько небольших бочонков. Двух профессоров Ивана Ивановича и К.А. он относил к числу особых посетителей и угощал обычно вином из особого запаса. После дегустации К.А. и Иван Иванович шли домой обедать или ужинать. Не помню, что бы еще с кем-то К.А. посещал винную лавку. Вино, когда было нужно, брали домой. Если заранее было известно о визите, то старались что бы на столе была какая-нибудь рыба. После обеда родители и Иван Иванович долго беседовали. Он знал немного крымско-татарский язык, и они с мамой говорили на нем. Случалось Иван Иванович читал свои стихи и в ча-

ственности сатирическую поэму „Астронавт“. Об академике Т.Д. Лысенко. Вот пролог, из этой поэмы, написанный в 1957 г.

„Трофим, упершись, как ишак,
Позиций не сдает никак:
Пшеница в рожь, и граб в орех,
И в ель сосна, и всем на смех -
В кукушку дрозд! Нещадно бит.
Трофим „ку-ку“ свое твердит
И славит гнездовой посев
Науку с практикой призыв.
А доблестный его „конклав“
Клыки ощерив, хвост поджав,
Голосование спор решит -
И вот, опять Трофим побит:
Четыреста за рядовой
И только шесть за гнездовой!
Не понятому здесь толпой

Трофиму способ гнездовой
Придется на Луну нести
Чтоб славу вновь там обрести -
Туда, в своих советах быстр
Его отправил зам. Министр“.

Близко дружил К.А. с учеником И.И. Пузанова- профессором Яковом Яковлевичем Цеебом. Я.Я. Цееб был большим знатоком Крыма. В 1926-1938 гг. он работал в Крымском педагогическом институте. В Симферополе. К.А. и Якова Яковлевича Крым сблизил. Они стали друзьями, а когда Я.Я. Цееб в 1955 г. перешел работать в Киев, в Институт гидробиологии, у них появились новые возможности для общения и новые общие научные интересы.

К.А. среди участников экспедиции на НИС „Миклухо-Маклай“ во время посещения Болгарии

Среди одесских друзей К.А. выделял, прежде всего, профессора Рафаила Осиповича Файтельберга. В 1958 г. Рафаил Осипович был официальным оппонентом на защите докторской диссертации

З.А. Виноградовой. Родители с большим удовольствием общались с Рафаилом Осиповичем и его женой Марией Викторовной. Своим энтузиазмом и энергией Рафаил Осипович вовлек К.А. и маму в

последние годы их жизни в работу Одесского филиала Академии истории и филологии естественных и технических наук. Когда им позволяло здоровье они с интересом посещали заседания.

В книге К.К. Дерюгина - сына учителя К.А. Константина Михайловича Дерюгина („Советские океанографические экспедиции“. - Л.: Гидрометеиздат, - 1968. - 236 с.) приведены данные об экспедиционных работах ОБС под руководством К.А. Виноградова. Видимо в этом проявляется связь времен.

После ухода в 1972 г. из ОФИН-БЮМ К.А. жил в г. Одессе в пер. Маяков-

ского, 9 и не работал. Благодаря поддержке и вниманию тогдашнего директора Одесского отделения АзЧерНИРО Андрея Андреевича Ровнина и коллектива отделения К.А. с 1974 г. по 1986 г. выполнял там обязанности старшего научного сотрудника консультанта. В Одесском отделении АзЧерНИРО научные интересы К. А. были связаны главным образом с проблемами влияния уже осуществленных и планируемых преобразований в речных экосистемах на экосистему Черного моря. За этот период у К.А. вышли из печати 34 публикации.

К.А. и З.А. Виноградовы (1975 г.)

К.А., Р.О. Файтельберг и З.А. Виноградова (1980 г.)

После первой морской практики в 1926 г. в Батуми К.А. оценил красоту этих мест и гостеприимство местных жителей. В период после 1972 г. они вместе с мамой старались хотя бы раз в несколько лет в октябре-ноябре выбраться на две-три недели в Батуми, отправляясь обычно на одном из пассажирских кораблей обслуживающих Крымско-Кавказскую линию. Такие поездки добавляли им сил и оптимизма.

Пятого февраля 1982 г. в Доме ученых в Одессе состоялось торжественное заседание Одесского отделения Всесоюзного гидробиологического общества, посвященное 80-ти летию со дня рождения и 55-ти летию научной, педагогической и общественной деятельности Почетного члена ВГБО доктора биологических наук, профессора К.А. Виноградова.

Жизнь К.А. была тесно связана с деятельностью Всесоюзного гидробиологического общества (ВГБО) активным

членом которого он был с 1947 г. С 1963 г. по 1974 г. он возглавлял Одесское отделение ВГБО, в 1971-1976 гг. был вице-президентом ВГБО. В 1976 г. К.А. избрали Почетным членом ВГБО.

С 1965 г. по 1980 г. К.А. был членом Икhtiологической комиссии Минрыбхоза СССР, Научного совета АН СССР по проблемам гидробиологии, икhtiологии и использованию биологических ресурсов водоемов, в 1971-1973 гг. - председатель Черноморского бассейнового отделения Икhtiологической комиссии. Несколько десятилетий К.А. был членом Географического общества СССР и все-союзного общества „Знание” и говорил об этом с гордостью.

К.А. принимал участие в работе нескольких международных научных конгрессов и симпозиумов и во многих десятках научных форумов в СССР. Он всегда стремился занимать активную жизненную позицию. В 1971-1973 гг. он избирался членом Киевского райкома Компартии Украины г. Одессы в 1963-1973 гг. - был депутатом Киевского районного Совета народных депутатов г. Одессы.

Перу К.А. принадлежат свыше 170 печатных публикаций. Им написан ряд статей по морской биологии для Украинской советской энциклопедии. Он редактировал и рецензировал десятки монографий, научных сборников и статей. За весь одесский период 1952-1989 гг. им было опубликовано 112 печатных работ.

За научную и общественную деятельность К.А. награжден орденом „Знак Почета” и шестью медалями.

Хотя друзей, большинства коллег и современников К.А. уже нет в живых, имя его не забыто. На научных форумах и в научной литературе современные ученые с уважением вспоминают сделанное

им, его научные идеи и ссылаются на его работы.

В 1985 г. в Киеве издательством „Наукова думка” было опубликовано фундаментальное трехтомное исследование „Развитие биологии на Украине”, главным редактором которого был академик К.М. Сытник. В т. 3 этого издания о К.А. говорится на страницах 14, 16, 17, 19, 20, 44, 46, 52, 150, 193, 194, 197. В этом же издании в т. 2 на 44 странице упоминаются исследования З.А. Виноградовой, а в т. 3 о ней же пишется на страницах 23, 24, 25, 39, 52, 201, 204, 208.

Многим известно, что К.А. и З.А. Виноградовы ушли из Одесского филиала ИнБЮМ в 1972 г. на пенсию не по собственному желанию. Причины, если называть вещи своими именами, расправы над ними были понятны одним тогда, а другим стали понятны чуть позже. Таковы были времена и такими были нравы. Коллеги, знавшие К.А. как человека и как ученого, не изменили к нему своего отношения и продолжали общаться и переписываться с ним до последних его дней.

Если отбросить всю шелуху надуманных и просто лживых обвинений, то главными причинами были две. В то время по инициативе и под руководством тогдашнего Председателя Южного научного центра АН УССР член-корреспондента АН УССР М.Т. Мелешкина разрабатывалась целевая программа использования резервов биологических ресурсов из бассейна Черного и Азовского морей. Речь шла сначала о 6, а потом о 2 млн. т. биомассы. К.А. не скрывал своего негативного отношения. Идею использования так называемых резервов биологических ресурсов он сравнивал с планом брать у человека, поскольку у него многие части тела и органы парные, по одной части тела или органу, считая их

К.А., З.А. Виноградова и В.И. Жадин

К.А и Т.С. Расе с женой у здания ОБС
(Черноморка начало 60-х)

резервами. Человек возможно и не умрет, но калекой будет точно.

В принципе и в те времена, не говоря уже о сегодняшних, любому успевающему студенту биологу было очевидно, что никаких резервов биологических ресурсов в экосистеме моря нет и в принципе быть не может. Однако под эту примитивную бредовую идею пытались получить у государства крупное целевое финансирование.

Второй, может быть еще более важной, причиной для расправы было меркантильное желание некоторых академических чиновников устроить в здании ОфИнБЮМ в Черноморке базу отдыха „Борей“. К.А. ни за что не согласился бы на это. Цель была успешно достигнута, и ОфИнБЮМ был выселен из находящегося на берегу моря здания в центр г. Одессы. Потеря Лабораторного здания в Черноморке по сути дела повлекла за собой последующую утрату плавсредств. В дальнейшем даже сохранить земельный участок по адресу Черноморка Проспект Свободы, 62 и хоть какую то базу в Чер-

номорке по различным причинам не удалось.

Что касается идеи использования резервов биологических ресурсов, то этот номер не прошел. В отделе науки ЦК КПУ и в Совете Министров Украины видимо возникли сомнения в реальности обсуждаемых цифр, а так же появился вопрос, а почему же эти резервы так долго не использовались ранее?!? В ОфИнБЮМ поступил соответствующий запрос, и администрация командировала меня в Киев в Отдел науки ЦК. Я взял с собой имеющиеся материалы и предварительно устно, ссылаясь на результаты исследований, охарактеризовал тогдашнее состояние экосистемы Черного и Азовского морей и показал бредовость самого подхода поиска резервов. Потом до двух часов ночи оформлял все письменно. Специалисты Отдела науки ЦК поняли всю неэкологичность программы, и отсутствие у нее каких либо экономических перспектив и дали моей справке ход. Так я забил и свой „гвоздь“ в „гроб“ жуликоватой затеи. Вскоре даже разговоры об этих мнимых резервах прекратились.

Константин Александрович и З.А. Винофадовы с невесткой Л.Н.Виноградовой
(и внуком Костей

Я уже отмечал, что К.А. всегда с большим уважением относился к труду рыбаков. Во-первых, это тяжело физически, а, во-вторых, рыбаки иногда знают то о чем ученые и не подозревают. Бывая в морских городах за рубежом во время экспедиций, он, что бы составить представление об ихтиофауне района, посещал рыбные базары. Упоминание о таком посещении и видах рыб в отчете вызвало усмешки на физиономиях членов одной комиссии, обремененных высокими научными званиями и степенями. Им было даже невдомек, что это классическая ихтиологическая практика, а не веселый анекдот. Одним орудием лова ученый никогда не поймает столько видов рыб, сколько поймает десяток рыбаков в разных местах. Уловы же их концентрируются на рынке. Именно таким образом в руки исследователей попало много редких видов рыб, включая и первый экземп-

ляр легендарной кистеперой рыбы латимерии. Предубежденным невеждам этого не объяснить.

Отличительной чертой К.А. на протяжении всей его жизни была простота быта. Жил он всегда скромно. В доме была простая обычная мебель. Носил он обычную одежду. Ценил и любил, прежде всего, работу, общение с интересными людьми, друзьями и книги. Важную роль для него играла семья.

В возрасте 70 лет на законных основаниях и в соответствии с существовавшими тогда нормативами К.А. получил свой первый в жизни ордер на свою, а не служебную квартиру. Да еще и с удобствами. Это обстоятельство тоже стало поводом для доносов в различные инстанции и послужило одной из причин его вынужденного ухода из Оф ИнБЮМ.

В начале 80-х годов в помещении Оф ИнБЮМ по адресу ул. Пушкинская, 37

в составе комиссии побывал тогдашний вице-президент АН УССР академик Константин Меркурьевич Сытник. После моего рассказа о работе лаборатории он задержался, спросил меня о том, как проживают К.А. и Зорэ Аблякимовна и сказал, что он понимает, насколько с ними поступили не справедливо.

В связи со столетием со дня рождения 1 февраля 2002 г. в Доме ученых в Одессе состоялись научные чтения памяти профессора К.А. Виноградова, учредителем которых стали Южный научный центр НАН Украины, Одесский национальный университет, Одесское отделение Украинского гидроэкологического общества, Одесский Дом ученых. В программе чтений были воспоминания о научно-педагогической деятельности К.А. Виноградова и научные доклады учеников и последователей в развитии его научных идей.

В свое время именем К.А. были названы несколько видов гидробионтов, что свидетельствовало как об уважении к нему коллег, так и о признании его научных заслуг. А.М. Дьяконов (1938) в честь К.А. назвал новый для науки вид морской звезды *Leptasterias vinogradovi* из северо-западной части Тихого океана. Е.Ф. Гурьянова (1950) описала новый для науки вид изоподы *Nannoniscella vinogradovi*, найденный на Камчатке К.А. Также Е.Ф. Гурьянова (1951) описала новый для науки вид бокоплава *Photis vinogradovi*, обнаруженный К.А. в прикамчатских водах Тихого океана и названный в его честь. В.М. Дидковский (1959) именем К.А. назвал новый для науки вид фораминиферы *Trochammina vinogradovi*, найденный в Черном море.

У К.А. в его работе полностью отсутствовали такие представления как: „Настоящая наука начинается с меня" и „Главное направление в науке - мое".

„Центропупкизм" он не одобрял ни в какой форме. К.А. всегда с большим уважением вспоминал своих учителей и старших коллег. Он говорил, что их следует уважать уже за то, что они, как правило, работали в более трудных условиях. К.А. считал, что весомый научный результат практически всегда продукт коллективного творчества, плоды которого лишь могут быть присвоены кем-то одним. Хотя первоначальная идея чаще всего все-таки рождается в чьей-то одной голове.

В интервью уже упоминавшемуся известному одесскому журналисту Б.Ф. Деревянко К.А. на вопрос, „что нужно, что бы ладить с людьми?", ответил „Каких либо усилий для этого прилагать не нужно. Наоборот. Если что-то прилагать, то это будет искусственно, и ничего не выйдет. Нужны доброжелательность, доверие, стремление понять и помочь, чем можешь, когда людям это требуется". Он был вполне согласен с сентенцией: „Тот, кто воображает, что может обойтись без других людей, очень ошибается; но, тот, кто воображает, что без него не могут обойтись люди, ошибается еще больше".

В Одессе К.А. дождался рождения внучки Ольги (1964 г.), внука Кости (1969 г.) и рождения правнука Алеши (1986 г.)

Зорэ Аблякимовна была для К.А. не просто женой и надежным тылом. Вместе они прожили почти 50 лет. Она была самостоятельным крупным ученым - ученицей академиков А.В. Палладина и А.П. Виноградова. Для К.А. она была не только слушательницей и советчицей, но и серьезным компетентным оппонентом и критиком. Она совмещала в себе глубокую химическую и гидробиологическую подготовку.

У К.А. на протяжении многих лет вызывала беспокойство и отнимала много душевных сил тревога за судьбу жены. Для некоторых людей было невыносимо

Одна из последних фотографий К.А. Сидят К.А. и З.А. Виноградовы. Стоят справа внук К.А. Виноградов, невестка Л.Н. Виноградова, сын А.К. Виноградов (1987 г.)

то, что маленькая татарская девочка, родившаяся в деревеньке под Феодосией, делает научную карьеру. В деревне не было обычной школы, и учиться она начала в медресе при мечети. Научилась читать и писать по-арабски. Уже живя в Одессе, мама и Иван Иванович Пузанов иногда переписывались по-арабски.

После медресе она училась в школе-интернате в Феодосии. В 15 лет с отличием окончила рабфак, а в 1937 г. Крымский пединститут в Симферополе. Активно занималась общественной работой и спортом. Была „Ворошиловским стрелком" и стреляла уже в пожилом возрасте лучше многих мужчин. Она первой из всего своего народа стала парашютистской. В 20 лет была уже завучем в школе в п. Судак.

Отец ее был репрессирован. Бежал со строительства Беломорско-Балтийского канала. Вернулся в Крым и по доносу соседей вновь был арестован и погиб в Печорских лагерях. Близкие род-

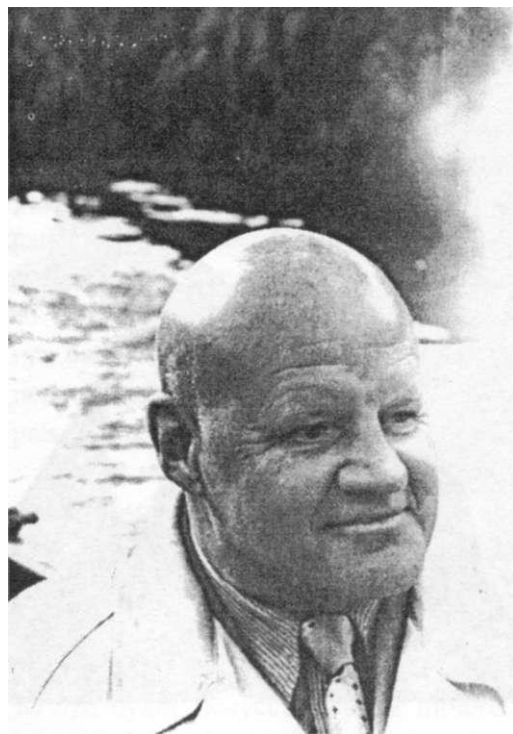
ные, родственники и весь ее народ были принудительно выселены далеко за пределы Крыма и фактически объявлены врагами. Ей единственной официально разрешением правительства разрешили жить в Крыму после войны. Ее сестра с детьми и другие родственники оказались в Голодной степи в Узбекистане (Голодная степь это не метафора, а географическое название). Она не отказалась от близких, как это делали многие другие, постоянно переписывалась, помогала, как могла. Не забывала она и свой родной язык. Когда она говорила с узбеками, азербайджанцами, турками, гагаузами, то те понимали ее, а она понимала их.

Доносы в КГБ поступали не только в Крыму, но и после переезда в Одессу, а ведь у Константина Александровича был свой собственный печальный опыт общения с этим учреждением в 1938-1940 гг. Несмотря на все это З.А. Виноградова защитила кандидатскую и докторскую

диссертации, стала профессором. Одному богу известно, чего это стоило.

После Великой Отечественной войны, вернувшись в Крым, З.А. Виноградова за несколько лет организовала и возглавила на Карадагской биостанции лабораторию сравнительной биохимии и физиологии морских организмов. В 1947 г. В Институте зоологии АН УССР в Киеве успешно защитила кандидатскую диссертацию „О химическом составе беспозвоночных животных Черного моря и его изменении". После переезда в Одессу в 1955 г. на Одесской биостанции организовала биохимическую лабораторию (с 1963 г. - отдел биохимии ИнБЮМ) и до 1972 г. была руководителем. В 1958 г. в Отделении биологических наук АН УССР (Киев) защитила докторскую диссертацию „Витамин А в печени рыб и некоторых беспозвоночных Черного моря". Ей принадлежит открытие и описание явления „линьки" у некоторых черноморских рыб. Ею вместе с сотрудниками развивалось оригинальное приоритетное направление - экологическая биохимия морских организмов. В качестве начальника биохимического отряда она принимала участие во многих морских экспедициях на НИС „Миклухо-Маклай".

Параллельно с научной работой З.А.Виноградова читала на биологическом факультете Одесского государственного университета спецкурсы по биохимии морских организмов, курс „Биохимия океана". Она руководила аспирантскими темами, среди ее учеников были аспиранты из ИнБЮМ, Института гидробиологии Днепропетровского университета, Калининградского технологического института рыбной промышленности и хозяйства, Института зоологии Молдавии, Узбекистана и Азербайджана. Она консультировала и многих докторантов.

К.А.Виноградов (60-е годы)

З.А. Виноградова - автор более 100 научных работ, включая и монографии, редактор ряда коллективных монографий. Была участницей V Международного биохимического конгресса (Москва, 1961), II Международного океанографического конгресса (Москва, 1966), X Международной конференции по лимнологическому изучению р. Дунай (Болгария, 1966), I и II Всесоюзных биохимических съездов (Ленинград, 1964; Ташкент, 1969), I -го Украинского биохимического съезда (Черновцы, 1965), I -го Всесоюзного гидробиологического съезда. Она принимала участие в совещаниях, конференциях и симпозиумах. Была членом бюро одесских отделений Химического и Биологического обществ, членом правления областной организации общества „Знание", членом ученых советов ИнБЮМ и биологического факультета Одесского госуниверситета.

Смерть мамы стала для К.А. непростимой утратой. Она мужественно пе-

реносила свои болезни - гипертонию и сахарный диабет. Почти утратив зрение, перенесла инсульт и три инфаркта, она после каждого возвращения из больницы начинала борьбу за жизнь, делая физические и дыхательные упражнения. Они вдвоем с К.А. совершали посильные прогулки в Горсад и на Приморский бульвар. Мама была очень волевым человеком. Семнадцатого мая 1989 г. в мой день рождения она, хотя и чувствовала себя не очень хорошо, надела белое платье и, видимо, предчувствуя, что это в последний раз вместе почти со всей семьей села за стол. Отсутствовал только внук Костя, служивший в армии. На следующий день, восемнадцатого мая случился четвертый инфаркт, оказавшийся роковым. Мама до конца была в сознании, пыталась улыбаться и взглядом подбадривала всех, просила близких беречь К.А. До больницы скорая помощь ее не довезла.

К.А. дождался возвращения внука Кости из армии, но жизнь для него почти утратила смысл. Он начал перебирать и упорядочивать домашний архив и библиотеку. Все лишнее, по его мнению, он выбросил, а нужное из своих бумаг и документов и документов мамы рассортировал и подготовил для передачи в Областной архив в г. Одессе. Там они и находятся. Научную библиотеку поручил передать в ОфИнБЮМ. Завершив эту работу, он уже не хотел начинать никаких дел. Скончался К.А. дома в результате оста-

новки сердца ночью 21 декабря 1989 г. Похоронен он рядом с женой и нашей с сестрой мамой на Таировском кладбище в г. Одессе.

К.А. не принадлежал к числу кабинетных ученых, которых не мало во все времена. Его всегда привлекала полевая экспедиционная работа. Он стремился соединять так называемую чистую науку с потребностями практики.

К.А. Виноградов был сыном бурного, но уже прошлого 20 века, со своим народом и страной пережил революции, лишения, заблуждения, поражения и победы. Десятилетиями теплые дружеские отношения связывали его с сотнями ученых в СССР и за его рубежами. Многие научные идеи и подходы К.А. сохраняют свою актуальность и в наши дни, в той или иной форме продолжают развиваться и углубляться уже учениками учеников его учеников.

Несмотря на превратности судьбы, несправедливость и коварство, с которыми К.А. Виноградов сталкивался в жизни, он честно и с достоинством прошел свой жизненный путь. Во многом он, видимо, был счастливым человеком. Занимался любимой работой, не считаясь со временем. Строил здания и создавал научные коллективы. Сеял „доброе, разумное, вечное“. Имел крепкую семью. Вырастил детей, внуков, дождался правнука. Люди, знавшие его, хранят о нем добрую память.

Список публикаций К.А.Виноградова

- Общие вопросы биологии моря, страницы истории
- 1.0 РАБОТАХ Карадагской биологической станции. - Изв. Гос. гидрол. ин-та. - 1931. - № 35. - С. 79.
 - 2.КАРАДАГСКАЯ биологическая станция Академии наук Украинской ССР: (К возобновлению деятельности станции после войны) // Природа. - 1947. - № 10. - С. 81-83.
 - 3.КАРАДАГСЬКА біологічна станція в системі Академії наук УРСР (1937-1947) // Вісн. АН УРСР. - 1947. - № 5. - С. 62-66.
 - 4.ОБЗОР работ Карадагской биологической станций по фауне и флоре Черного моря за 30 лет (1917-1947) // Успехи соврем. биол., - 1948. - Т. 26. - Вып. 2. - С. 733-788. (Библиогр. - 788 с).
 - 5.ОЧЕРКИ по истории отечественных гидро-биологических исследований на Черном море / Под. ред. чл.-кор. АН УССР Я.В. Ролла; Ин-т гидробиол. АН УССР; Одес. биол. станция. - К.: Изд-во АН УССР. - 1958. - 156 с. (Библиогр. - С. 113-153).
 - 6.КРАТКИЙ обзор работ Одесской биологической станции Института гидробиологии Академии наук УССР за 1954-1957 гг. // В кн.: Научная сессия Ученого совета Института гидробиологии АН УССР на Одесской биологической станции, 3-4 нояб. 1958 г. Тез. докл. и сообщ. / Одесса. - 1958. - С. 5-9.
 - 7.КОРОТКИЙ нарис організації і діяльності Одеської біологічної станції Інституту гідробіології АН УРСР у 1954-1957 рр. // Наук. зап. / Одес. біол. Станція. - 1959. - Вип. 1. - С. 3-5 (Схема).
 - 8.РАБОТЫ Института гидробиологии академии наук Украинской ССР на низовьях рек, впадающих, в Черное море и северо-западную часть Черного моря (1945-1956). // В кн.: Lucrarile sesiunii stintifice (15-17 sept. 1956) a Statiunii 'zoologica marine „Prof. Ioan Borcea”, Agigea. Ed. Universitatea „Al.I. Cuza”Jasi, 1959. - С. 57-66. (Библиогр. - С. 62-66). Работы научной сессии (15-17 сентября. 1956 г.) / Зоологической морской станции им. проф. И. Борча. Аджиджа. Юбил. сб. - Изд-во Ун-та им. А.И. Кузы /Яссы, РНР/- 1959. - С. 57-66. (Рез. рум., фр.).
 - 9.РАБОТЫ Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова в северо-западной части Черного моря и на лиманах Северного Причерноморья (1917-1956). // В кн.: LuorarUe sesiunii stiintifice (15-17 sept. 1956) a Statiunii zoologica marine „Prof. Ioan Borcea”, Agigea. Ed. Universitatea „Al.I. Cuza”Jasi, 1959. - С. 43-65. Работы научной сессии (15-17 сентября. 1956 г.) Зоологической морской станции им. проф. И. Борча. Аджиджа. Юбил. сб. - Изд-во Ун-та им. А.И. Кузы /Яссы, РНР/. - 1959 - С. 57-66. (Рез. рум., фр.).
 - 10.НАУКОВІ контакти Одеської біологічної станції АН УРСР з дослідниками зарубіжних країн. // ДАН УРСР. - 1960. - № 8. - С. 1130-1131.
 - 11.РЕЗУЛЬТАТЫ гидробиологических исследований, проведенных СССР в 1954-1959 гг. на Черном море, преимущественно в его северо-западной части. - Hidrobiologia (Bucuresti). - 1961. - Vol.3. - P. 68-98. (Библиогр.: - С. 88-98. - Рез. рум.).
 - 12.ЧОРНОМОРБСКІ експедиції 1960 - 1961 рр. на сейнері "Миклухо-Маклай" Одеської біологічної станції Інституту гідробіології АН УРСР. // ДАН УРСР - 1962. - № 2. - С. 267-270.
 - 13.НАУЧНЫЕ, результаты первой Черноморско-Азовско-Каспийской экспедиции Одесской биологическом станции Академии наук УССР, проведенной в 1962 г. на э/с "Миклухо-Маклай". // В кн.: Развитие новых исследований природных ресурсов. Тез. докл. науч. сессии геогр. фак., 6-7 дек. 1963 г. Одесса. - 1963. - С. 30-31.
 - 14.ОДЕССКАЯ биологическая станция Института гидробиологии АН УССР, исто-

- рия ее возникновения и проводимые исследования. // Океанол. - 1963. - № 3. - С. 554-558.
15. РОЛЬ вчених Одеського університету у вивченні життя Чорного моря. // В кн.: Ювілейна наукова сесія, присвячена 100-річчю Одеського державного університету ім. І.І. Мечникова. Біол. та хім. науки. Тез. доп., 18-19 трав. 1965 р. Одеса. - 1965. - С. 117-119.
16. ПЕРША Чорноморсько-Азовсько-Каспійська експедиція на науково-дослідному судні "Миклухо-Маклай" Одеської біологічної станції АН УРСР (1962 р.). // В кн.: Сучасні проблеми географічної науки в Українській РСР. Матеріали 1-го з'їзду Геогр. т-ва УРСР. К. - 1966. - С. 267-271.
17. ОБЗОР работ, проведенных Одесским Отделением ИнБЮМа (1954-1967 гг.). // В кн.: Биологические проблемы океанографии южных морей: Материалы юбил. науч. сессии Учен. сов. Одес. отд-ния Ин-та биол. юж. морей, посвящ. 50-летию Великой Окт. соц. революции. 1917-1967. К. - 1969. - С. 5-44. (Библиогр. - С. 168-192).
18. ЖИЗНЬ Мирового океана по новым данным. // В кн.: Богатства Мирового океана - на благо человечества: Метод, рек. в помощь лектору. Одесса. - 1971. - С. 1-3.
19. НОВЫЕ данные о жизни в Черном море. // В кн.: Богатства Мирового океана - на благо человечества: Метод, рек. в помощь лектору. Одесса. - 1971. - С. 11-13.
20. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ и международное научное сотрудничество в изучении Мирового океана. // В кн.: Богатства Мирового океана - на благо человечества: Метод, рек. в помощь лектору. Одесса. - 1971. - С. 3-5.
21. 10 ЛЕТ „Гидробиологического журнала“. // Гидробиол. журн., 1975. - Т. II. - Вып. 4. - С. 5-9.
22. К ИСТОРИИ гидробиологических исследований на Черном море за 60 лет Советской власти. // Гидробиол. журн. - 1977. - Т. 13. - Вып. 5. - С. 66-76.
23. ХРОНИКА: III съезда Всесоюз. гидробиол. о-ва. Секция "Биологические процессы в условиях антропогенного воздействия на морские водоемы. // Биол. моря (Владивосток). - 1977. - № 6. - С. 73-74.
24. К 110-ЛЕТИЮ института биологии южных морей имени А.О. Ковалевского Академии наук УССР: Темат. обзор моногр. ИнБЮМа 1971-1980 (1981) гг. по биол. Черн. моря. // Гидробиол. журн. - 1982. - Т. 18. - Вып. 3. - С. 3-13. (Библиогр. - С. 12-13).
25. THE Black Sea Expedition of 1960 and 1961 on the vessel "Miklucho-Maklai". - Oceanogr. Abstracts (La Jolla, California. - 1962. - Vol 10. - № 6 - P. 7. Черноморские экспедиции на научно-исследовательском судне "Миклухо-Маклай" в 1960 и 1961 гг.
26. NATURE, WATERS, Seas. - In: Soviet Ukraine. К. - 1969. - P. 37-38 (Без подписи. Авт. указан на с. 570.) Природа, воды, море. // В кн.: Українська Радянська Соціалістична Республіка.
- Исследования фауны морей
27. *Magelona rosea* Moore: К фауне Polychaeta Черного моря. // Тр. Карадаг, биол. станции МОИП. - 1930. - Вып. 3. - С. 39-40.
28. Некоторые дополнения к фауне Polychaeta Черного моря. // Тр. Карадаг, биол. станция МОИП. - 1931. - Вып. 4. - С. 5-21. (Библиогр. - С. 20-21).
- 28а. ФАУНА прикамчатских вод Тихого океана: Дис. на соиск. учен. степени докт. биол. наук. Л. - 1946. - 735 с. (Машинописный экземпляр хранится в ГБЛ (Москва)).
29. АТЛАНТИЧЕСКИЙ элемент в фауне полихет Черного моря. // ДАН СССР. - 1947. - Т. 58. - № 7. - С. 1551-1554. (Библиогр. - с. 1554).
30. КОРОТКИЙ нарис складу і характеру фауни Чорного моря біля Карадагу. // ДАН УРСР. - 1947. - № 5. - С. 49-54.
31. НОВІ види кільчастих черв'їв (Polychaeta) у фауні Чорного моря. // ДАН УРСР. - 1948. - № 1. - С. 27-31. (Бібліогр. - С. 30).
32. ПРО ЗНАХОДЖЕННЯ ланцетника *Veanchiosoma lanceolatum* Costa в Чорному морі біля Карадагу / Соавт.:

- З.А.Виноградова. // ДАН УРСР. - 1948. - № 5. - С. 8-11. (Библиогр. - С. 10).
33. ЗООГЕОГРАФИЧЕСКИЙ очерк прибрежной морской фауны юго-восточной Камчатки. // Зоол. журн. - 1949. - Т. 28. - Вып. 1. - С. 89-101. (Библиогр. - С. 101).
34. К. ФАУНЕ кольчатых червей (Polychaeta) Черного моря. // Тр. Карадаг, биол. Станция. - 1949. - Вып. 8. - С. 3-84. (Библиогр. - С. 82-84).
- 35.0 РАСПРОСТРАНЕНИИ в Черном и Азовском морях многощетинковых червей *Lucetopais pontica* (Polychaeta, Nerilidae). // В кн.: Научный ежегодник / Одес. ун-т. Одесса. - 1960. - Вып. 2. - С. 143-144.
- 36.0 ЧЕРК фауны северо-западной части Черного моря. // Тр. Одес. ун-т. / Сер. геол.-геогр. Науки. - 1962. - Т. 152. - Вып. 10. - С. 77-84.
37. ВВЕДЕНИЕ. // В кн.: Биология северо-западной части Черного моря. К. - 1967. - С. 3-5.
38. КРАТКИЙ обзор видового состава фауны беспозвоночных северо-западной части Черного моря (по систематическим группам) / Соавт.: Г.В. Лосовская, Л.Д. Каминская. // В кн.: Биология северо-западной части Черного моря. К. - 1967. - С. 177-195. (Библиогр. - С. 257-263).
39. СВОДНЫЙ список беспозвоночных северо-западной части Черного моря. // В кн.: Биология северо-западной части Черного моря. К. - 1967. - С. 195-200.
40. ЗООГЕОГРАФИЯ полихет южных морей. // В кн.: Вопросы рыбо-хозяйственного освоения и санитарно-биологического режима водоемов Украины. Материалы докл. II Респ. конф. Укр. филиала Всесоюз. гид-робиол. о-ва, Херсон, 1970. К. - 1970. - С. 10-12.
41. КЛАСС многощетинковые черви (Polychaeta) / Соавт.: Г.В. Лосовская. // В кн.: Определитель фауны Черного и Азовского морей. В 3-х т. К. - 1968. - Т. I. - С. 251-360. (Библиогр. - С. 337. Дополнение. - 1972. - Т. 3. - С. 308-311).
42. BEMERKUNGEN Über Chaetognathen des Schwarzen Meeres.-Internat. revue der ges. Hydrobiol. und Hydrogr. (Leipzig. - 1933, Bd. 28, Heft 3/4 - P. 247-249. Заметка о черноморских щетинкочелюстных (морских стрелках).
43. BEMERKUNGEN Über Polychaeten des Schwarzen Meeres nebst Beschreibung einer neuen Art - Nereis (Ceratoneis) Karadagica. - Int. Revue der ges. Hydrobiol. und Hydrogr. (Leipzig). - 1933. - Bd. 28, Heft 5/6, - P. 469-473. О полихетах Черного моря у Карадага.
- Исследования бентоса Черного моря, Сиваша и Молочного лимана
44. К ВОПРОСУ об изучении филофорного поля Зернова в северо-западной части Черного моря. // В кн.: Научный ежегодник. 1956 г. / Одес. ун-т. Одесса. - 1957. - С. 264-266.
- 45.0 ГРАНИЦАХ филофорного поля Зернова в северо-западной части Черного моря - В кн.: Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения Гавриила Ивановича Танфильева, 29-31 марта 1957 г. Тез. докл. / Одес. ун-т, Одесса. - 1957. - С. 69-70.
46. РЕЗУЛЬТАТЫ изучения бентоса и ихтиофауны северо-западной части Черного моря в 1954-1957 гг. // В кн.: Научная сессия Ученого совета Института гидробиологии АН УССР на Одесской биологической станции 3-4 ноября 1958 г. Тез, докл. Одесса. - 1958. - С. 11-15.
47. ДО ПИТАННЯ про кормові площі донних риб північно-західної частини Чорного моря. // Наук. зап. / Одес. біол. Станція. - 1959. - Вип. I. - С. 98-112. (Бібліогр. - С. 110-111).
48. БИОЛОГИЧЕСКАЯ характеристика бентоса мелководных заливов северо-западной части Черного моря. // В кн.: Труды 1-ой ихтиологической конференции по изучению морских лиманов северо-западной части Черного моря, 1960 г. Кишинев. - 1960. - С. 13-24. (Библиогр. - С. 24).
49. ЭОБЕНТОС Молочного лимана. // В кн.: Біологічне обґрунтування розвитку кефального господарства східного Сиваша і Молочного лиману. / Праці Ін-т Гідробіол.

- АН УРСР. - 1960. - № 35. - С. 143-155. (Бібліогр. - С. 154-155).
50. ЗООБЕНТОС східного Сиваша. // В кн.: Біологічне обґрунтування розвитку кефального господарства східного Сиваша і Молочного лиману / Соавт. З.А. Виноградова. / Праці Ін-т гідробіол. АН УРСР. - 1960. - № 35. - С. 50-71. (Бібліогр. - С. 70-71).
- 51.0 НЕКОТОРЫХ особенностях температурного режима филофорного поля Зернова в северо-западной части Черного моря. // В кн.: Научный ежегодник / Одес. ун-т. Одесса. - 1960. - Вып. 2. - С. 141-142.
- 52.0 НАХОЖДЕНИИ скоплений филофоры в северо-восточной части Черного моря в районе Анапы. // В кн.: Научный ежегодник / Одес. ун-т, Одесса. - 1960. - Вып. 2. - С. 140-141.
- 53.0 ГРАНИЦАХ филофорного поля Зернова. // Тр. Одес. ун-т, Сер. геол. и геогр. Наук. - 1962. - Т. 152. - Вып. 9. - С. 179-184.
54. ОСОБЛИВОСТІ видового складу зообентосу та іхтіофауни мілководних заток північно-західної частини Чорного моря. // Наук, зал. Одес. біол. станція АН УРСР. - 1964. - Вип. 5. - С. 16-25. (Бібліогр. - С. 23-24).
55. ДОННЫЕ биоценозы западной половины Черного моря / Соавт.: В.П. Закутский. // Океанол. - 1966. - Т. 6. - Вып. 2. - С. 340-343. (Бібліогр. - С. 342-343).
56. МАКРОЗООБЕНТОС / Соавт. В.П. Закутский. // В кн.: Биология северо-западной части Черного моря. К. - 1967. - С. 146-157. (Бібліогр. - С. 254-256).
57. ФИЛЛОФОРНОЕ поле Зернова / Соавт. В.П. Закутский. // В кн.: Биология северо-западной части Черного моря. К. - 1967 - С. 158-176. (Бібліогр. - С. 256-257).
58. НЕКОТОРЫЕ итоги и задачи: изучения бентоса Черного моря (1953-1963 гг.). // В кн.: Биологические исследования Черного моря и его промысловых ресурсов. М. - 1968 - С. 90-96. (Бібліогр. - С. 94-96).
- Ихтиологические исследования
59. МАТЕРИАЛЫ по ихтиофауне района Карадагской биологической станции (Черное море) // Тр. Карадаг, биол. станция МОИП. - 1931; - Вып. 4. - С. 137-143.
60. К ВОПРОСУ о питании трески в водах Восточного побережья Камчатки. // В кн.: Рыбное хозяйство Камчатки / Бюл. Камчат. отд-ния ТИНРО. Петропавловск-Камчатский. - 1935. - С. 45-55.
61. СПИСОК рыб Черного моря, що зустрічаються в районі Карадагської біологічної станції. // ДАН УРСР. - 1947. - № 5. - С. 57-61.
62. К ВОПРОСУ об использовании полихет в качестве корма рыбами. // ДАН СССР. - 1948. - Т. 60. - № 7. - С. 1273-1276. (Бібліогр. - С. 1276).
63. ПРО СТРОКИ нерестування, про личинки та про мальків рыб у Чорному морі біля Карадагу. // ДАН УРСР. - 1948. - № I. - С. 18-26.
64. ПРО ПЛОДЮЧИСТЬ рыб Черного моря: (Попереднє повідомлення) / Соавт.: К.С. Ткачова. // ДАН УРСР. - 1948. - № 2. - С. 18-22. (Бібліогр. - С. 20).
- 65.0 ПЛОДОВИТОСТИ прибрежных рыб Черного моря / Соавт.: К.С. Ткачева. // ДАН СССР. - 1949. - Т. 65. - № 3. - С. 381-384. (Бібліогр. - С. 334).
- 66.0 СЕЗОННЫХ изменениях состава ихтиофауны Авачинской губы (Вост. Камчатка) // Зоол. журн. - 1949. - Т. 28. - Вып. 6. - С. 573-574.
67. СПИСОК рыб Черного моря, встречающихся в районе Карадагской биологической станции, с замечаниями об их биологии и экологии. // Тр. Карадаг, биол. станция. - 1949. - № 7. - С. 76-106. (Бібліогр. - С. 106).
68. К БИОЛОГИИ тихоокеанского пинагора в камчатских водах. // Природа. - 1950. - № 3. - С. 69-70. (Бібліогр. - С. 70).
69. МАТЕРИАЛЫ по плодовитости рыб Черного моря / Соавт.: К.С. Ткачева. // Тр. Карадаг, биол. станция. - 1950. - Вып. 9. - С. 3-63. (Бібліогр. - С. 3-63).

- 70.К БИОЛОГИИ северо-западной части Черного моря. // Зоол. журн. - 1956. - Т. 35. - Вып. 4. - С. 492-500. (Библиогр. - С. 499-500).
- 71.К ВОПРОСУ биологии северо-западной части Черного моря в работах Одесской биологической станции Института гидробиологии Академии наук УССР, // В кн.: Вопросы экологии. К. - 1957. - Т. I. - С. 171-179. (Библиогр. - С. 179).
- 72.0 НАХОЖДЕНИИ червей *Nereis virens* в желудках камчатской красной и некоторых других рыб. // Природа. - 1950. - № 3. - С. 69-70.
- 73.0 ТУНЦАХ в Черном море. // Изв. Крым. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. - 1951. - Вып. I. - С. 77-82. (Библиогр. - С. 82).
- 74.ІХТІОФАУНІ ІЛ північно-західної частини Чорного моря/ Відп. ред. чл-кор, АН УРСР Я.В. Ролл. // Вид-iso АН УРСР. К. - 1960. - 116 с.
- 75.ІХТІОФАУНА. Миграции промысловых рыб / Соавт.: О.И. Тихонов, Л.И. Старушенко. // В кн.: Биология северо-западной части Черного моря К. - 1967. - С. 202-234. (Библиогр. - С. 263-265).
- Проблемы структуры морских экосистем
- 76.СРАВНИТЕЛЬНЫЕ аспекты, биологической структуры прибрежных и опресненных районов южных морей СССР, // В кн.: Вопросы гидробиологии: I съезд Всесоюз. гидробиол. о-ва. Москва, 1-6 февр. 1965 г. (Тез. докл.). М. - 1965. - С. 69.
- 77.ВОПРОСЫ изучения "контактных" зон моря // В кн.: Четвертая межвузовская зоогеографическая конференция. Одесса, 26-30 сент. 1966 г. (Тез. докл.). Одесса. - 1966.-С. 43-45.
- 78.КОНТАКТНЫЕ зоны южных морей и некоторые аспекты их эколого-географического изучения. // В кн.: Вопросы биоокеанографии: Реф. и докл. сотрудников Ин-та биол. юж. морей АН УССР, представл. II Междунар. океаногр. конгр. / Москва, 30 мая - 9 июня 1966. К. - 1967. -С. 154-160. (Библиогр. - С. 159-160).
- 79.ЭКОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ аспекты влияния Дуная и других рек на районирование Черного моря. // В кн.: Одиннадцатая конференция по Дунаю. СССР. сект. 1967. (Тез. докл.). К. - 1967. - С. 35-38. То же. // В кн.: Лимнологические исследования Дуная: докл. XI Междунар. конф. по лимол. изучению Дуная. К., сент. 1967. К. - 1969. - С. 437-446. (Библиогр. - С. 444-445).
- 80.ВВЕДЕНИЕ. // В кн.: Экологическая биогеография контактных зон моря. К. - 1968.-С. 3-4.
- 81.КОНТАКТНЫЕ зоны южных морей. // В кн.: Биологические проблемы океанографии южных морей. К. - 1969. - С. 45-48.
- 82.БИОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ аспекты изучения континентальных склонов и подводных каньонов южных морей. // В кн.: Биологические процессы в морских и континентальных водоемах: Тез. докл. II съезда ВГБО. Кишинев. - 1970. - С. 65-66.
- 83.КОНТАКТНЫЕ зоны южных морей СССР и связанные с ними проблемы использования, воспроизводства и охраны морских биологических ресурсов. // В кн.: Охрана рыбных запасов и увеличение продуктивности водоемов южной зоны СССР: Материалы межвуз. совет. Кишинев, ОКТ. 1969. Кишинев. - 1970.-С. 8-9.
- 84.БИОЛОГИЧЕСКАЯ структура шельфа и континентального склона Черного моря. // В кн.: Вопросы продукционной, санитарной и технической гидробиологии южных морей. К. - 1971. - С. 53-66. (Библиогр. - С. 63-66).
- 85.К ПРОБЛЕМЕ контактных зон моря. // В кн.: Проблемы морской биологии: К 100-летию Ин-та биол. юж. морей. К. - 1971.- С. 218-222. (Библиогр. - С. 221).
- 86.СИСТЕМА биогеоценозов в контактных зонах Черного моря. // В кн.: Перспективы развития рыбного хозяйства в Черном море: Тез. Всесоюз. ихтиол. конф., 13-17 сент. 1971 в Одессе. Одесса. - 1971. - С. 4-5.
- 87.НЕКОТОРЫЕ теоретические и практические аспекты биологии прибрежной зоны моря. // Гидробиол. журн. - 1972. - Т. 8. - № 6. - С. 66-73. (Библиогр. - С. 72-73).

88. НАСТОЯЩЕЕ и будущее экосистемы Черного моря в условиях усиливающегося антропогенного воздействия. // В кн.: III съезд ВГБО: Тез. докл. Рига, 11-15 мая 1976. Рига. - 1976. - Т. 3. - С. 7-8.
89. "ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ" гомология экосистем Азово-Черноморского шельфа и перераспределение стока рек и вод морей. // В кн.: II Всесоюзная конференция по биологии шельфа. Севастополь, 1978. (Тез. докл.). Ч. I. Вопросы общей экологии шельфа. К. - 1978. - С. 6-7.
90. КОНТАКТНЫЕ структуры в экосистемах моря и континентальных водоемов. // В кн.: IV съезд Всесоюзного гидробиологического общества. К., 14 дек. 1981. (Тез. докл.). К. - 1981. - Ч. I. - С. 61-62.
91. ÖKOLOGISCH-GEOGRAPHISCHE Aspekte des Einflusses Der Donau und anderer Ströme auf Gliederung des Schwarzen Meeres. - In: Colloquium andercecale Danubianum (UdSSR), K., sept. 1967. K. - 1967. - P. 183-186.
- Биологические ресурсы Черного моря
92. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, связанные с изучением кормовой базы для промысловых животных в Черном море. // В кн.: Экологическая конференция по проблеме массового размножения животных и их прогнозов. К., 15-20 нояб. 1940. (Тез. докл.). К. - 1941. - Ч. 2. - С. 7.
93. ВОЗМОЖНОСТИ акклиматизации в Черном море новых объектов промысла. - Зоол. журн., 1949, т. 28, вып. I, с. 125 — 129. - Библиогр.: с. 129.
94. К БИОЛОГИИ северо-западной части Черного моря. // Зоол. Журн. - 1956. - Т. 35. - Вып. 4. - С. 492-500. (Библиогр. - С. 492-500).
95. ВОПРОСЫ биологии северо-западной части Черного моря в работах Одесской биологической станции Института гидробиологии Академии наук СССР, // В кн.: Вопросы экологии. К. - 1957. - Т. 1. - С. 171-179. (Библиогр. - С. 179).
96. К ПРОБЛЕМЕ использования морских биологических ресурсов для нужд животноводства, // В кн.: Использование гидробиологических ресурсов Черного моря на корм сельскохозяйственным животным: (Тез. докл. и сообщ.). Науч.-экон. конф. Одесса. - 1968. - С. 7-10.
97. СОВРЕМЕННОЕ состояние и перспективы развития рыбного хозяйства в северо-западной части Черного моря в условиях комплексного использования водных ресурсов Юга Украины /Совавт.: С.К. Бородин, М.М. Кирилук, А.М. Кукурдзе и др. // В кн.: III, съезд ВГБО. Рига, 11-15 мая 1976. Рига. - 1976. - С. 56-58.
98. ПРЕДИСЛОВИЕ. // В кн.: Димитриев Я.И. Использование лагун Черного моря в рыбохозяйственных целях. Кишинев. - 1979. - С. 3-5.
99. К ИСТОРИИ изучения биологических ресурсов Черного моря. // В кн.: История региональных исследований биологических ресурсов гидросферы и их использования. М. - 1982. - С. 155-164.
- Статьи в энциклопедиях
100. АРТЕМІЯ. // В кн.: УРЕ. - 1959. - Т. I, с. 309. (Без підпису).
101. АТЕРИНКА. // В кн.: УРЕ. - 1959. - Т. I. - С. 351. (Без підпису).
102. БАРАБУЛЯ. // В кн.: УРЕ. - 1959. - Т. I. - С. 445. (Без підпису).
103. БИЧКОВІ, // В кн.: УРЕ. - 1959. - Т. I. - С. 546. (Без підпису).
104. БИЧОК. // В кн.: УРЕ. - 1959. - Т. I. - С. 546. (Без підпису).
105. БІЛУГА. // В кн.: УРЕ. - 1959. - Т. I. - С. 580. (Без підпису).
106. БІОЛОГІЧНІ станції. // В кн.: УРЕ. - 1959. - Т. I. - С. 592. (Без підпису).
107. БОКОПЛАВИ. // В кн.: УРЕ. - 1960. - Т. 2. - С. 15. (Без підпису).
108. ВЕЛИКОРОТ. // В кн.: УРЕ. - 1960. - Т. 2. - С. 294. (Без підпису).
109. ВОДЯНИЙ ослик. // В кн.: УРЕ. - 1960. - Т. 2. - С. 539. (Без підпису).
- 1 Ю. ГЛОСЬ. // В кн.: УРЕ. - 1960. - Т. 3. - С. 307. (Без підпису).

- 111.ГОСТРОНИС. // В кн.: УРЕ. – 1960. – Т. 3. – С. 394. (Без підпису).
 - 112.ДВОЯКОДИХАЮЧІ. // В кн.: УРЕ. – 1961. – Т. 4. – С. 36. (Без підпису).
 - 113.ЧОРНЕ море. // В кн.: УРЕ. – 1965. – Т. 16. – С. 208. (Без підпису).
 - 114.АТЕРИНА. // В кн.: УРЕ. (2-е вид.). – 1977. – Т. 1. – С. 286.
 - 115.БИЧКОВІ, // В кн.: УРЕ. – (2-е вид.). – 1977. – Т. 1. – С. 437.
 - 116.БІЛУГА. // В кн.: УРЕ. (2-е вид.). – 1977. – Т. 1. – С. 465.
 - 117.БОКОПЛАВИ. // В кн.: УРЕ. (2-е вид.). – 1977. – Т. 1. – С. 511.
 - 118.ВОДЯНИЙ ослик. // В кн.: УРЕ. (2-е вид.). – 1978. – Т. 2. – С. 352.
 - 119.ГЛОСЬ. // В кн.: УРЕ. (2-е вид.). – 1979. – Т. 3. – С. 65.
 - 120.ГОСТРОНИС. // В кн.: УРЕ. (2-е вид.). – 1979. – Т. 3. – С. 130.
 - 121.ДВОДИШНІ. // В кн.: УРЕ. (2-е вид.). – 1973. – Т. 3. – С. 260.
 - 122.ДЕРЕВОТОЧЦІ морські. // В кн.: УРЕ. (2-е вид.). – 1979. – Т. 3. – С. 301.
 - 123.ЛАНЦЕТНИКИ. // В кн.: УРЕ. (2-е вид.). – 1981. – Т. 6. – С. 62.
 - 124.АТЕРИНА. // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1978. – Т. 1. – С. 289-290.
 - 125.БЕЛУГА. // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1978. – Т. 1. – С. 418.
 - 126.БОКОПЛАВЫ. // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1978. – Т. 1. – С. 510.
 - 127.БЫЧКОВЫЕ. // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1979. – Т. 2. – С. 90.
 - 128.БЫЧОК. // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1979. – Т. 2. – С. 90.
 - 129.ВОДЯНОЙ ослик. // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1979. – Т. 2. – С. 282.
 - 130.ГЛОСЬ. // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1980. – Т. 3. – С. 59.
 - 131.ГУБАНЫ. // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1980. – Т. 3. – С. 207.
 - 132.ДВОЯКОДЫШАЩИЕ. // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1960. – Т. 3. – С. 267.
 - 133.ДРЕВОТОЧЦЫ морские. // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1960. – Т. 3. – С. 464.
 - 134.ЛАНЦЕТНИКИ // В кн.: УСЭ. (2-е изд.). – 1981. – Т. 5. – С. 540.
 - 135.ОСТРОНОС. - В кн.: УСЭ, 2-е изд., 1982, т. 8, с. 10.
- Газетные публикации, интервью**
- 136.КАМЧАТСКАЯ морская станция, // Камчат. Правда. Петропавловск-Камчат. – 1932, нояб.*
 - 137.ИССЛЕДОВАНИЕ рыбных богатств Камчатки. // Камчат. правда Петропавловск-Камчат. – 1934, 20 авг.
 - 138.ИССЛЕДОВАНИЕ морей Камчатки: Работы Камчат. мор. станции Гос. гидр. ин-та. // Камчат, правда. Петропавлвск-Камчат. – 1934, 6 сент.
 - 139.ТРЕСКА приближается к нашим берегам: Результаты науч.-промыслов. разведки / Соавт.: И.А. Полутов, М.Ю. Бекман. // Камчат. Правда. Петропавловск-Камчат. – 1935, 21 апр.
 - 140.ВЕСЕННИЙ режим моря: (По данным Мор; станции ГГИ) / Соавт.: М.Ю. Бекман. // Камчат. Правда. Петропавловск-Камчат. – 1935, июнь.*
 - 141.ИССЛЕДОВАНИЕ морей Камчатки: Изучение районов открытого МОРЯ, бухт и биол. вост.-камчат. краба. // Камчат. правда Петропавловск-Камчат. – 1935, 27 сент.
 - 142.ГИДРОЛОГИЧЕСКОЕ изучение морей Камчатки: (Докл. на 1-й Камчат. науч. конф.). // Камчат. Правда. Петропавловск-Камчат. – 1935, 11 нояб.
 - 143.О ПРОМЫСЛЕ кефали. - Путь Ильича /Судак, Крым, обл./, 1947, 21 авг.
 - 144.О ПРОМЫСЛЕ черноморской акулы (катрана) и скатов. // Путь Ильича. Судак, Крым, обл. – 1947, 31 авг.

- 145.КАРАДАГСКАЯ биологическая станция в 1948 году. // Путь Ильича. Судак, Крым, обл. - 1948, 12 авг.
 - 146.ТУНЦЫ у берегов Крыма. // Красный Крым. Симферополь. - 1949, 26 нояб.
 - 147.РЕДКИЕ рыбы. // Крым. Правда. Симферополь. - 1951, 22 июня.
 - 148.ВИЛОВ кефали зросте / Соавт.: Ю.П. Зайцев. // Черномор. Комуна. Одесса. - 1959, 17 черв.
 - 149.КУДА исчезла кефаль?: .Воскрес, беседы. Ученые об актуал. вопр. // Знамя коммунизма. Одесса. - 1968, 4 февр.
 - 150.ЛУГАМ подспорье / Соавт.: М.М. Соснин. // Известия. - 1968,4 июня.
 - 151.ВОЗНЮК. Ю. Подводные пастбища: Интервью с докт. биол. наук, проф. К.А. Виноградовым. //Знамя коммунизма. Одесса. - 1969, 8 февр.
 - 152.ОТ ЧЕРНОГО моря до Антарктики: Интервью с докт. биол. наук, проф. К.А. Виноградовым. // Антарктика. Одесса. - 1975, 7 июня.
 - 153.СХВАТКА с акулой: Интервью с. докт. биол. наук, проф. К.А. Виноградовым. // Знамя коммунизма. Одесса. - 1975, 17 авг.
- Редактирование. Рецензирование.
- 154.ТРУДЫ Карадагской биологической станции АН УССР / Отв. ред. К.А. Виноградов. // Изд-во АН УССР. К. - 1949.-№ 7- 107 с.
 - 155.ТРУДЫ Карадагской биологической станции АН УССР / Отв. ред.; К.А. Виноградов. // Изд-во АН УССР. К. - 1949. - № 8-84 с.
 - 156.ТРУДЫ Карадагской биологической станции АН УССР. / Отв. ред. К.А. Виноградов. // Изд-во АН УССР. К. - 1950.- № 9- 160 с.
 - 157.ТРУДЫ Карадагской биологической станции АН УССР, /Отв. ред. К.А. Виноградов. // Изд-во АН УССР. К. - 1950.-№ 10 - 149 с
 - 158.ТРУДЫ Карадагской биологической станции АН УССР, /Отв. ред. К.А. Виноградов. // Изд-во АН УССР.-К. - 1951.-№ 11-141 с.
 - 159.ТРУДЫ Карадагской биологической станции АН УССР. /Отв. ред. К.А. Виноградов. // Изд-во АН УССР. К. - 1952.-№ 12- 136 с.
 - 160.САЛЬСЬКИЙ В.О. Молюски північно-західної частини Чорного моря /Відп. ред. К.О. Виноградов. // Вид-во АН УРСР. К. - 1958.-50 с.
 - 161.НАУЧНАЯ сессия Ученого совета Института гидробиологии Академии наук УССР на Одесской биологической станции 3-4 ноября 1958 г.: Тез. докл. и сообщ. /Отв. ред. К.А. Виноградов. Одесса. - 1958. - 54 с.(Библиогр.-С. 53-54).
 - 162.ЗАЙЦЕВ Ю.П. Іхтіопланктон Одеської затоки та суміжних ділянок Чорного моря /Відп. ред. К.О. Виноградов. // Вид-во АН УРСР. К. - 1959.-96 с.
 - 163.НАУКОВІ записки Одеської біологічної станції. АН УРСР / Відп. ред. К.О. Виноградов. Вид-во АН УРСР. К. - 1959.-Вип. I - 159 с.
 - 164.НАУКОВІ записки Одеської біологічної станції АН УРСР. / Відп. ред. К.О. Виноградов. // Вид-во АН УРСР. К. - 1960.-Вип. 2.- 113 с.
 - 165.НАУКОВІ записки Одеської біологічної станції АН УРСР. / Відп. ред. К.О. Виноградов. // Вид-во АН УРСР. К. - 1961.-Вип. 3.- 135с.
 - 166.НАУКОВІ записки Одеської біологічної станції АН УРСР. / Відп. ред. К.О. Виноградов. // Вид-во АН УРСР. К. - 1962.-Вип. 4.- 162 с.
 - 167.НАУКОВІ записки Одеської біологічної станції АН УРСР. / Відп. ред. К.О. Виноградов. // Наук, думка. К. - 1964.-Вип. 5- 112 с.
 - 168.БИОЛОГИЯ северо-заадной части Черного моря / А.М. Алмазов, В.С. Большаков, З.А. Виноградова и др.; Отв. ред. К.А. Виноградов. // Наук, думка. К. - 1967. - 268 с, ил. (Библиогр. - С. 245-266.
 - 169.ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ биогеография контактных зон моря / В.С. Большаков,

- Ю.П. Зайцев, В.П. Закутский и др.; Отв. ред. К.А. Виноградов. // Наук. Думка. К. - 1968. - 160 с., ил. (Библиогр. - С. 148-157).
170. БИОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы океанографии южных морей: Материалы юбил. науч. сессии Учен. совета Одес. отд-ния ин-та биол. юж. морей, посвящ. 50-летию Великой Октяб. соц. революции / Отв. ред. К.А. Виноградов. // Наук. Думка. К. - 1969. - 199 с, ил. (Библиогр. - С. 168-192).
171. ЗАЙЦЕВ Ю.П.. Морская нейстонология / Отв. ред. К.А. Виноградов. // Наук, думка. К. - 1970. - 264 с.
172. ЦЫБАНЬ А.В. Бактерионейстон и бактериопланктон шельфовой области Черного моря /отв. ред. К.А. Виноградов, Ю.П. Зайцев. // Наук, думка. К. - 1970. - 274 с.
173. СОВРЕМЕННОЕ состояние и перспективы развития кефалеводства в Азово-Черноморском бассейне: Материалы 3-й науч.-техн. конф. по кефалеводству. 23-26 ноябр. 1976 / Отв. ред. К.А. Виноградов. // Белгород-Днестровский. - 1976 - 51 с.
174. РЕЦ. на кн.: А.Ф. Карпевич. Теория и практика акклиматизации водных организмов. М.: Пищ. Пром-сть 1975. // Гидробиол. журн. - 1976. - Т. 13. - Вып. 5. - С. 108-109.
175. ДОСОВСКАЯ Г.В. Экология полихет Черного моря / Рец.: К.А. Виноградов, С.Б. Гринбарт. // Наук. Думка. К. - 1977. - 92 с.
176. БЕНЖИЦКИЙ А.Г. Нефтяные контаминанты в гипонейстах морей и океанов / Рец.: Г.Г. Поликарпов, К.А. Виноградов. // Наук. Думка. К. - 1980. - 120 с.
177. РЕЦ. на кн.: Биологические ресурсы внутренних водоемов СССР / Отв. ред. С.А. Студенецкий. М.: Наука, 1979. // Гидробиол. журн. - 1980. - Т. 16. - Вып. 4. - С. 124-125.
178. РЕЦ. на кн.: Биологические ресурсы внутренних водоемов СССР / Отв. ред. С.А. Студенецкий. М.: Наука, 1979. // Гидробиол. журн. - 1980. - Т. 16. - Вып. 4. - С. 123-124.
179. РЕЦ. на кн.: Использование биологических ресурсов Мирового океана / Отв. ред. С.А. Студенецкий, Н.В. Парин. М.: Наука, 1980. // Гидробиол. журн. - 1980. - Т. 16. - Вып. 6. - С. 102.
180. РЕЦ. на кн.: П.В. Ушаков. Многощетинковые черви (Polychaeta): Библиогр. указ. отеч. лит. Д.: Наука, 1979. // Гидробиол. журн. - 1980. - Т. 16. - Вып. 5. - С. 135.
181. КИСЕЛЕВА М.И. Бентос рыхлых фунтов Черного моря / Рец.: К.А. Виноградов, Т.В. Дехник. // Наук, думка. К. - 1981. - 166 с.
182. ЛИНДБЕРГ Г.У., ГЕРД А.С., РАСС Т.С. Словарь названий морских промысловых рыб Мировой фауны. // Л.: Наука. - 1980. - 563 с.
183. РЕЦ: Виноградов К.А. Энциклопедия названий морских промысловых рыб Мирового океана. // Гидробиол. журн. - 1981. - Т. 17. - Вып. 6. - С. 111-112.
184. РЕЦ. на кн.: Сырьевые ресурсы Черного моря / Под ред. К.С. Ткачевой, Ю.К. Бенко. М.: Пищ. пром-сть, 1979, // Гидробиол. журн. - 1981. - Т. 17. - Вып. 4. - С. 114-115.
185. КУЗНЕЦОВ А.П. Экология донных сообществ шельфовых зон Мирового океана: Трофич. структура мор. дон. фауны. - М.: Наука, 1980. - 244 с. Рец.: Виноградов К.А. Важное экологическое исследование. // Гидробиол. журн. - 1982. - Т. 18. - Вып. 6. - С. 101-104.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

Виноградов О.К.

Морський біолог
Костянтин Олександрович Виноградов

Російською мовою

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Виноградов А.К.

Морской биолог
Константин Александрович Виноградов

На русском языке

Підписано до друку 03.07.2009 г.
Формат 60х84 1/8.Папір офсетний
Друк. арк.. 20 Умовно друк. арк.. 18,60
Тираж 300. Замовлення № 23.

Надруковано НВЦ „ЕКОСІ-Гідрофізика”
99011 м. Севастополь, вул. Леніна, 28
Свідоцтво про державну реєстрацію
Серія ДК №914 от 16.02.02 г.